

АНАТОМИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Историю народа, исходя из способов получения материала, Н.Карамзин делил на три вида: на современную, где основным источником является сам очевидец событий, на ту, которая основывается на данных, близких по времени к описываемым действиям и, в третьих, на такую, которая извлекается из исторических источников и памятников прошлого.

Настоящий сборник базируется на всех трех видах истории. Авторы статей являются непосредственными участниками и очевидцами происходивших событий. Однако, несмотря на это, в ряде статей основой исследования являются не только личные воспоминания, но и многочисленные материалы периодической печати, документы и материалы государственных органов власти и общественных объединений, данные социологических опросов населения и другие.

Все исследователи – известные ученые Тартуского университета, в том числе:

Виктор Пальм – профессор, химик, академик Эстонской Республики, один из инициаторов создания Народного фронта Эстонии, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы на Съезде народных депутатов СССР.

Михаил Бронштейн – профессор, экономист, академик Эстонской Республики, участник Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР.

Леонид Столович – профессор, философ, автор многих известных работ по эстетике.

Рейн Вейдемани – профессор, филолог, журналист, заведующий кафедрой эстонской литературы, один из инициаторов создания НФЭ;

Рафик Григорян – доктор философии, доцент, заведующий лекторатом Нарвского колледжа Тартуского университета, с 1997 по 1999 и с 2002 по 2003 годы – советник министра народонаселения, один из инициаторов создания НФЭ.

Игорь Розенфельд – доктор философии, журналист, руководитель фирмы «Крипта», в прошлом был членом НФЭ.

Сборник называется «Анатомия независимости». Его создатели поставили перед собой задачу осветить неизвестные страницы истории «поющей революции», которая многогранна, сложна и не признает однобокого, селективного подхода.

В восстановлении независимости эстонского государства принимала участие и часть неэстонского населения, которая вместе с эстонцами активно боролась за общую свободу и лучшее будущее. Однако участие неэстонцев не нашло отражения в исторических трудах ученых Эстонии, в многочисленных периодических изданиях, в хроникально-документальных фильмах, посвященных периоду «поющей революции». Более того: следуя стереотипам, неэстонцы рассматриваются в них как противники независимости, как «пятая колонна советской империи». Такой однобокий подход не будет способствовать межнациональному диалогу, взаимопониманию и интеграции общества.

Освобожденное от стереотипов прошлого историческое сознание народа есть основа интеграции. Одной из ее целей является изменение подходов к проблеме неэстонцев – замена отношения «неэстонцы как проблема» подходом «неэстонцы как ресурс, как потенциал развития».

Однако эти изменения в психологии и поведении людей не происходят автоматически, необходимо формировать положительный образ «инородца». Сказанное имеет немаловажное значение в воспитании подрастающего поколения в духе толерантности и взаимопонимания людей.

Авторский коллектив изложил свое понимание проблем «поющей революции», показал свой подход к процессу восстановления независимости Эстонии. Он не претендует на всестороннее и завершенное освещение данной темы, а всего лишь пытается привлечь к ней внимание ученых, политиков, педагогов и всей общественности. Исследователи убеждены, что могут и должны быть различные трактовки истории «поющей революции» и периода восстановления независимости.

Сборник отражает определенные расхождения в позициях самих авторов, что является вполне естественным явлением.

Надеемся, что материалы данного сборника статей будут интересны ученым, специалистам по межнациональным отноше-

ниям, историкам и педагогам – всем тем, кого интересует история «поющей революции» и восстановления независимости эстонского государства.

Особо хотелось бы поблагодарить посольство Канады в Эстонии, а так же лично господина Доминика Розетти и Марину Асари за финансовую помощь и моральную поддержку в издании настоящего сборника, который без этого не смог бы появиться на свет.

Редактор

Сборник подготовили редакторы:
Рафик Григорян и Игорь Розенфельд

Переводчики:
Нина Григорян и Анне Кирис

Корректоры:
Марье Йоалайд и Анатолий Петухов

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ «ПОЮЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Рафик Григорян

В освещении истории восстановления независимости Эстонии можно выделить два подхода. Первый состоит в том, что история Эстонии излагается в отрыве от тех процессов, которые происходили в Советском Союзе и на международной арене – т.н. «хуторской взгляд». Второй характеризует стремление авторов освещать события в Эстонии во взаимосвязи с общими процессами, происшедшими в СССР и в мире. Автору больше импонирует второй подход, ибо он позволяет рассмотреть все события и явления, а также действия людей не изолированно от внешнего мира, но в их совокупности и развитии.

Автору, как историку, повезло в том плане, что он оказался в гуще всех тех политических событий, которые определили судьбу Эстонии, России и других постсоветских государств. При анализе событий автор опирается на многочисленные факты и документальные источники, а также основывается и на своих личных встречах и воспоминаниях, как непосредственный участник этих событий. Следует отметить, что очень трудно проанализировать с научной точки зрения все то, что произошло за последние пятнадцать лет. Как считают историки, историей становится лишь то, что пролежало примерно 50 и более лет, и в этом есть своя логика. Сложность состоит еще и в том, что очень много фактического материала имеется в спецархивах КГБ-ФСБ, МВД, МО, в Президентском архиве России и других, которые содержатся в секрете и еще недоступны исследователям. Статья не претендует на всестороннее освещение данной проблемы, а пытается лишь в общих чертах обрисовать участие неэстонцев, главным образом тартусцев, в восстановлении независимости Эстонской Республики. Исследователь сфокусировал свое внимание на этой теме по той причине, что она до сих пор никем не рассматривалась и незаслуженно забыта.

Известный политик, один из лидеров НФЭ и Партии центристов Эдгар Сависаар в своей книге пишет: «Из бывших респуб-

лик СССР мы единственные вышли из той гражданской войны без кровопролития – всем остальным пришлось в борьбе за свою независимость понести человеческие жертвы» (*Сависаар Э. Верю в Эстонию. Таллинн, 1999, с. 6*). В этом есть немалая заслуга и тех неэстонцев, кто, не жалея сил и своего времени, постоянно разъезжал с лекциями по городам Эстонии и за ее пределами, выступал на многочисленных собраниях и митингах, не боялся открытых дискуссий с агрессивно настроенными представителями просоветских и прокремлевских сил. Тех, кто нес гуманистические идеи НФЭ в русскоязычную среду, отстаивал демократические ценности и призывал людей к толерантности и объединению во имя лучшего будущего Эстонии.

За последние 15 лет вышли десятки книг, написано немало статей, дипломных, магистерских и докторских работ про времена «поющей революции» и восстановления независимости Эстонии. Однако в них многие имена и деятельность неэстонцев в этом процессе тотально замалчиваются. Более того, из хроникально-документальных фильмов, посвященных тому периоду, почему-то исчезли имена и образы неэстонцев, выступавших на многотысячных митингах и участвовавших в различных акциях, нацеленных на достижение суверенитета и независимости Эстонии. Из русскоязычных политиков широко отображены лишь те, кто действовал в составе Интердвижения, ОСТК, участвовал в многочисленных акциях протеста против процесса суверенизации Эстонии, восстановления государственной независимости, национальной символики, исторической правды о сталинских депортациях и т.д. В результате селективного подхода неэстонцы – активные деятели национально-освободительного движения Эстонии конца 80-х начала 90-х годов – оказались фактически вычеркнутыми из истории эстонского народа, как в сталинские времена вычеркивали троцкистов, в хрущевские – сталинистов, а в брежневские – сторонников Хрущева. История, как говорил Гегель, ничему не учит, но она, по меткому замечанию Ключевского, тем не менее, наказывает тех, кто не хочет у нее учиться. Некоторые эстонские интеллектуалы, деятели культуры, науки знают об этом и, как отметил Рейн Вейдеманин, – «Мы в долгу перед тартускими русскими интеллектуалами тех лет» (*Рейн Вейдеманин. Тартуский опыт демократии. – Литературный журнал «Таллинн», 2000, ¹ 19–20,*

с. 124). Но таких голосов еще мало, они звучат очень редко как на политическом, так и научном небосклоне.

Известно, что процессу восстановления независимости Эстонии предшествовал период, который вошел в историю под названием «перестройка и гласность». «Крестным отцом» перестройки и гласности стал Михаил Горбачев, избранный на пост генерального секретаря ЦК КПСС 10 марта 1985 года в возрасте 54 лет. Он представлял то поколение, которое пришло в политику в годы хрущевской «оттепели». На апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года М. Горбачев подтвердил свою приверженность генеральному курсу КПСС – «совершенствованию общества развитого социализма» – и предложил ускорить социально-экономическое развитие страны. Главную причину т.н. «временных недостатков» он видел в кадрах, а не в системе и стал менять кадры, действуя по накатанному большевиками принципу – «кадры решают все».

Однако вскоре курс на ускорение социально-экономического развития СССР обнаружил свою полную несостоятельность и утопичность. Фактически период с апреля 1985 года до января 1987 года был периодом новой оттепели, но не перестройки. В январе 1987 года на Пленуме ЦК КПСС М. Горбачев провозгласил новый курс на «перестройку и гласность». На этом Пленуме М. Горбачев впервые за всю историю коммунистического правления в СССР признал, что «общечеловеческие ценности являются приоритетными и превалируют над узкоклассовыми». Было ли это сделано осознанно или в угоду международному общественному мнению, сегодня трудно сказать. Но этот факт оказал существенное влияние на мировоззрение многих людей. По сути, он означал отход от классового, однобокого принципа в оценке исторических событий, явлений, личностей и т.д.

Теперь ученые могли анализировать, высказывать свою собственную позицию, опираясь на источники и факты, а не на установки со стороны КПСС и ее лидеров. Каждый человек мог не бояться, что его взгляды будут оценены как антикоммунистические, антигосударственные и антисоветские. Он мог писать и говорить так, как подсказывает ему его собственный разум и собственное сердце. В этом и состояла суть гласности. Перестройка предусматривала переход от тоталитаризма к демократии, от единовластию к политическому, экономическому и идео-

логическому плюрализму, к отказу от имперской внешней политики, к защите и уважению прав человека. Эта задача была довольно сложной для страны, которая 70 лет находилась под властью большевиков. Как еще в 1919 году отмечал известный марксист и противник большевизма Карл Каутский, «для того, чтобы удержаться у власти, большевики готовы пойти на всевозможные уступки бюрократии, милитаризму, капитализму. Но уступка демократии кажется им самоубийством».

Курс на перестройку и гласность породил новый климат в общественно-политической жизни. Он породил серьезные противоречия внутри монополюбно правящей партии. Возникла оппозиция М.Горбачеву во главе с его первым заместителем Е.Лигачевым. В условиях гласности существенно повысилась роль средств массовой информации. Особенно выделились газеты: «Московские новости», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты»; журналы: «Огонек», «Звезда», «Новый мир», «Октябрь» и другие. Стали появляться интересные книги: «Дети Арбата» А.Рыбакова, повесть Ф.Искандера «Кролики и удавы», вышел фильм-аллегория «Покаяние» Т.Абуладзе и т.д. Мы все, независимо от этнической принадлежности, читали их, извлекая уроки мудрости из истории.

Эстонская интеллигенция вначале приняла перестройку и гласность как очередную кампанию и заняла выжидательную позицию. Даже тогда, когда М.Горбачев посетил в феврале 1987 года Эстонию и Латвию, данная позиция мало изменилась. Это объяснялось не только особенностью эстонского национального характера, но и личностью М.Горбачева как политика. Он, как писал Дж. Оруэлл, обладал способностью «одновременно держаться двух противоположных мнений» и действий. С одной стороны, по его указанию в течение 1987 года из тюрем и психбольниц были освобождены политические заключенные – все те, кого именовали диссидентами или «узниками совести». С другой стороны, в советском уголовном кодексе все еще сохранялась статья 70, допускающая репрессии за убеждения, статья 58 – за религиозную деятельность, статья 190 – за «клевету, порочащую советский общественный и государственный строй» и другие. А это означало, что всякий, кто выходил за рамки «дозволенного» мог быть привлечен к уголовной ответственности. М.Горбачев много говорил о гласности, но при этом не допускал крити-

ки в адрес К.Маркса, Ф.Энгельса, В.Ленина, КПСС, Политбюро, идеологии марксизма-ленинизма, которые оставались «священными коровами социализма». Он сознательно консервировал систему, которая давно показала свою недееспособность.

Однако, скоро реальные перемены, происходящие в жизни, заставили эстонских интеллектуалов преодолеть это недоверие. Гласность создала новую обстановку в стране, всколыхнула народы, пробудила в них чувство собственного достоинства, раскрыла всю антигуманную сущность советского тоталитарного режима. Люди стали видеть общество не таким, каким оно преподносилось властями, а таким, каким оно было в действительности, без «стратегии показухи».

В Эстонии первыми преодолели страх цензуры эстоноязычные газета «Edasi», журнал «Vikerkaar» и его русскоязычный вариант «Радуга». В этом была большая заслуга их редакторов – Марта Кадастика и Рейна Вейдеманна. 29 мая 1987 года в газете «Edasi» вышла статья Мати Хинта «Демократия и язык», в которой автор выступал против навязывания русского языка эстонским детям с раннего возраста, доказывая, что это ведет к языковой, умственной и культурной недоразвитости. В той же газете Рафик Григорян опубликовал обширную статью «Перестройка и национальные отношения» (см. «Edasi», 11 июня 1987). В ней был подвергнут критике программный тезис КПСС о том, что в СССР национального вопроса нет, что он «решен полностью, окончательно и бесповоротно». Статья подводила читателя к тому, что игнорирование национальных особенностей, языка и культуры каждого этноса ведет людей к утрате исторической памяти, порождает национально бесполое существо, а это приводит к гибели нации.

19 июля 1987 года в газете «Edasi» вышла вторая статья Р.Григоряна – «Национальные отношения и языковые закорючки». В ней автор поддержал выступление Мати Хинта о необходимости защиты эстонского языка, его изучения всеми неэстонцами, живущими в Эстонии, но, в то же время, подверг сомнению его тезис о вреде раннего двуязычия. Серию статей с анализом влияния идеологических, политических, экономических и демографических процессов на национальные отношения в республике в 1970–1980-е годы написал Эдгар Сависаар (см. *Радуга*, 1987, ¹¹ 10, 11, 12). Тогда же многие проблемы перестройки

стали предметом анализа Евгения Голикова (см. *Радуга*, 1987, ¹ 12; 1988, ¹ 1).

Газеты и журналы, выходявшие в Эстонии на русском языке (за исключением «Радуги»), избегали печатать несанкционированные партийными органами статьи. Их руководство понимало гласность как свободу «с позволения сказать» и держало русскоязычное население Эстонии на информационном пайке. Принцип был ясен: эстонских газет партийные идеологи в Москве не читают, а русские могут попасть им в руки. В то время когда эстонская пресса активно обсуждала проблемы добычи фосфоритов, по республике устраивались пикеты, возникло движение «зеленых», русскоязычные жители Эстонии узнавали обо всем этом из центральной прессы, которая часто преподносила события в искаженном свете. Национально-языковые проблемы вызвали настолько сильный резонанс в обществе и в печати, что один из лидеров КПЭ Микк Титма призывал не затрагивать их вообще, ибо они всегда кончались для Эстонии печально.

В результате, 26 сентября 1987 года в газете «Edasi» была опубликована статья четырех авторов (Тийта Маде, Эдгара Сависаара, Сийма Калласа и Микка Титма) с романтическим предположением о переходе всей республики на принципы территориального хозрасчета: так называемая «Isemajandav Eesti» – ИМЕ [аббревиатура ИМЕ (эст.) – «хозрасчетная Эстония» может иметь и другое значение: ime (эст.) – «чудо»]. В сущности, это был план экономической автономии Эстонии в составе СССР. В Кремле это предложение было воспринято враждебно, как начало развала «единой и неделимой» союзной экономики, как «экономический сепаратизм».

В условиях начавшегося национального пробуждения, когда возникали многочисленные вопросы, требующие научного ответа, осенью 1987 года профессор-философ обществовед *Рэм Блюм* предложил создать при Тартуском университете «Клуб друзей перестройки». В этом клубе могли собираться все те, кто был безразличен к судьбе перестройки и гласности, кто мог оказать какую-либо помощь в демократизации Эстонии. В рамках этого клуба стали организовываться встречи с политиками и учеными, проводились дискуссии по актуальным проблемам, таким как «Национальный вопрос», «Программа ИМЕ», «Языковые отношения в Эстонии», «Демократия и ее судьба в СССР» и многие дру-

гис. Заседания клуба чаще всего вели Рэм Блюм и Виктор Пальм. В дискуссиях участвовали Михаил Бронштейн, Чеслав Лушик, Виктор Файнштейн, Евгений Голиков, Владимир Брехов (Сааль), Ивар Райг, Рафик Григорян, Артур Кузнецов, Марью Лауристин, Аду Муст, Анатолий Петухов, Игорь Розенфельд, Леонид Столович, Павел Рейфман, Юри Таммару и многие другие. По итогам дискуссий составлялись резолюции, которые отправлялись в партийные органы республики и редакции газет для оказания помощи в проведении реальной политики перестройки.

Газеты, выходящие на эстонском языке, в отличие от русскоязычной периодики, чаще печатали эти материалы. Русскоязычная печать по-прежнему занимала крайне консервативную позицию и отказывалась публиковать несанкционированные партийными органами материалы. Этот пробел научная интеллигенция из Тарту восполняла лекционными выступлениями перед многочисленными русскоязычными аудиториями на заводах, в клубах, школах, учреждениях и т.д. Так, с лекциями о сущности, задачах и целях перестройки и гласности выступали Рэм Блюм, Михаил Бронштейн, Евгений Голиков, Рафик Григорян, Юри Пыльд, Виктор Пальм. В аудиториях Тартуского университета, где проходили эти лекции, собиралось огромное количество людей. Кроме этого, устраивались лекции по линии тартуского городского общества «Знание», которым руководила Валентина Луукас. Эти встречи вызвали огромный интерес среди слушателей. Из-за большого количества желающих стали устраиваться даже платные лекции в Тартуском клубе железнодорожников.

Осенью 1987 года из ЦК КПЭ поступило предложение группе ученых Тартуского университета подготовить «Записку о некоторых аспектах национальных отношений и национальной политики». В состав группы вошли Юри Ант, Рафик Григорян, Пауль Кенкманн, Марью Лауристин, Ээро Лооне, Виктор Пальм. При составлении «Записки» были использованы также материалы, представленные заведующими кафедрами общественных наук Пеэтером Тульвисте, Йоханнесом Калитсом и Иваном Волковым. В «Записке» нужно было ответить на следующие вопросы ЦК КПЭ:

■ Что дали эстонскому народу 50 лет в составе СССР, как это воспринимается людьми?

- В чем причины напряженности национальных отношений? Как это понимается людьми?
- Что в данном вопросе специфично для Эстонии?
- Какова обстановка на сегодня?
- Чего ждут люди от предстоящего Пленума ЦК КПСС по национальным отношениям?
- Какие вопросы следует решать на уровне всей страны и какие в республике?
- Какова оценка материалов по национальным отношениям, публикуемых в центральной печати?

В ответе на первый вопрос составители написали: «Огромное большинство эстонцев полагает, что в 1940 году Эстония (а также Латвия и Литва) не вступила добровольно в СССР, а была насильственно завоевана, что здесь был установлен и до сих пор существует колониальный режим».

Отмечалось также, что виновным в нарушении принципов самоопределения наций эстонцы считают авторитарный режим И.Сталина и то, что руководство ЦК КПЭ (К.Вайно и Г.Алёшин) и Совмина ЭССР (Б.Сауль) поддерживают установленный И.Сталиным колониальный режим.

В качестве основного источника межнациональной напряженности в республике указывались следующие причины:

- со стороны эстонцев – страх остаться национальным меньшинством на своей исторической территории и отсутствие суверенитета в вопросах управления экономической, социальной и духовной сферах жизни (и другие);
- со стороны русской части населения – незнание истории Эстонии, языка, местных культурных традиций, конкуренция в быту, непонимание экономической, политической и культурной ситуации в республике (и другие).

От предстоящего Пленума ЦК КПСС составители «Записки» ожидали «конституционных гарантий суверенитета союзных республик» и т.д. В «Записке» был дан анализ материалов СМИ по вопросам межнациональных отношений. Данная «Записка» не вызвала восторга у тех, кто ее заказал, и поэтому ее результаты остались в тайне.

Поворотным пунктом процесса демократизации страны стал 1988 год, когда началась перестройка снизу, когда она стала восприниматься многими как средство утверждения подлинного на-

родовластия, как очищение общества от страха и наследия сталинизма. Появилось много интересных статей, посвященных культуре личности Сталина и по другим ранее запрещенным темам. Многие авторы через критику сталинизма начали пересматривать историю советского периода в целом. В январе 1988 года газета «Edasi» опубликовала цикл статей преподавателей университета Р. Григоряна и Л. Кийка, посвященных культуре личности Сталина. В отличие от критики 60-х годов, эта критика сталинизма носила более масштабный и содержательный характер, но все же еще не покушалась на т.н. «священных коров социализма», ибо реформировать их было просто опасно для жизни.

В 1988 году в Армении и Эстонии произошли события, которые привлекли пристальное внимание всего мирового сообщества. В этих республиках были подвергнуты критическому анализу деятельность Политбюро ЦК КПСС и пересмотрены основы советского государственного устройства.

2 февраля 1988 года, в очередную годовщину подписания Тартуского мира, в Тарту состоялась дискуссия, посвященная этому событию. Она проходила в большой аудитории Тартуского университета на ул. Ванемуйзе между сторонниками «диссидентской» группы MRP-AEG (Лагле Парек, Марис Сарв и др.) и историками университета (Кайдо Яансон, Лембит Кийк и др.). Дискутировали корректно и аргументированно. Симпатии публики были на стороне группы MRP-AEG, которая требовала опубликования, признания и соблюдения Советским Союзом этого договора. После окончания дискуссии, когда ее участники вышли на улицу, они увидели, что вся она оцеплена спецотрядами вооруженной милиции в касках, со щитами и собаками. Сам министр внутренних дел Эстонской ССР инкогнито находился в Тарту. Это больше всего поразило и возмутило людей. Фактически власть то ли по недопониманию (со страха), то ли сознательно провоцировала народ на столкновение.

Понимая это, ученые Тартуского университета, в том числе Рэм Блум, Рафик Григорян, Марью Лауристин, Виктор Пальм, Пеэтер Вихалемм и Юри Таммару опубликовали в газете «Edasi» «Открытое письмо к согражданам» (*Edasi*, 7 февраля 1988), в котором критиковали действия властей и предупреждали людей о возможных провокациях на праздновании Дня независимости 24 февраля. Ученые учли опыт Латвии, когда 18 ноября

1987 года на митинге по случаю Дня независимости Латвии произошли столкновения с милицией, а затем власти обвинили во всем организаторов.

«Открытое письмо» вызвало немалый резонанс. На следующий день после публикации письма секретарь партийной организации Тартуского университета в присутствии секретаря комитета комсомола вызвал Р. Григоряна к себе в кабинет и обвинил его в том, что он «натравливает эстонский народ против партии». Расчет был прост – запугать и лишить права голоса.

Но напряжение в обществе нарастало с каждым днем. В феврале 1988 года стало ясно, что либерально-аппаратный вариант перестройки исчерпал себя, и настало время радикально-демократической перестройки. Полумеры завели страну в тупик. Люди устали от обещаний, призывов и лозунгов. Манипулировать народом становилось все труднее и труднее.

Эстонский народ требовал опубликования секретных протоколов к пакту Молотова–Риббентропа, признания факта оккупации Эстонии со стороны СССР в 1940 году, восстановления узурпированной коммунистами подлинной истории, а также демо-кратизации общества, гарантий прав и свобод личности, прав на государственность.

Карабахский конфликт стал первым серьезным сигналом кризиса советской модели государственного устройства, а кровавая резня в Сумгаите стала кульминацией межнациональной напряженности в СССР. Национальный вопрос, который в СССР считался «решенным полностью, окончательно и бесповоротно», стал «ахиллесовой пятой» кремлевского руководства. Оно так и не смогло найти ему противоядия. Вместо того, чтобы серьезно изучить причины этого кризиса и извлечь необходимые уроки, кремлевское руководство взяло курс на запугивание и аресты. В ответ стали возникать неформальные движения, появились неофициальные лидеры, которые взяли судьбу перестройки в свои руки. Напуганная размахом народной активности и тем, что ситуация выходит из-под ее контроля, консервативно настроенная партийная бюрократия среднего и высшего звена выступила с резким протестом. Она требовала запретить митинги, наказать «распоясавшуюся» прессу, покарать журналистов и авторов неугодных статей, сменить независимых редакторов газет и журналов. В аппарате ЦК КПСС и ЦК КПЭ

шла упорная борьба по вопросу о мерах дозволенности и пределах гласности и демократизации.

В момент отсутствия М.Горбачева в стране, 13 февраля 1988 года, в газете «Советская Россия» появилась статья под названием «Не могу поступиться принципами». Под ней стояла подпись никому не известной в стране Нины Андреевой – доцента Ленинградского технологического института. Однако, «крестным отцом» этой статьи был Егор Лигачев, второй человек в иерархии КПСС. С 13 февраля по 5 апреля 1988 года вся страна находилась в состоянии оцепенения. Все центральные газеты страны, за исключением «Московских новостей» и «Тамбовской правды», перепечатали эту статью-передовицу. Многие ждали реакции М.Горбачева – инициатора перестройки. Лишь 5 апреля в «Правде» и других газетах вышла ответная статья, написанная Александром Яковлевым в защиту перестройки. Эти три недели показали: во-первых, что в руководстве страной, на ее высшем уровне существует серьезный раскол в понимании целей и задач перестройки и гласности. Во-вторых, стало ясно, что нет никаких гарантий перестройки, демократизации и гласности, что репрессивный аппарат готов вновь действовать. В-третьих, М.Горбачеву открыто был брошен вызов изнутри Кремля.

В этой обстановке, в начале апреля 1988 года, на очередном заседании «Клуба друзей перестройки», на котором присутствовали Рэм Блюм, Виктор Пальм, Владимир Брехов, Игорь Розенфельд, Юрий Таммару, Рафик Григорян, Илья Никифоров, Александр Шегедин, Сергей Литвак, Анатолий Петухов, Владимир Мюрк и другие, обсуждалась статья Александра Яковлева. Рэм Блюм призывал всех участников к активизации деятельности.

Известно, что во второй половине марта 1988 года журнал «Огонек» провел «круглый стол» по проблемам перестройки. Там участвовали многие известные ученые, в том числе В.Г. Гельбрас, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, Б.П. Курашвили, Е.П. Примак и другие. Борис Курашвили, которого знал Р.Блюм, предложил по опыту европейских стран создать в стране «Народный фронт в поддержку перестройки», чтобы люди смогли проявить социальную и политическую активность и, самое главное, реально иметь возможность влиять на ход политической жизни (*Огонек*, 1988, ¹ 14). Эта мысль прозвучала также в газете «Советская культура» (*Советская культура*, 13 апреля 1988).

Идея создания НФ была очень своевременной. Будучи специалистом по теории революции, Р.Блюм постоянно повторял, что демократия должна уметь себя защищать. Он опасался повторения опыта 1960-х годов, когда сталинистам удалось повернуть процесс хрущевской либерализации вспять.

С 1 по 3 апреля 1988 года в трех Балтийских странах прошли Объединенные пленумы творческих союзов (в Эстонии – 1-2 апреля, в Таллинне). На них обсуждались те же вопросы – поиски путей дальнейшей демократизации страны. Кроме того, представители эстонской интеллигенции обвиняли партийные и советские органы власти в геноциде эстонского народа, в узурпации его свободы и в русификации. На пленуме было выдвинуто требование об отставке возглавлявшего КПЭ Карла Вайно, о восстановлении национальной символики, о приоритетном развитии в Эстонии эстонского языка и культуры. Решения этого пленума оказали сильное влияние на процесс национального пробуждения в республике.

13 апреля 1988 года в передаче Эстонского ТВ «Подумаем еще» («Mõtleme veel»), где обсуждалась проблема использования гражданской инициативы, Эдгар Сависаар выступил с предложением создать в Эстонии демократическое движение в поддержку перестройки – Народный фронт Эстонии. Идею поддержали участники передачи и вся рабочая группа этого цикла передач. Тарту на передаче представлял Виктор Пальм. В тот же день вечером в Таллинне и 14 марта 1988 года в Тарту возникли инициативные группы по созданию Народного фронта. Была составлена декларация о Народном фронте. В состав тартуской инициативной группы кроме М.Лауристин, В.Пальма, А.-Э.Лукас, А.Муста, П.Вихалемма, В.Калмре, Р.Килька, Р.Ярлика вошли также Р.Григорян и А.Кузнецов. Поскольку Р.Блюм находился в командировке, то он присоединился позже.

Инициативные группы передали декларацию НФ в ЦК КПЭ и в Президиум ВС ЭССР для регистрации. Игнарь Фьюк, в то время председатель Совета по культуре творческих союзов Эстонии, по этому поводу писал: «Людей сплотил страх перед повторением социальных кошмаров прошлых десятилетий и экономическим упадком. Народный фронт – это одна из гарантий радикального оздоровления общества» (*Вестник Народного фронта, 1988, ? 1*).

Идея создания НФ получила широкую народную поддержку снизу. Власти должны были как-то отреагировать на это событие. Во второй половине апреля в кабинете секретаря ЦК КПЭ Индрекка Тооме состоялась беседа, в которой участвовали Рэм Блум, Евгений Голиков, Клара Халлик и Рафик Григорян. Речь шла о Народном фронте, его целях и задачах. Такие встречи проводились и с другими группами эстонской интеллигенции. В результате, 29 апреля 1988 года на расширенном совещании в ЦК КПЭ благодаря поддержке Арнольда Рюйтеля и Индрекка Тооме идея создания НФЭ была одобрена руководством Эстонии.

30 апреля 1988 года газета «Edasi» опубликовала декларацию НФ, принципы и цели движения. Уже на следующее утро на первомайской демонстрации народ нес несанкционированные лозунги в поддержку Народного фронта. Началось массовое создание групп поддержки по всей Эстонии. Пресса, выходящая в республике на русском языке, игнорировала эти факты и не информировала о Народном фронте русскоязычное население Эстонии. Центральные газеты, Всесоюзное радио и Центральное ТВ резко отрицательно, а порой и враждебно оценивали эти события. Но «призрак» Народного фронта уже пошел бродить по Советскому Союзу. Аналогичные движения стали появляться и в других республиках. 20 мая 1988 года в Тарту был образован Совет уполномоченных НФ и его правление. В правление вошли М.Лауристин, Р.Григорян, В.Калмре, Р.Кильк, А.-Э. Лукас.

14 июня 1988 года на Ратушной площади в Тарту был организован митинг памяти жертв сталинских репрессий. Это был первый массовый митинг в городе, на котором собралось более 5000 человек. Выступили М.Лауристин, А.Саунанен, Р.Григорян и другие. О последнем тартуская газета писала, что это «было единственное выступление, доступное тем, кто не знает эстонского» (*Вперед, 25 июня 1988*).

В июне 1988 года в Таллинне на Певческом поле регулярно стали собираться десятки тысяч молодых людей на т.н. «ночные певческие праздники». Весь Таллинн был украшен синечерно-белыми национальными флагами. Первый секретарь ЦК КПЭ Карл Вайно был охвачен паникой и не знал, что делать. Выходец из России, он плохо владел эстонским языком, не осознавал сути происходящих перемен, был очень непопулярен в

народе и поэтому 16 июня 1988 года был заменен Вайно Вялясом. Вайно Вяляс, уроженец Хийумаа, выпускник Тартуского университета, с 1980 года Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Республике Венесуэла, а затем в Никарагуа, кандидат исторических наук. Несмотря на то, что он с 1952 года состоял в КПСС, его считали прогрессивным деятелем, которому не чужды интересы эстонского народа.

17 июня 1988 года на Певческом поле в Таллинне НФЭ организовал первый свой крупный митинг, в котором участвовало около 150 000 человек. Благодаря этому мероприятию процесс перестройки в Эстонии вошел в историю как «поющая революция». Митинг на Певческом поле был посвящен поддержке делегатов Компартии Эстонии на XIX Всесоюзной партконференции, от которой ожидали переломных решений по демократизации общества. В тот же день вышел первый номер газеты «Вестник Народного фронта» на эстонском и русском языках. Впервые люди добровольно вышли на митинг вместе с партийными руководителями – В.Вялясом, И.Тоомс, Э.-А. Силлари. Повсюду развевались сине-черно-белые флаги. Через неделю по решению ВС ЭССР сине-черно-белый флаг был официально провозглашен эстонским национальным флагом.

XIX партконференция приняла три важных решения:

- ввести в СССР президентскую форму правления;
- созвать Съезд народных депутатов, избранных демократическим путем;
- передать всю власть на местах от партийных органов Советам.

Таким образом, впервые «покушались» на одну из «священных коров социализма», на «руководящую и направляющую роль КПСС».

1–2 октября 1988 года состоялся Учредительный конгресс НФЭ. На нем были приняты Хартия и Программа движения. Это было политическое движение, основанное на инициативе народа. Оно было направлено на перестройку всего общества на принципах демократии и гуманизма, на утверждение суверенитета Эстонской Республики. Во взаимоотношениях Эстонии с всесоюзными органами власти НФЭ исходил из приоритета прав республик перед центром.

На Конгрессе в Совет уполномоченных НФЭ из числа неэстонцев были избраны Рэм Блум, Владимир Брехов, Олег Бу-

ров, Рафик Григорян, Юрий Лотман, Эльдар Эфендиев, Олег Харламов, Эдуард Шаумян, Хаги Шейн, а в Ревизионную комиссию – Илья Никифоров. На Конгрессе присутствовало более 400 журналистов, интерес был огромный, поэтому для них была организована пресс-конференция. Руководил пресс-конференцией Тьнис Авиксон, участвовали Мати Хинт, Марью Лауристин, Кюлло Арьякас, а из неэстонцев – Хаги Шейн, Рафик Григорян, Артем Давидянц, Самуэль Лазикин. Впоследствии на фотографиях, напечатанных во многих книгах, учебниках по истории и в журналах, неэстонцы оказались «за кадром».

Первоначально НФЭ не ставил своей целью отделения Эстонии от СССР. Он предлагал заключить новый Союзный договор, тем более, что Эстония никогда не подписывала старый. Федеративный принцип государственного устройства предусматривает, чтобы союзное государство строилось снизу, самими субъектами федерации. Права и компетенции Союза определяются самими республиками, путем добровольного делегирования части своих суверенных прав центральным органам власти. Однако, в Кремле думали иначе. М.Горбачев не был еще готов перейти к действительной федерации. Как писал Яак Аллик, Горбачев в «вопросе вопросов – о сохранении СССР как державы и единства партии – непоколебимо придерживался правых позиций» (см. *Яак Аллик. Можно ли доверять Горбачеву? – Политика, 1990, ¹ 9, с. 5*). Нерешительность М.Горбачева, его выжидательная нечеткая позиция в вопросах перестройки активизировали деятельность антидемократических сил.

20 января 1991 года, выступая в Таллинском городском холле перед пятитысячной аудиторией, опальный отставной генерал КГБ и народный депутат СССР Олег Калугин отмечал, что для того, чтобы направить народное движение в нужное для органов русло, руководством госбезопасности СССР был подготовлен проект создания контрдвижений Народным фронтам – Интерфронты. Поскольку Народные фронты приоритетное внимание уделяли национально-государственным и культурным ценностям, то в противовес им выдвигались т.н. интернациональные, общесоюзные, советские, социалистические ценности и делалось все, чтобы блокировать влияние Народных фронтов на людей. Таким образом, в противовес Народному фронту летом 1988 года зародилась альтернативная организация, претен-

дующая на то, чтобы объединить все русскоязычное население республики. 12 октября 1988 года была опубликована «Общая концепция интернационального движения трудящихся Эстонской ССР». По своему содержанию она была направлена против идей и деятельности Народного фронта. По свидетельству Олега Калугина, для подкрепления Интердвижения в Эстонию были посланы в 1990 году сотни офицеров КГБ (*Советская Эстония, 22 января 1991*). Интерфронты были созданы не только в республиках Балтии, но и в Молдове, на Украине, в Москве, Ленинграде и во многих других городах Советского Союза.

Фактически к осени 1988 года политическая ситуация в Эстонии характеризовалась противостоянием двух противоположных движений и идеологий. Поскольку 90% состава НФЭ составляли эстонцы, а в Интердвижении преобладали неэстонцы, то их противостояние преподносилось в прессе как противостояние межнациональное. Этот стереотип получил широкое распространение в средствах массовой информации, он постоянно тиражировался в прошлом и жив по сей день. Фактически не учитывается тот факт, что многие жители Эстонии – независимо от этнической принадлежности – оставались нейтральными созерцателями происходящего.

Социальной базой Интерфронта были рабочие и служащие военных заводов и заводов общесоюзного подчинения, отставные офицеры, бывшие работники спецслужб, партийно-номенклатурные работники райкомов, горкомов и т.д., то есть все те, кого принято называть «подневольными людьми». Само название движения говорит о том, что оно строилось не по этническому признаку, хотя выступало от имени русскоязычного населения Эстонии. В лидирующей группе Интердвижения было немало и эстонцев, в том числе Арнольд Сай, Лембит Аннус, Вальтер Тоотс. Их поддерживали также академик Густав Наан, профессор Владимир Хютт и другие. Лидеры Интердвижения выступали:

- против процесса суверенизации Эстонии;
- против предоставления эстонскому языку статуса государственного языка;
- против концепции республиканского хозрасчета;
- против пересмотра истории и критики социализма;
- против решений местных партийных и советских органов власти;

- за принятие двух государственных языков в Эстонии – эстонского и русского;
- за сохранение марксизма-ленинизма как господствующей идеологии;
- за сохранение «завоеваний Октября» и социализма;
- за беспрекословное исполнение решений Кремля и всесоюзных органов власти;
- за интересы «рабочего класса»;
- за сохранение единства СССР любой ценой и т.д.

Поскольку лидеры Интердвижения являлись сторонниками политики Кремля в Эстонии, их организация получила в народе прозвище «импердвижения».

Нельзя сказать, что в программе и лозунгах интердвиженцев все было неправильно. Например, полностью сбылись их опасения о том, что эстонский язык будет насаждаться, что за его незнание людей будут увольнять с работы. Или, что русскоязычные жители будут лишены политических прав (гражданства) и превратятся в людей второго сорта, что будут закрываться русские школы и т.д. Но если бы лидеры Интердвижения действительно беспокоились о правах человека, с ними можно было бы найти общий язык. Однако они думали не о людях. Для них, как и для национал-радикалов, люди были не целью, а средством. Их больше беспокоила судьба КПСС, советской империи, красного знамени, марксизма-ленинизма и т.д. Эти «защитники» коммунизма фактически защищали даже не коммунизм, ибо они сами не знали, что это такое, а свое привилегированное место в системе.

Лидеры Интердвижения, в отличие от многих эстонских политиков, знали, чего больше всего опасаются русскоязычные люди. Они хорошо использовали их страхи в своей политической борьбе. Так, как показывали результаты социологических исследований, проведенных в 1989 году, основная часть русскоязычного населения опасалась не независимости Эстонии как таковой, а того, что в независимой Эстонии они могут стать объектом дискриминации (*Олег Самородний. О некоторых особенностях русскоязычной общины Эстонии. – Политика, 1990, 1 9, с. 30*). Согласно опросам, значительная часть русскоязычных интеллигентов более или менее успешно приспособилась к эстонским реалиям, что не удалось основной массе переселенцев. Отсюда неудивительно, что многие из интердвиженцев ненавиде-

ли интеллигенцию. Петр Рожок, например, называл их «научной армией тунядцев» (*Советская Эстония*, 12 марта 1989), а «интерзвезда» Т. Чернавцева обрушилась с бранью на всю тартускую интеллигенцию, обозвав Юрия Лотмана «уродливым, беспощадно холодным властелином мира», имеющим «страшную сущность», а Рэма Блюма – «болтливым человеком, читающим скучнейшие лекции», хотя она не была ни на одной из его лекций и т.д. (*Вестник ИД*, 1990, ¹ 19, 20, 22; *Вперед*, 17 января 1991).

Народный фронт был открыт для всех жителей Эстонии. В его составе были не только эстонцы. Он не строился по национальному принципу. Людей объединяли общие демократические ценности и судьба Эстонии. С первых же дней своего существования НФ действовал легально, в рамках законов. Его лозунг был – «Победим разумом», ибо ясно, что сила и мощь малочисленной нации состоит в культуре, интеллекте, разуме. Появление интердвижений, организованные ими многочисленные акции протеста были направлены не на защиту демократии и прав человека, а на раскол демократических сил. Они выступали против самостоятельности республик. Для многих это стало очевидным после просмотра передачи Эстонского телевидения «Подумаем еще» вечером 12 октября 1988 года. Тогда лицом к лицу предстали руководители Интердвижения во главе с Евгением Коганом и представители Народного фронта – Рэм Блюм, Владимир Юшкин, Рафик Григорян и Рейн Руутсоо.

На этой передаче по сути были представлены основные пункты противостояния НФЭ и Интердвижения. Она показала, что между этими двумя направлениями трудно достичь компромисса, ибо, как писали работники Тартуской республиканской психоневрологической больницы в газете «Вперед», ИД показал «свою сущность противника перестройки», «скрываемые в духе сталинизма шовинистические амбиции, оскорбительные для демократически настроенных жителей Эстонии» (*Вперед*, 15 октября 1988).

Эстонцы из Народного фронта из-за языковых преград редко встречались и дискутировали с представителями Интердвижения, поэтому основное бремя по ведению дискуссий с ними ложилось на плечи русскоязычной части Народного фронта. Для проведения просветительской работы в 1988 году из актива НФЭ

была создана лекторская группа, способная вести работу на русском языке. В ее состав от Тарту вошли Рэм Блюм, Рафик Григорян, Михаил Бронштейн, Юрий Таммару, Артур Кузнецов и другие. Тартуские ученые неоднократно выезжали также в Таллинн, Нарву, Кохтла-Ярве, Йыхви, Валга, Пярну, Хаапсалу и другие места. Для обмена опытом среди русскоязычных лекторских групп организовывались семинары-лагеря в Вярска, Тарту и т.д. На многочисленных собраниях и митингах они вступали в открытые дискуссии с представителями ИД, несли идеи демократии в русскоязычную среду, отстаивали общечеловеческие и гуманистические ценности, призывали людей к сплочению во имя лучшего будущего Эстонии.

Это была бескорыстная, кропотливая, мучительная, неблагодарная работа, которая отнимала много времени, сил и нервов. Большинство центральных средств массовой информации, вещающих на русском языке, всячески дискредитировали НФЭ, идею его создания и лидеров. Они называли народофронтовцев «экстремистами» и запугивали ими неосведомленных в политических вопросах русскоязычных людей. Что же касается лидеров НФЭ – неэстонцев, то им доставалось еще больше. Их обвиняли в «предательстве русскоязычного населения», им наклеивали ярлыки «антисоветчиков», называли «приспешниками фашистов и националистов», фальсифицировали их выступления, присылали им письма с разного рода угрозами. Осенью 1988 года, когда письменные угрозы в адрес Рафика Григоряна и его семьи усилились, студенты-армяне Тартуского университета Варужан Арутюнян, Ашот Айрапетян, Артавазд Месропян и другие организовали круглосуточное дежурство у его дома. Однако, когда Р.Григорян передал эти письма с угрозами начальнику Тартуского отдела КГБ Анти Талуру, угрозы прекратились.

Имперская позиция Кремля, провокационные действия лидеров Интерфронта, их упорное нежелание и неумение вести диалог с эстонцами привели к радикализации требований НФЭ, и даже умеренные силы в эстонском обществе стали склоняться к идее полной суверенизации и независимости Эстонии. Первым шагом на пути к независимости Эстонии и к распаду СССР стало принятие 16 ноября 1988 года ВС ЭССР «Декларации о суверенитете». Декларация провозгласила верховенство зако-

нов Эстонской ССР над союзными законами, то есть Эстония сознательно пошла на то, чтобы спровоцировать конституционный кризис, ибо в Конституции СССР было записано, что Эстонская ССР является суверенной республикой в составе СССР. Болтливая сталинско-брежневская конституция обещала народам много прав, но мало что из них гарантировала.

12 ноября 1988 года на собрании представителей опорных групп НФЭ в Таллинне было принято решение о создании русскоязычной секции НФЭ. Это позволило бы больше внимания уделять неэстонской части населения по разъяснению программ НФЭ, направленных на утверждение суверенитета Эстонии. С этой же целью 24 сентября 1988 года в Таллинне был созван Форум народов Эстонии. Решение о Форуме было принято 2 сентября на консультативной встрече представителей различных национальностей, живущих в Эстонии, совместно с инициативным центром НФЭ. Во встрече участвовали армяне, венгры, евреи, литовцы, латыши, поляки, татары, шведы, украинцы, русские, белорусы и другие. Цель этого Форума состояла в том, чтобы национальные меньшинства смогли продемонстрировать свою поддержку стремлению эстонцев к самоопределению и тем самым исключить различные спекуляции о дискриминации «русскоязычных», соединить многонациональные силы общества во имя будущего свободной Эстонии.

Центральные власти должны были определить свои отношения с союзной республикой, которая декларировала, что не отказывается от своих суверенных прав. Статус Эстонии должен был определиться договором. Это был открытый и сознательный вызов, брошенный имперскому центру. В декабре 1988 года М.Горбачев устроил показательную обструкцию делегации Эстонии и лично А.Рюйтелю. Действуя традиционно большевистскими методами, он не учел того, что конституционный кризис не может решаться методами давления или насилия. Эстонская делегация не отказалась от декларации. В итоге М.Горбачев получил «парад суверенитетов», когда одна за другой республики стали провозглашать свои суверенитеты.

После принятия Декларации о суверенитете в Эстонии начались существенные перемены. В январе 1989 года ВС Эстонской ССР принял Закон о языке, который провозгласил эстонский язык государственным языком. Этот закон с первых же дней

его принятия стал объектом критики со стороны лидеров Интердвижения, которые требовали установления в Эстонии одновременно двух государственных языков – эстонского и русского. Против этого активно возражали все эстонские лидеры КПЭ, НФЭ и других массовых общественных движений.

Свою авторитетную точку зрения по этому вопросу высказал и профессор Юрий Лотман. Он подчеркнул, что этот закон не ущемляет права неэстонцев, а наоборот, защищает интересы всех жителей республики, ибо он дает им право обращаться в любую государственную и административную инстанцию Эстонии на своем родном языке и получать ответ и нужную информацию на том же языке. В случае языковых трудностей в общении между начальником и подчиненным языком общения признается язык подчиненного. Но тех, кто хотел занять руководящие должности, закон обязывал знать эстонский язык. Таким образом, Ю.Лотман высказался в поддержку принятого закона (*Советская Эстония, 21 ноября 1990*).

Закон о языке 1989 года не требовал ликвидации гимназического образования на русском языке, увольнения людей с работы из-за недостаточного владения ими эстонским языком. Он предусматривал организацию государственной системы обучения эстонскому языку и, как писал один из авторов закона, Мати Хинт, «закон не направлен на насильственную “эстонизацию” русских» (*Вестник Народного фронта, апрель 1989, 13*).

23 февраля 1989 года над столицей Эстонии был спущен красный флаг, а 24 февраля поднят сине-черно-белый триколор. 24 февраля в 1989 году было провозглашено Днем независимости.

Все эти действия вызывали сильное сопротивление сторонников Интерфронта. Если раньше они ограничивались проведением митингов и манифестаций, то после съезда Интердвижения, который проходил в марте 1989 года, изменили тактику и перешли к более активным, наступательным действиям. На военных заводах и предприятиях союзного подчинения стали создаваться забастовочные комитеты. 14 марта 1989 года сторонники Интердвижения и Объединенный совет трудовых коллективов организовали массовый митинг на Площади победы в Таллинне. Они выступали против «ползучей контрреволюции», «угрозы завоевания социализма», «Закона о языке», требовали убрать руководителей республики В.Вяляса, И.Тооме, А.Рюйтея, М.Тит-

ма, вернуть на башню Длинный Герман государственный флаг Эстонской ССР и т.д. На Северо-Востоке Эстонии было выдвинуто требование «территориальной автономии».

С одной стороны, идея расчленения Эстонии должна была напугать национально-радикальные силы, а с другой стороны, символизировать то, что их поддерживает рабочий класс, который, согласно коммунистической идеологии, выступал в качестве ведущей силы советского общества. Однако результат оказался прямо противоположным. В день независимости Эстонии, 24 февраля 1989 года, Партия национальной независимости, которая была основана 21 августа 1988 года, Христианский союз и Общество охраны памятников старины Эстонии выступили с призывом создавать Комитеты бывших граждан Эстонской Республики и исключить из сферы публичной политики всех неграждан, «пришельцев», «мигрантов», «оккупантов» и т.д.

С 30 марта 1989 года началось создание Комитетов эстонских граждан. Таким образом, Комитеты граждан вышли из-под крыла «национально-озабоченной» (термин М.Бронштейна) части НФЭ. Как отмечала одна из организаторов Комитетов граждан Эстонии Марис Сарв, реализация самой идеи их создания «стала возможной благодаря активному подключению НФЭ к этой работе на местах, тому, что к этим Комитетам присоединились и руководители НФЭ в центре» (*Вперед, 9 октября 1990*). Первичные комитеты стали создаваться на предприятиях, в учреждениях, организациях, школах и т.д., то есть там, где проживали граждане Эстонской Республики. Повсеместно проводились кампании по регистрации бывших граждан Эстонии и по созыву Конгресса граждан Эстонии. Целью всей этой работы было восстановление независимой Эстонской Республики.

Инициаторы ее считали, что судьбу Эстонии правомочны решать лишь граждане довоенной республики и их потомки. Они не желали допускать неэстонцев к участию в политической деятельности. Все те, кто приехал в Эстонию, независимо от причин приезда, объявлялись неправосубъектными лицами. После восстановления независимости Эстонии им был обещан статус иностранцев. Этой линии придерживались многие представители эстоноязычной прессы, радио и ТВ. Такая судьба, уготованная комитетчиками, была неприемлема для подавляющего большинства неэстонцев, которые не желали оказаться бесправны-

ми объектами политики. В свою очередь, радикально настроенные эстонские лидеры не хотели понимать, что добровольно от своих политических прав могут отказаться либо рабы, либо сумасшедшие.

Это послужило новым поводом для организации волны протеста со стороны Интердвижения, партийных и общественных организаций заводов союзного и республиканского подчинения. 24 июля 1989 года на 12-й сессии Верховного Совета ЭССР XI созыва от их имени выступил депутат П. Панфилов, который обвинил организаторов комитетов в авантюризме, сепаратизме, национализме и в стремлении реставрировать «буржуазную Эстонию» (*Вестник Народного фронта, август 1989, ¹ 10*).

Обострение межэтнических отношений существенно повлияло на деятельность Народного фронта Эстонии. Члены НФ Эстонии, находясь между КПЭ, Интердвижением и новым радикальным движением, должны были определить свой выбор. Начался раскол и в самом НФЭ. Неэстонская часть Народного фронта все больше стала ощущать себя «чужими среди своих». Многих не устраивала националистическая позиция Комитетов и та судьба, которая была уготована русскоязычным жителям в будущей независимой Эстонской Республике. В рядах НФЭ начались разногласия и по другим тактическим вопросам. Часть народофронтовцев во главе с Марью Лауристин полностью поддержала идею созыва Конгресса граждан и его цели. Она считала, что нет смысла и дальше пытаться «содействовать перестройке» и нужно перейти к радикальным действиям. Другая часть НФЭ не поддерживала деятельность Комитетов, направленную на развал НФЭ, считая их требования чрезмерно радикальными и преждевременными, а, следовательно, опасными для эстонского народа.

Эти опасения усилились после кровавой бойни, устроенной советскими войсками 9 апреля 1989 года в Тбилиси, которые показали, что советская империя больна, ее треплет лихорадка, и в этих условиях она готова пойти на крайние меры.

Вскоре разногласия между этими двумя крылами НФЭ вышли за рамки движения и перенеслись в общество. Как в устных выступлениях, так и в печати стали чаще появляться русофобские, оскорбительные высказывания лидеров Комитета граждан, которые под русскими подразумевали всех «инородцев», живущих в Эстонии. На одно из таких выступлений депутата ВС

СССР Тийта Маде, которое содержало оскорбительные высказывания в адрес русского народа, в июле 1989 года последовало даже специальное Заявление 28 народных депутатов ВС СССР из Эстонии. Авторы осудили действия своего коллеги, направленные «на разжигание межнациональной розни» (*Тартуский курьер, 1–15 августа 1989, 1 3*).

Позиция Комитетов граждан в национальном вопросе резко обострила и без того острые этнические отношения в республике. Как писал Рэм Блум, «националистические страсти, захватившие массы людей в Эстонии, невозможно успокоить рациональными аргументами, они просто не воспринимаются» (см. *Политический дневник профессора Блюма. – Политика, 1990, 1 6, с. 55*). Очень трудно стало вести примиренческие беседы в неэстонской среде. Всякие акции, идущие от эстонской стороны, стали восприниматься неэстонцами как дискриминационные. Социальная база Интердвижения стала расширяться, а Народного фронта – сужаться. Несмотря на активные действия лекторов, известных ученых республики, Народный фронт уже не пользовался широкой популярностью среди русскоязычного, особенно русского, населения.

Это негативное отношение углубилось, когда большинство руководителей НФЭ присоединилось как по форме, так и по духу к реституционно настроенным Комитетам граждан Эстонии. Пытаясь найти выход из создавшегося положения и не допустить конфронтации в обществе по этническому признаку, было решено активизировать деятельность Русской секции народного фронта и определить свою самостоятельную линию поведения.

1–2 июля 1989 года в Нарве состоялась конференция русскоязычных секций НФЭ. Она обсудила насущные задачи секций, определила основные принципы их деятельности на ближайший период. Все это нашло отражение в Резолюции конференции. В ней, в частности, отмечалось то, что «размежевание интересов в республике происходит по социально-политическим признакам; различные политические силы сознательно переносят это размежевание на национальную почву» (*Тартуский курьер, 1–15 августа 1989, 1 3*). Конференция признала «исключительное неотъемлемое право эстонской нации на самоопределение и выбор форм государственного устройства», но при этом отмечала, что это право «не должно быть использовано против наро-

да Эстонии в качестве политического инструмента для реализации групповых и частных интересов» (*там же*). Участники конференции призвали к единству все демократические силы, стоящие на платформе суверенитета республики, обеспечения демократических прав и свобод граждан и социальной защищенности всего населения. Было признано необходимым устанавливать и укреплять постоянные рабочие контакты с демократическими движениями в других регионах СССР.

Члены Русской секции НФ исходили из того, что только совместными усилиями демократов в России и других республиках СССР, эстонцев и неэстонцев в Эстонии, можно добиться конца тоталитарной системы. Что будущее эстонского государства должно быть построено на равноправии всех населяющих его народов, что не может быть счастливым народ, который подавляет и игнорирует волю других народов.

Политические цели Русской секции НФ не расходились с программными целями НФ Эстонии и были направлены на создание суверенной и независимой Эстонии. Эта деятельность основывалась на идеологии свободы и компромисса. Большую работу в составе Русской секции НФ проводили Рэм Блюм, Юрий Лотман, Чеслав и Александр Лушики, Павел Богданов, Михаил Бронштейн, Виктор Клочко, Рафик Григорян, Владимир Брехов, Павел Рейфман, Дмитрий Кузовкин, Андрей Лесницкий, Анатолий Петухов, Леонид Столович, Юри Таммару, Илья Никифоров, Дмитрий Михайлов, Александр Шегедин, Эльдар Эфендиев, Олег Самородный и многие, многие другие. В самых разных аудиториях секция организовывала встречи, собрания, конференции. Участники писали научно-популярные статьи на общественно-политические, культурные и другие темы.

За цикл таких статей Рафик Григорян, наряду с поэтом Яном Каплинским, учеными Юрием Антом, Индрексом Колмейстром, Ильмаром Ребане стал лауреатом газеты «Edasi» 1989 года (*Edasi*, 5 мая 1989).

Следует отметить, что большинство русскоязычных газет республики, находясь во власти партийной номенклатуры и поддерживая Интердвижение, не соглашались печатать статьи лидеров НФЭ, более того, делалось все, чтобы дискредитировать их в глазах русского читателя. Немало таких статей санкционировали редакторы газет С.Тараканов («Советская Эстония») и

В.Тоотс («Вперед»). Вальтер Тоотс, будучи редактором газеты, первоначально старался менять содержание газеты «Вперед», «флиртовал» с интеллигенцией Тартуского университета и с русскоязычными лидерами НФЭ. Но уже со второй половины 1988 года, когда к тартуской газете стали испытывать особый интерес сотрудники идеологического отдела ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (А.Доронченков, Ю.Панков и другие), он резко повернул в сторону Интердвижения.

Особенно это стало заметно, когда к тартуской газете «Вперед» был «прикомандирован» со специальной миссией сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Ю.Панков. Рэм Блюм считал, что такая практика раньше часто применялась в КГБ. С появлением Ю.Панкова сторонники Интердвижения активизировались в целом и в частности в Тарту. В начале 1989 года был опубликован Устав Интердвижения трудящихся города Тарту (*Вперед, 9 февраля 1989*). В мае 1989 года, когда В.Тоотса сняли с должности редактора, он стал организовывать массовые т.н. «очные и заочные читательские конференции» в свою поддержку, пытался всячески дискредитировать представителей демократически настроенной интеллигенции Тарту, в том числе Ольгу Бундер, Рафика Григоряна, Рэма Блюма, Павла Рейфмана, Сергея Шахвердова и других – всех тех, кто не разделял интерфронтовских убеждений.

1 июня 1989 года в кабинете второго секретаря Тартуского горкома КП Эстонии Альберта Саунанена – ингерманландца, сына бывшего репрессированного, ученого и человека, безукоризненно владевшего русским языком, состоялось заседание идеологической комиссии Тартуского горкома КП Эстонии. На комиссии рассматривалась «неконструктивная деятельность Тартуской русскоязычной газеты “Вперед” и ее редактора Вальтера Тоотса». Для психологической поддержки В.Тоотса из Москвы приехала журналистка, специальный корреспондент газеты «Правда». На комиссии присутствовали также Юрий Таммару, Рафик Григорян, Евгения Линдевальд. В развернувшейся острой и напряженной дискуссии сердце Рэма Блюма не выдержало, и он умер от инсульта во время заседания.

Эта была невосполнимая утрата. Рэм Блюм был идейным и организационным руководителем Народного фронта Эстонии, а также Русской секции НФЭ. Он оказал большое влияние на

многих видных деятелей науки, культуры, политики Эстонии, среди которых Яак Аллик, Юло Вооглайд, Рейн Вейдемманн, Марью Лауристин, Микк Титма, Сулев Каннике, Евгений Голиков, Лена Блюм и многие другие. Умер человек, для которого свобода была не пустым звуком, а высшей ценностью, и ради утверждения ее он отдал свою жизнь.

Учитывая то, что процессы, происходящие в Эстонии не находят адекватного отражения в русскоязычной прессе, на Русской секции НФЭ было решено выпускать свою независимую газету в Тарту. Сама эта идея принадлежала Рэму Блюму. До этого на русском языке выходил лишь «Вестник Народного фронта», в редколлегию которого входили Лена Блюм, Елена Поповская, Юри Таммару, Эльдар Эфендиев и другие. В начале июня 1989 года вышел первый номер газеты «Тартуский курьер» на русском языке. Поскольку проблемы со свободой слова существовали и в других частях Советского Союза, эта газета фактически стала рупором демократических сил страны. Вскоре ее известность перешагнула границы Эстонии. В редакцию газеты стали приходиться письма читателей из Ленинграда, Москвы, Свердловла, Риги, Вильнюса, Челябинска, Южно-Сахалинска, Харькова, Минска, Еревана, Магадана, Алма-Аты, Куйбышева, Краснодара, Сухуми и т.д.

На страницах газеты «Тартуский курьер» давалась информация о положении в разных частях СССР, печатались материалы Народного фронта Эстонии, письма читателей, статьи, посвященные эпохе и жертвам сталинизма, интервью Бориса Ельцина, Тунне Келама, Рейна Таагепера, Калью Комиссарова, Юрия Афанасьева, Гавриила Попова, статьи Роя Медведева. Переводились на русский язык и перепечатывались интересные сведения из эстоноязычных газет, печатались стихи поэтов Александра Володина, Давида Самойлова, Льва Мочалова, Нонны Слепаковой, Андрея Чернова, Владимира Микушевича. Писатель Юрий Боров впервые опубликовал свою «Сталиниаду» именно в «Тартуском курьере». В состав редколлегии «Тартуского курьера» входили Рэм Блюм, Владимир Брехов (Сааль), Рафик Григорян, Леонид Столович, Рейн Кильк, Артур Кузнецов, Юри Таммару, Анатолий Петухов, Виктор Пальм, Дмитрий Кузовкин, Пеэтер Вихалемм, Валентина Мухамадеева, Сергей Литвак, Александр Шегедин и другие.

Опыт издания газеты в Тарту был настолько удачным, что Б.Ельцин, Т.Гдлян, Г.Старовойтова, И.Заславский, С.Станкевич и другие от имени Межрегиональной группы народных депутатов предложили издавать для них в Тарту свои оппозиционно настроенные и демократически направленные газеты «Позиция» и «Доверие». Их первые номера вышли в свет уже в январе 1990 года. Эта сторона деятельности Русской секции Народного фронта еще ждет своего исследователя, но уже сегодня можно отметить, что через издательскую деятельность ее члены распространяли по всему Советскому Союзу правду о событиях в Эстонии, формировали чувства симпатии к ее народу, который борется за свою свободу. Для И.Никифорова, А.Шегедина, А.Петухова, Л.Блюм журналистский опыт работы, приобретенный в «Тартуском курьере» и других народофронтовых изданиях, впоследствии сыграл важную роль в их судьбе. Они стали профессиональными журналистами.

В мае 1989 года в Таллинне состоялась Ассамблея Народных фронтов трех Балтийских республик, где выявились глубокие разногласия по тактике действий. Но для оказания давления на Москву и демонстрации всему миру стремления народов Балтии к свободе 23 августа 1989 года было решено провести акцию под названием «Балтийская цепочка», которая проходила бы через все три республики. В этой акции солидарности вместе с эстонцами, латышами и литовцами участвовали тысячи неэстонцев, эмоциональный подъем был необычайно высоким. Участники цепочки должны были передавать друг другу заветное и желаемое для всех слово-пароль «Свобода». Эта акция вызвала резко негативную реакцию Кремля и восхищение у простых людей. 26 августа 1989 года Политбюро ЦК КПСС резко осудило т.н. сепаратистские устремления этих республик и заявило, что они «навечно останутся в составе СССР». Утверждалось, что в случае дальнейшего проявления сепаратизма их физическое существование будет поставлено под угрозу...». Однако эти угрозы больше не действовали, наоборот, они демонстрировали слабость Кремля, который терял свою власть не только в Балтии.

На сентябрь 1989 года планировался Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу. Он должен был выработать конструктивные рекомендации ЦК КПСС в области национальной политики. К этому времени национальные конфликты охватили не-

малые пространства СССР, они даже, как писал в то время директор Института марксизма-ленинизма Г.Смирнов, «отпочковали» компартии ряда союзных республик от КПСС и превратили их в организационно самостоятельные партии со своими программами (*Политическое образование, 1989, ¹ 12, с. 44*).

Готовясь к Пленуму, ЦК КПСС организовал ряд обсуждений по теории и практике национальных отношений. Первого февраля 1989 года при редакции журнала «Вопросы истории КПСС» состоялся «круглый стол», в котором от Эстонии участвовали Евгений Голиков – русский, Калев Таммисту – эстонец и Рафик Григорян – армянин. Эта была научная дискуссия по узловым вопросам национальной политики. Дискуссия разгорелась между эстонской делегацией и идеологами из Кремля, которых поддерживали ученые из МГУ. Точку зрения ЦК КПСС представляли профессора Т.Шамба, Р.Абдулатипов, Э.Баграмов, А.Доронченков, Ю.Римаренко, В.Касьяненко, Г.Трапезников и другие. Участники встречи высказали свои суждения по широкому кругу проблем как общетеоретического, так и практического плана. Основной спор шел по вопросу о правах и суверенитете наций в многонациональном государстве (см. *Вопросы истории КПСС, 1989, ¹ 4 с. 39–61*).

Научной дискуссии не получилось, так как эстонская делегация была приглашена в качестве «мальчиков для битья». Однако, эти «мальчики» оказались не слабыми ни в теории, ни в практике национальных отношений. Как выразился один из участников дискуссии, известный писатель, абхазец по национальности Фазиль Искандер, «эстонцы мне понравились. Я пришел сюда с предубеждениями против них, но ухожу как друг». Учитывая интернациональный состав эстонской делегации, он отметил, что «в реальной жизни часто бывает так, что человек коренной национальности хуже знает местные условия, жизнь народа, чем представитель другой национальности» (*там же, с. 48*).

Этой же теме – «Социально-политические проблемы межнациональных отношений в СССР: теория и практика» – был посвящен «круглый стол», который проходил в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с 4 по 6 июля 1989 года. В его работе участвовало 486 человек, среди них народные депутаты СССР, партийно-номенклатурные работники, ученые, представители общественных движений из союзных и автономных

республик (см. *Вопросы истории КПСС, 1989, 19, с. 18–42*). КП Эстонии разработала свою платформу по национальному вопросу. Однако она сразу же была подвергнута обструкции со стороны Кремля. Более того, организаторы «круглого стола» пригласили из Эстонии только лидеров Интерфронта: В.Ярвого, С.Петинова, А.Горячеву, А.Сая и других. Только благодаря усилиям Микка Титма – секретаря ЦК КПЭ – удалось быстро сформировать «альтернативную» группу в составе: Клара Халлик, Евгений Голиков, Рафик Григорян и другие.

Дискуссия частично транслировалась по ЦТВ, а подробный отчет прозвучал по Эстонскому радио и был отражен в печати Лейви Шером. На «круглом столе» диаметральной противоположностью отличались доклады: с одной стороны – А.Горячевой, А.Сая и С.Петинова, с другой стороны – К.Халлик и Р.Григоряна. Арнольд Сай, эстонец, секретарь парторганизации тартуского завода «Промприбор», один из лидеров Интердвижения, в своем выступлении активно защищал общие интересы советской империи и социализма, резко критиковал т.н. «эстонских шовинистов», предлагал принять в качестве государственного языка СССР русский язык, а в национальных республиках еще и национальные языки, был против политической и экономической суверенизации эстонского государства и т.д. Рафик Григорян, армянин, доцент Тартуского университета, один из лидеров НФЭ, защищал экономический и политический суверенитет Эстонии, право эстонского народа на самоопределение как способ выражения суверенитета, критиковал политику Кремля в национальном вопросе, выступил против позиций С.Петинова и А.Сая, охарактеризовав их как неконструктивные, антиэстонские, нагнетающие психологическую напряженность в обществе «с целью дестабилизации обстановки в республике и введения в ней особой формы правления на период вплоть до разрешения конфликта». Оба эти доклады были опубликованы во всесоюзном журнале (*Вопросы истории КПСС, 1989, 19*) и в Тартуской прессе (*Вперед, 20 июля, 15 августа 1989*).

Ответом на состоявшийся в сентябре 1989 года Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу стал Тартуский форум-89 «Нации в меняющемся мире», инициаторами которого были М.Лауристин, А.Кузнецов и Р.Григорян. На нем выступили шведский эстонец Андрес Кюнг, социолог Д.Михайлов, пред-

ставители национально-культурных обществ Эстонии, сами организаторы и другие. По итогам дискуссии была принята декларация, в которой отмечалось, что «пора подходить к национальному вопросу без излишней мифологизации и идеологизации, представить и изучить его во всей сложности. Для этого нужны специальные научные и информационные центры. Один из них обязательно должен быть в Тарту, городе академических и инерациональных традиций» (*Молодежь Эстонии, 15 декабря 1989*). Сказанное не потеряло актуальности и сегодня.

В декабре 1989 года впервые после полувекового советского «голосования» прошли первые свободные выборы в муниципальные органы власти. Кандидатами от русской секции НФЭ на выборах в Тарту были выдвинуты Илья Никифоров, Артур Кузнецов, Владимир Брехов, Рафик Григорян, Сергей Литвак, Андрей Лесницкий, Виктор Ключко. Сторонники Интердвижения и ОСТК вначале решили бойкотировать выборы, но затем посчитали, что это приведет их к «самоизоляции» и выдвинули кандидатуры Вальтера Тоотса, Арнольда Сая, Иры Полтавцевой, Александра Волкова и других. В итоге, из 41 депутата городского собрания только трое были неэстонцами – Рафик Григорян, Альберт Саунанен и Шмул Тепман.

2 февраля 1990 года, в день 70-й годовщины Тартуского мирного договора, в Таллиннском городском холле состоялось республиканское собрание народных депутатов Эстонской ССР всех уровней. На нем депутаты обсудили вопрос о статусе эстонского государства. Собрание депутатов всех уровней решило бороться за государственную независимость Эстонии мирными демократическими способами. Это решение нашло отражение в принятой собранием *«Декларации по вопросу государственной независимости Эстонии»*. Декларация стала поворотным событием в истории эстонского народа, так как легитимно избранные народные депутаты всех уровней выразили волю подавляющего большинства народа на восстановление независимости Эстонии. Все неэстонцы-депутаты от НФЭ поддержали эту Декларацию. Конгресс граждан Эстонии принял аналогичное решение 12 марта, то есть более месяца спустя.

В свою очередь, депутаты, сторонники Интердвижения, представляющие Таллинн, Кохтла-Ярве, Нарву, Силламяэ, в тот же день, 2 февраля 1990 года, создали «Комитет защиты Советской

власти и гражданских прав в Эстонии» во главе с В.Яровым, Л.Аннусом, В.Мальковским. Они выступили против суверенитета Эстонии, против всех законодательных актов, принятых после 16 ноября 1988 года, и заявили, что «берут на себя функции координирования законной власти в городах, районах и других населенных пунктах» (см. *Тартуский курьер, март 1990, ? 2*). Аналогичные органы были созданы в Латвии и Литве.

Эти события серьезно обострили ситуацию: в республике фактически сложились две противостоящие силы – сторонники и противники государственной независимости Эстонии. Усилиями уже политиков это социальное противостояние приняло национально-языковую окраску. В этих условиях инициативная группа русскоязычной интеллигенции в начале марта 1990 года выступила с идеей объединения в новое движение «За гражданский мир» на основе демократии, терпимости и взаимопонимания. В его состав вошли В.Брехов, А.Кузнецов, С.Литвак, В.Мюрк, Ч.Лушик, И.Никифоров, А.Петухов, П.Рейфман, Л.Столович, Ю.Таммару и другие. Позже, 24 апреля 1990 года, в Тарту было учреждено объединение «За гражданский мир», куда вошли представители из Таллинна, Кохтла-Ярве, Нарвы и Тарту. Учредители предполагали, что политические партии и общественные движения подпишут договор о гражданском мире и откажутся от решения спорных вопросов силовыми способами.

В октябре 1990 года, став министром народонаселения, Артур Кузнецов вместе с М.Лауристин и лидерами Интердвижения В.Лебедевым, С.Пасько, К.Копытиным и другими пытался придать этой акции широкое общественное звучание. Однако эта идея не только не получила широкой поддержки в обществе, но и была осуждена О.Негиным и О.Гогиным в статье «Собрание “русских демократов” глазами демократов» (*Молодежь Эстонии, 30 октября 1990*). Новое движение оказалось недееспособным. Организаторы «попали в плен» собственных иллюзий и забыли, что противоречия в национальных отношениях решаются не лозунгами и декларациями, а практическими делами. Национальный вопрос не допускает манипуляций – это опасная игра. Он требует специальных знаний в области этнопсихологии и большого политического опыта, чего не было у физика по специальности Артура Кузнецова. Как выразился Ю.Таммару, «политика, как таковая, чужда его натуре» (*Вне-*

ред, 17 марта 1990). И не случайно, что уже через год А. Кузнецов сам отказался от должности министра народонаселения Эстонской Республики и перешел на работу в МИД России. Это вызвало резкое осуждение в эстонской прессе.

24 февраля 1990 года прошли выборы в Конгресс Эстонии. К этому времени (с осени 1989 по февраль 1990 гг.) в качестве граждан ЭР зарегистрировались 520 000 человек и в качестве ходатайствующих – 34 000. В выборах приняли участие и зарубежные эстонцы. 11–12 марта 1990 года состоялось первое собрание Конгресса Эстонии, на котором была принята программа восстановления государственной независимости Эстонии. Многие из лидеров НФЭ вошли в состав Комитета. Буквально перед началом работы первого заседания Конгресса Эстонии 11 марта 1990 года ВС Литовской ССР заявил о полном восстановлении независимости Литвы. Это событие положило начало развалу СССР.

16 марта 1990 года в Эстонии прошли выборы в Верховный Совет Эстонской ССР, в которых, в отличие от выборов в Конгресс Эстонии, приняли участие все жители республики, в том числе и размещенные в Эстонии советские военнослужащие, а не только граждане. Еще накануне выборов часть сторонников Конгресса Эстонии (во главе с Тривими Веллисте) призвали своих сограждан бойкотировать выборы в Верховный Совет республики и сосредоточиться на работе Конгресса, в котором правом голоса обладали только граждане довоенного эстонского государства и их потомки. Другая часть – сторонники умеренного курса – решила участвовать в выборах. Большинство же кандидатов в депутаты, включая нескольких членов Компартии, выступали как за Конгресс, так и за Верховный Совет Эстонии. Таким образом, выборы в последний Верховный Совет Эстонской ССР проходили в демократических условиях, при острой конкуренции со стороны кандидатов от КПЭ, НФЭ, Интердвижения, Комитетов граждан и т.д. Победу одержали сторонники умеренного курса. Чуть меньше половины депутатов ВС ЭССР были от НФЭ.

Весной 1990 года М. Горбачев, чтобы сохранить СССР и прекратить «парад суверенитетов», вводит должность президента СССР и объявляет о переходе к «социалистическому правовому государству». 15 марта 1990 года на III Съезде Советов он на

безальтернативной основе избирается первым президентом СССР. Из Конституции СССР исключается ст. 6. «О руководящей и направляющей роли КПСС». Провозглашается переход к многопартийности.

23–25 марта 1990 года состоялся последний, XX съезд КПЭ. Среди его делегатов немало было членов КПСС, участвующих в НФЭ, Комитетах граждан, Интердвижении и т.д. Фактически в то время компартия Эстонии представляла собой конгломерат различных идейно-политических группировок. Не случайно на съезде произошел официальный раскол на независимую ЭКП и на КПЭ на платформе КПСС, то есть зависимую от Кремля организацию. Основной причиной раскола стал вопрос о судьбе Эстонии. Съезд показал, что коммунисты-неэстонцы по вопросу о восстановлении независимого эстонского государства четко раскололись на три группы – на поддерживающих, не определившихся и противников. На съезде большинство членов КПЭ поддержали требование восстановления Эстонской Республики. Этот факт снимал все формальные преграды на пути восстановления независимого эстонского государства. Он показал, что основные разногласия происходят не из национальной принадлежности коммунистов, а из их различной идейно-политической ориентации.

30 марта 1990 года вновь избранный ВС Эстонской ССР принял решение «О государственном статусе Эстонии». В нем признавалась незаконной государственная власть СССР в Эстонии с момента ее установления (т.е. с 1940 года) и было провозглашено начало восстановления независимой Эстонской Республики, вступление страны в переходный период. Но при этом не были определены какие-либо конкретные сроки. Это было сделано, чтобы дезориентировать имперские структуры и не провоцировать их на активные действия. 8 мая 1990 года была восстановлена национальная символика Эстонской Республики – флаг, гимн, герб, а также старое название – Эстонская Республика. В тот же день председателем ВС ЭР был избран Арнольд Рюйтель, а новым главой правительства вместо ушедшего в отставку Индрекка Тооме ВС утвердил Эдгара Сависаара (он был в этой должности с 08.05.1990 по 29.01.1992 гг.).

15 мая 1990 года лидеры Интердвижения организовали в Таллине и Риге крупные манифестации. Они требовали «отставки

правления, введения в республике президентского правления, прекращения перечисления денег в бюджет республики, роспуска Верховного Совета ЭССР». В случае невыполнения этих требований угрожали начать подготовку к всеобщей политической стачке (*Известия ОСТК, май 1990, ¹ 8; Тартуский курьер, июнь 1990, ¹ 5*). К вечеру того же дня члены Интерфронта, ОСТК, забастовочного комитета и возбужденные митингующие в Таллинне штурмовали здание Верховного Совета Эстонии на Тоомпеа и пытались водрузить там красное знамя. Эдгар Сависаар по радио призвал всех патриотов Эстонии встать на защиту нового правительства. Возникло противостояние, в котором правительство вышло победителем. Этот факт был представлен в эстонской печати как «неудавшийся государственный переворот» неэстонцев. Национальным отношениям в очередной раз был нанесен серьезный удар, «гражданского мира» не получилось.

16 мая 1990 года было отменено действие Конституции ЭССР и был принят закон «Об основах временного порядка управления Эстонской Республикой». Это означало, что на территории Эстонии действуют только ее собственные законы. Но М.Горбачев в очередной раз признал этот закон недействительным. 26–27 мая 1990 года состоялся второй съезд НФЭ. Среди его 40 делегатов от Тарту были также члены русской секции М.Бронштейн, Р.Григорян, Ю.Таммару. Осенью же 1990 года в одностороннем порядке была установлена экономическая граница между ЭР и СССР и контроль над ввозом и вывозом товаров.

К этому времени М.Горбачев уже «созрел» для заключения нового Союзного договора. Но после распада Варшавского договора Балтийские страны не хотели больше связывать себя с советской империей и стремились в Европу. Это привело к активизации и объединению великодержавных и имперских сил, выступающих за сохранение единого и неделимого СССР. Ими был создан координационный совет всех интердвижений – депутатская группа «Союз». Интердвиженцы в Эстонии благодаря прямой поддержке Министерства обороны СССР получили свою радиостанцию «Надежда». Она вещала на нескольких частотах и ее передачи можно было слышать в Таллинне и других городах Эстонии (*Вперед, 15 сентября 1990*).

Перед началом работы IV Съезда народных депутатов СССР группа депутатов (Алкснис, Петрушенко и другие) фактически

в ультимативной форме потребовала от М.Горбачева принятия более решительных действий, чтобы не допустить развала СССР. О переходе реакционных сил к действиям уже в декабре 1990 года попытался сообщить всем своей отставкой министр иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе. Один из инициаторов перестройки – Александр Яковлев, которого реакционеры из Кремля считали «отцом народных фронтов» в Прибалтике, был выведен из Президентского совета. Все это свидетельствовало, что внутри советского руководства раскол углубился. На IV Съезде Советов по настоянию М.Горбачева было принято постановление о проведении 17 марта 1991 года Всесоюзного референдума по вопросу о сохранении Союза ССР.

Январские события 1991 года показали, что «кремлевская модель» перестройки завершилась, началось контрнаступление реакционных сил с целью восстановления коммунистической диктатуры. Узлом противоречий, где решалась судьба всей страны, стала Прибалтика. Здесь демократия и реакция столкнулись лицом к лицу, здесь боролись сторонники агонизирующей системы и те, кто стремился к свободе и независимости.

В споре с республиками кремлевские руководители перешли к испытанному аргументу своих предшественников – к насилию. Еще до перехода в контрнаступление центральные средства массовой информации развернули мощную дезинформацию о событиях и процессах, происходящих в Литве. 7 января 1991 года по приказу министра обороны СССР Д.Язова в Прибалтику были переброшены воздушно-десантные войска. 8 января сторонники Интердвижения и КП Литвы, стоящей на платформе КПСС, организовали огромный митинг протеста против «антинародной политики правительства Литвы» и в защиту «Советской власти». 11 января М.Горбачев выступил с «Обращением к Верховному Совету Литовской ССР», в котором в ультимативной форме предложил «немедленно восстановить Конституцию СССР и Литовской ССР» и отменить все ранее принятые «антиконституционные решения», то есть отказаться от независимости и восстановить Советскую власть. Вечером того же дня промосковская КП Литвы объявила о создании особого «Комитета национального спасения», готового взять «всю полноту власти в свои руки», по образцу военно-революционных комитетов, которые создавали большевики в 1917 году и в 1940 году. Сценарий был ясен, столкновение становилось неизбежным.

В целях консолидации демократических сил 12 января 1991 года в Таллинне собрались руководители трех Балтийских государств и глава Российской Федерации Борис Ельцин. Был подписан ряд важных документов, в том числе «Договор об основах межгосударственных отношений РСФСР и Эстонской Республики». Б.Ельцин признал суверенитет прибалтийских государств, осудил действия центральных властей и призвал военнослужащих не вмешиваться во внутренние дела трех Балтийских государств. Все участники встречи обратились к генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру с предложением «созвать под эгидой ООН международную конференцию по урегулированию проблемы Балтийских государств».

Однако в ночь на 13 января 1991 года войска совместно с отрядами милиции особого назначения (ОМОН) перешли к активным действиям. Они попытались взять вильнюсскую телебашню, но народ вышел на улицу, строил баррикады и стал защищать власть. В столкновениях с военными погибло 14 и было ранено 150 человек мирных граждан. По иронии судьбы, 12 января в Москве М.Горбачеву была вручена премия мира за 1990 год Всемирным советом методических церквей.

Все жители Эстонии хорошо понимали, что эта демонстрация силы направлена не только против Литвы, но и на то, чтобы запугать все балтийские и другие народы советской империи, стремящиеся к свободе. 14 января 1991 года на Ратушной площади в Тарту состоялся большой траурный митинг, организованный НФЭ и депутатами городского собрания в память жертв советской агрессии в Литве. На митинге высупили Айно-Ээви Лукас, Виктор Пальм, Рафик Григорян, Тоомас Михельсон, Роберт Нярска, Калле Кульбок, Хейно Ноор, Бруно Явойш и другие. Участники митинга выразили соболезнование семьям погибших и приняли декларацию, осуждающую применение силы для подавления стремления Балтийских государств к свободе и независимости.

На следующий день, 15 января, лидеры Интердвижения, ОСТК и КПЭ, стоящая на промосковской платформе, организовали свой митинг в Тарту и манифестацию в Таллинне, которые проходили под красными флагами Советского Союза и Эстонской ССР. Выступили В.Тоотс, А.Сай, А.Волков, В.Герасимов и другие. Было принято обращение к президенту М.С. Горбачеву, где в частности отмечалось, что в Эстонии «пробрались к власти национал-сепаратисты, потомки эксплуататоров и новоявленные

буржуа», что они «принимают законы, противоречащие законодательству, Конституции СССР и Эстонской ССР», и «фактически происходит реставрация буржуазных форм правления». Участники митинга требовали от М. Горбачева «восстановления действия Конституции СССР, Эстонской ССР, законов СССР», а также, «если сепаратисты не прислушаются к голосу разума, введения президентского правления». При этом они обещали, что «трудящиеся его поддержат» (*Вперед, 17 января 1991*).

Демократически мыслящие люди понимали, что республики Прибалтики стали своего рода испытательным полигоном для отработки тактики наступления на демократию в целом. Так, например, движение «Демократическая Россия» в Новгороде и других городах России выступило с резким осуждением действий Интердвижений, ОСТК и компартий, стоящих на платформе КПСС. Обращаясь к своим соотечественникам в Прибалтике, они писали: «Внимательно оглядитесь вокруг – кто возглавляет ваши интерфронты, кто формулирует ваши лозунги и идеологию, кто организует так называемые комитеты национального спасения? И вы увидите – это партийные функционеры, старая аппаратная гвардия. И движет ими желание вернуть былую власть... Ваши друзья – все нации и национальности, все большие и малые народы и народности в их извечном стремлении к свободе. Ваши враги – те, кто любой ценой хочет удержаться у власти, кто нас стравливает, кто действует по испытанному имперскому принципу: разделяй и властвуй» (*Советская Эстония, 13 февраля 1991*).

Анализируя печальные итоги январских событий, Совет уполномоченных НФЭ осудил действия Кремля и его агентов. Верховному Совету Эстонии было предложено принять решение о проведении своего референдума 3 марта 1991 года (вместо 17 марта и в другой формулировке, нежели предлагала Москва). Кроме Эстонии, еще 5 республик (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдова) отказались от проведения референдума в формулировке Кремля и решили провести отдельно свои референдумы. Накануне референдума Илья Никифоров, Рафик Григорян и Александр Шегедин выступили по Радио-4, а также в печати по этой проблеме. Так, в статье Р. Григоряна «Мы и референдум» содержался призыв к русскоязычным жителям проявить высокую сознательность и поддержать право эстонского народа на самоопределение (*Вперед, 14 февраля 1991; Postimees, 9 февраля 1991*).

В голосовании 3 марта 1991 года приняли участие 948 130 человек, или 82,86% из числа занесенных в списки избирателей. Опрос всего населения Эстонии показал, что 737 964 голосующих (77,83% от общего числа принявших участие в голосовании) были за «восстановление государственной самостоятельности и независимости Эстонской Республики». Отрицательно ответили 203 199 голосующих (21,43 % участников референдума). Результаты референдума подтвердили данные социологического опроса, проведенного еще осенью 1990 года. Тогда среди эстонцев независимость Эстонии поддержали 87%, а среди неэстонцев – 34% (*Вечерний Таллинн, 4 сентября 1990*). Референдум показал, что более 1/3 неэстонского населения также голосовала «за». Это было мнение подавляющего большинства народа.

Идея независимости Эстонии, впервые открыто высказанная в 1988 году и понятная и близкая большинству эстонцев, для многих неэстонцев, живущих в Эстонии, вначале была непонятной. Подавляющее большинство русскоязычного населения не понимало, о чем идет речь. Тем более, что СМИ, выходящие на русском и на эстонском языках, давали совершенно различную информацию, а лидеры Интерфронта постоянно дезинформировали и запугивали. Вначале проблема независимости Эстонии волновала русскоязычных людей меньше, чем их статус в будущей Эстонии. Они больше опасались не независимости как таковой, а дискриминации в новой Эстонии (см. *Олег Самородный. О некоторых особенностях русскоязычной общины Эстонии. – Политика, 1990, 1 9, с. 30*). Однако, по мере того как развивались события в СССР и благодаря огромной работе проведенной русскоязычной интеллигенцией, сознание неэстонцев существенно менялось. Так, если мы посмотрим данные опроса Майнор-ЭМОР, приведенные в статье А.Семенова и Х.Барабанера, то увидим, что процент неэстонцев, поддерживающих идею независимости Эстонии, рос очень быстрыми темпами.

Доля неэстонцев, поддерживающих идею независимости Эстонии*

Апрель	Сент.	Февр.	Май	Июнь	Март	Сент.
1989	1989	1990	1990	1990	1991	1991
5%	9%	18%	26%	27%	37%	55%

* См: <http://www.hrighs.ru/text/b4/chapter6.htm>.; *Российский бюллетень по правам человека. Вып. 4, М., 1994.*

Из таблицы видно, что на референдуме о независимости в марте 1991 года «за» высказалось (по разным оценкам) от 37 до 40% неэстонского населения, принимавших участие в голосовании, а к моменту восстановления независимости, то есть к 20 августа 1991 года уже больше половины неэстонского населения поддерживало курс на независимость. Причем по отдельным городам этот процент был даже выше среднего. Так, идею восстановления независимости одобрили в Нарве – 77%; в Силламяэ – 91%; в Кохтла-Ярве и Йыхви – 77% из числа опрошенных. Любой непредубежденный наблюдатель согласится, что рост с 5% в 1989 году до 55% в 1991 году, то есть всего за два с небольшим года, означает революционное изменение в сознании неэстонцев по вопросу о восстановлении независимости Эстонии. Следует отметить также, что не все эстонцы вначале поддерживали идею восстановления независимости (на конец 1990 года – 87% эстонцев).

Эти данные опровергают расхожий миф, который сложился в обществе не без помощи СМИ, части эстонских политиков и ученых, – миф о том, что все эстонцы были за независимость Эстонии, а русскоязычные – против. Таким образом референдум показал, что подавляющее большинство всего народа Эстонии было за восстановление независимости Эстонской Республики. Этот факт имел решающее значение в разговоре наших депутатов с М.Горбачевым. Он исключал возможность манипулирования мировой общественностью со стороны кремлевских руководителей, постоянно заявляющих о невозможности самоопределения Эстонии, ибо это противоречит интересам других национальностей, проживающих в республике.

13–14 апреля 1991 года проходил очередной, третий съезд НФЭ, на котором с докладом «О политической обстановке и задачах НФЭ» выступил Э.Сависаар. Он отметил, что процесс распада советской империи принял необратимый характер, что история предоставила нам шанс, и мы должны его использовать. Время подготовки к самостоятельности уже исчерпано, и переходный период не может быть вечным. Говоря о национальных отношениях, он подчеркнул, что нет еще четкой «русской политики», «мы не очень хорошо знаем русских, много говорится о предрассудках русских, но эти же явления имеют место и среди эстонцев». Он призвал выяснить базовые интересы эстонцев и

русских, найти возможности интеграции неэстонской общины в Эстонию (см. *Вперед*, 18 апреля 1991).

В апреле 1991 года М.Горбачев предложил республикам подписать новый Союзный договор и вступить в «обновленный Союз», названный им «Содружество Суверенных Государств» – ССГ. Но с ним согласились лишь девять республик, а шесть – отказались, в том числе и Эстония. 1 июля 1991 года в центральных газетах был опубликован проект нового Союзного договора. На 20 августа 1991 года планировалось его подписание. Однако торжественного подписания нового Союзного договора, о котором мечтал М.Горбачев, не получилось.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года произошел путч ГКЧП. 19 августа 1991 года в Эстонию были введены советские войска на 200-х боевых машинах. Их разместили на территории завода «Двигатель» и в других местах города. На таллинском рейде стояли военные корабли. Некоторые лидеры Интердвижения приветствовали приход к власти путчистов.

Утром 20 августа из состава уполномоченных НФЭ и советников Э.Сависаара были созданы группы русскоязычных агитаторов (В.Юшкин, Е.Степанов, Е.Калинин и другие) для разъяснения солдатам фактического положения дел в стране. Вечером того же дня на экстренном заседании ВС ЭР принял «Решение о государственной независимости Эстонии», согласно которому было восстановлено самостоятельное эстонское государство как *de jure*, так и *de facto*.

В Тарту обстановка тоже оставалась напряженной все три дня путча. Утром 19 августа 1991 года, сразу после сообщения о путче, в квартире Марью Лауристин собрались руководители Тартуского НФ – А.-Э. Лукас, П.Вихалемм, Р.Григорян, Р. Кильк и В. Пальм, чтобы обсудить создавшееся положение. Было решено не предпринимать активных действий в Тарту и сосредоточить всю деятельность НФ в Таллинне, где находились войска. Автором данной статьи был подготовлен проект Заявления Народного фронта. Днем 19 августа в помещении НФ собрались представители русской секции Р.Григорян, И.Никифоров, В.Брехов, А.Петухов, А.Шегедин, В.Пальм и другие. Был подготовлен к публикации текст Заявления от имени Народного фронта Тарту. Следует отметить, что редактору газеты «Вперед» А.Шегедину военное ведомство Тарту запретило печатать текст этого Заявления, но, несмотря на это, оно было опубликовано.

В Заявлении Тартуской секции НФЭ деятельность ГКЧП квалифицировалась как попытка государственного переворота, как незаконный акт. НФЭ призывал «все демократические силы объединить свои действия, а в случае свержения законного правительства Эстонии быть готовыми начать кампанию гражданского неповиновения и всеобщую политическую забастовку» (*Вперед, 20 августа 1991*). Илья Никифоров, Александр Шегедин и Рафик Григорян написали ряд статей, разъясняющих суть происходящего. 21 августа 1991 года начальник Тартуского гарнизона полковник В. Янин обратился к жителям города и призвал «сохранять в сложившейся обстановке выдержку, спокойствие, разум, ответственность за судьбы семей, детей, родных и близких». Он заверил, что со стороны военнослужащих в этом будет оказана поддержка (*Вперед, 22 августа 1991*).

С момента провозглашения суверенитета Эстонии прошло 15 лет. Во многом благодаря прессе, ТВ, радио утвердилось, особенно среди эстонской части населения, стереотипное представление о том, что за суверенитет Эстонии боролись только эстонцы, а все инородцы – «люди без корней» – всячески препятствовали восстановлению независимости Эстонии. В итоге навязан образ инородца-врага, нелояльного Эстонской Республике. С таким багажом трудно говорить об успехах политики интеграции. Интеграция общества – это взаимное стремление этносов к совместному проживанию. Она может основываться лишь на чувстве толерантности и взаимоуважения. Ненависть и вражда не ведут к социальной и национальной гармонии.

Трудно не согласится с мнением Яна Каплинского, что «национализм почти неизменно сопровождается стремлением видеть какой-нибудь другой народ в дурном свете» (*Ян Каплинский. Информационные искажения. «Русская газета», 1 августа 1992*). Как показывают факты периода «поющей революции», все было гораздо сложнее, чем это показано в наших учебниках истории и в статьях ученых и публицистов. Людей разделяют не только этническая принадлежность, но и мировоззрение, при этом последний фактор порой оказывает более сильное влияние на формирование личности. Не случайно гражданские войны, как правило, происходят между людьми, говорящими на одном языке и относящимися к одному народу.

Демократами, националистами, фашистами или расистами люди не рождаются, а становятся. Межнациональные противо-

речия всегда были, и они будут до тех пор, пока существуют многонациональные государства. Все в жизни состоит из противоречий. Сами по себе национальные противоречия не представляют опасности, если их своевременно разрешать. Опасность возникает тогда, когда их замалчивают и начинают использовать в качестве «козырной карты» различные политические силы в борьбе за власть

Эти события ушли в историю, и каждый историк будет их интерпретировать по-своему. Часть неэстонцев, отдавших немало труда, интеллекта и души за освобождение республики, уехала на Запад, часть – в Россию и другие страны СНГ, но большинство – 93% – остались жить в Эстонии, вместе с эстонцами перенося все трудности переходного периода и надеясь на взаимопонимание со стороны лучшей части эстонского народа. Что касается нас – непосредственных участников тех событий, – то можно сказать, что время рассудит, кто был прав.

В 1991 году, в самый разгар путча, некоторые эстонцы звонили председателю Тартуского городского собрания А.-Э. Лукас и предлагали спрятать лидеров НФЭ, в том числе автора данной статьи, в лесу – там, где когда-то прятались «лесные братья». Мне кажется, это и есть высшая форма народного признания и поддержки своих лидеров. Ради таких людей совершенно не жалко потерянного здоровья, многих бессонно проведенных ночей, затраченных усилий и труда, и неважно, кто ты по национальности – эстонец, русский, армянин, еврей... Немецкий публицист Карл Людвиг Бёрне еще в XIX веке отмечал: «Нет человека, который не любил бы свободу; но справедливый требует ее для всех, несправедливый – только для себя» (*Вл. Воронцов. Симфония разума. М., 1977, с. 341*). Мы боролись за нашу общую свободу.

НА СЛУЖБЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ЭСТОНИИ В МОСКВЕ

Михаил Бронштейн

Так уж случилось, что мне пришлось в последние годы перестройки участвовать в работе высших органов законодательной власти СССР: и в съездах народных депутатов, и последнем Верховном Совете. Весной 1989 г. я был избран на альтернативной основе по одному из тартуских избирательных округов при поддержке Народного фронта. С чем мы шли в высший союзный орган власти? Хозрасчетная Эстония и обновленный Союзный договор с учетом принятой Верховным Советом ЭССР в ноябре 1988 г. Декларации о суверенитете. Концепция хозрасчетной Эстонии (IME, дословно – «хозрасчетная Эстония» – Isemajandav Eesti), авторами которой были Сийм Каллас, Тийт Маде, Эдгар Сависаар и Микк Титма, предполагала экономическую самостоятельность Эстонии в условиях многообразия форм собственности и развитых товарно-денежных отношений. Новый Союзный договор должен был закрепить суверенный статус республики при сохранении общего союзного политического и экономического пространства.

На первом Съезде народных депутатов формируется постоянно действующий Верховный Совет. Я был выбран в его состав от Эстонии. Стал членом Комитета по экономической реформе и председателем подкомитета рынка. Моя позиция в этих высших органах власти определялась следующим:

После ознакомления с секретными протоколами к пакту Молотова-Риббентропа не могло быть сомнений, что Эстония в 1940 г. была насильственно инкорпорирована в состав Советского Союза. Поэтому любой честный человек должен был поддержать твердо высказанную в ходе «поющей революции» волю подавляющего большинства населения Эстонии к восстановлению ее государственной независимости.

Как профессиональный экономист я понимал, что в условиях, когда конечный продукт производился на основе разделения

и кооперации труда между тысячами предприятий, развал общего рыночного пространства и установление таможенных платежей на границах приведет к резкому удорожанию и падению конкурентоспособности продукции. Нами были проведены специальные исследования, которые показали, что разрыв общего рыночного пространства приведет к падению валового внутреннего продукта (ВВП) на 30–40 %, которого не сможет избежать ни одна республика. Поэтому я был сторонником сохранения общего рыночного пространства и преобразования СССР на основе модели Европейского Союза. В действительности процесс пошел по другому сценарию, а СНГ по степени экономической и политической интеграции несопоставим с ЕС.

В моделировании будущего Эстонии исходным было ее право на восстановление государственной независимости и учет геополитического положения между Западом и Востоком. Для перехода к более современным технологиям и формам хозяйствования, получения необходимых инвестиций требовался поворот к Западу. Но на Востоке был обширнейший и во многом освоенный рынок для эстонской продукции. Оптимальный вариант будущего развития Эстонии достигался при максимизации благоприятного фактора местоположения Эстонии в качестве экономического моста между Западом и Востоком. Но одновременно требовалась минимизация возможных рисков, связанных с нестабильностью на советском и постсоветском пространстве.

Первый Съезд народных депутатов СССР начал работу в условиях нарастания центробежных тенденций. Сказывались последствия сталинской национальной политики: волюнтаризм при установлении границ между национально-территориальными образованиями, насильственные депортации и переселения целых народов. Межнациональные конфликты в 1988-1989 гг. стали принимать открытые формы, а попытки их подавления военной силой вели к человеческим жертвам и лишь обостряли ситуацию. Первому Съезду народных депутатов и Верховному Совету СССР приходилось разбираться с последствиями событий в Тбилиси, Нагорном Карабахе, Сумгаите и Баку. Политическое решение возможно было найти на основе реформирования Союза. Но к идее нового Союзного договора Михаил Горбачев пришел лишь в начале 1991 г.

Политический кризис усугублялся нарастающим расстройством финансово-экономической системы. Сокращались поступ-

ления в союзный бюджет, а дефицит покрывался печатным станком. Попытки сдерживать в этих условиях рост цен привели к опустошению прилавков магазинов. Местные власти начали вводить ограничения и запреты на вывоз продовольствия и других потребительских товаров. Отоваривание шло по талонам и карточкам, на границах республик и областей появились шлагбаумы. Начался процесс разрушения общего экономического пространства. Негативные последствия этого в полной мере осознавались в Комитете по экономической реформе Верховного Совета, в Межрегиональной и Научно-промышленной депутатских группах. На первом Съезде народных депутатов с предложением реформирования Советского Союза по модели Европейского Союза выступил академик Андрей Сахаров.

На втором Съезде народных депутатов по вопросу реформирования общего экономического пространства было предложено выступить мне как председателю подкомитета рынка. К этому времени был принят закон об экономической самостоятельности Балтийских республик. В других республиках начали считать баланс поставок в союзные фонды и поступлений из них. По размерам производимого на душу населения ВВП различия между союзными республиками достигали 300–400, а главным донором была Российская Федерация, обладающая к тому же 70–80% энергетических и сырьевых ресурсов стратегического назначения. К этому времени со всей остротой стали сказываться и 3–4-кратные различия в уровнях рождаемости по регионам страны. В Средней Азии возникли серьезные проблемы в связи с сокращением мелиорированной земли в расчете на душу населения. В главной житнице – Ферганской долине – в 1989–1990 гг. начались межнациональные конфликты. Все это наложило отпечаток на содержание моего, мягко говоря, не самого удачного выступления на втором Съезде народных депутатов СССР.

Начал его я вроде вполне логично. Экономическая самостоятельность республик – это и экономическая ответственность за результаты хозяйственной деятельности, и соответствующий уровень жизни. Вместе с тем, модель Европейского Союза, к которой мы стремимся, предполагает создание общих финансовых фондов для поддержки и подтягивания отстающих регионов и отраслей. Помощь из этих фондов (общего бюджета) направляется строго фиксированно при наличии программ и воли для раз-

решения возникших проблем на местах. И здесь черт дернул меня за язык. Обращаясь к депутатам съезда от среднеазиатских республик, я заявил: «Высокая рождаемость – хорошая вещь, но проблемы, связанные с ней, решать прежде всего вам». Что произошло дальше, наверно, многие мои читатели наблюдали по телевидению. Шум и топот в зале. К трибуне решительно направляется депутат от Узбекистана Рано Убайдуллаева: «Депутат Бронштейн оскорбил женщин Средней Азии. Наши дети – это общее богатство страны. Требуем извинения». Приношу извинения, но проблема остается. В перерыве ко мне подошел один из руководителей Межрегиональной депутатской группы Гавриил Попов: «Все правильно. Только в таком общем котле каши не сварить. Будем делать выводы». Выводы последовали. Через год с небольшим Верховный Совет РСФСР принимает декларацию о суверенитете. Еще через полгода президент Борис Ельцин инициирует распад Советского Союза. Но еще раньше на путь восстановления государственной независимости встали страны Балтии.

Эстонский народ первым на советском пространстве в конце 1980-х гг. вступил на путь возрождения своей государственности. Но «поющая революция» могла бы закончиться по будапештскому или пражскому сценарию и возможно, с еще большим пролитием крови. Решающее значение для успеха имели изменение ситуации в Советском Союзе и выбранная руководством республики тактика *step-by-step*. Она позволила использовать открывшиеся в связи с перестройкой и гласностью возможности и форумы для обоснования исторических прав эстонского народа на свою государственность и расширение числа сторонников ее возрождения внутри и вне страны.

Поэтому вполне естественно, национально-демократические силы Эстонии участвовали в выборах высшего представительного органа СССР – Съезда народных депутатов. На выборах с альтернативными кандидатами в Эстонии большинство получили сторонники Народного фронта.

Первый Съезд народных депутатов начинался бурно. Вся страна наблюдала, как «агрессивно-послушное большинство» пыталось заглушить выступление академика Андрея Сахарова. Но уже появились противостоящие большинству Межрегиональная и Балтийская депутатские группы. Имелись трибуна и возможности проведения переговоров с руководством съезда по

делегациям. Впервые ставится вопрос о секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа. Осенью 1989 г. удается добиться признания факта существования секретных протоколов и объявить их недействительными. Тем самым фактически была признана и противоправность инкорпорации Советским Союзом стран Балтии. Поэтому вполне обоснованным с правовых и моральных позиций был следующий шаг Верховного Совета Эстонской Республики – провозглашение 30 марта 1990 г. переходного периода к восстановлению независимости.

В 1990 г. соотношение сил в высших эшелонах власти Советского Союза было еще далеко не в пользу признания полной государственной самостоятельности стран Балтии. Предлагалась лишь относительно большая степень экономической автономии в рамках Союза. Против восстановления государственной независимости стран Балтии выступала большая часть руководства ЦК КПСС и главы союзных силовых ведомств. Михаил Горбачев колебался. В то время он уже опасался возможности путча и своего отстранения от власти. Помню, в разговоре со мной в начале 1990 г. Михаил Сергеевич просил передать руководству Эстонии, что поспешные действия могут спровоцировать антиперестроечные силы на открытое выступление. Но и сам Горбачев не отрицал применение силы. Осенью 1990 г. он заявил на одном из заседаний Верховного Совета: «Мы будем выходить из окопов». Началась подготовка к всесоюзному референдуму по вопросу сохранения СССР. Одновременно был подготовлен жесткий Закон о выходе союзных республик из состава СССР (требование поддержки более 2/3 всего взрослого населения республики). В январе 1991 г. было спровоцировано кровавое противостояние в Вильнюсе и Риге.

В это время нам, небольшой группе народных депутатов от Эстонии, в Москве пришлось вести неофициальные переговоры с влиятельными российскими коллегами в целях предотвращения еще более глубокого кризиса и кровавых событий. Была высказана идея о встрече лидеров двух республик.

Невозможно переоценить значение поездки Бориса Ельцина в январе 1990 г. в Таллинн. Несомненно, что исходным для Бориса Ельцина было стремление к усилению своей позиции в противостоянии и борьбе за власть с Михаилом Горбачевым. Но его встреча с Арнольдом Рюйтелем и подписанный ими 12 января 1991 г. Договор об основах межгосударственных отношений

между РФ и ЭР объективно был важен для стратегических интересов обеих республик. Фактически межгосударственный договор явился первым взаимным признанием всей полноты суверенитета, включая провозглашение государственной независимости. Статья 1 Договора гласила: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика и Эстонская Республика признают друг друга суверенными государствами и субъектами международного права, а также признают друг за другом право реализовать свой государственный суверенитет в любых избранных ими формах». Нашим историкам не мешало бы также учитывать тот неоспоримый факт, что первой в мире неотъемлемое право Эстонии на государственную независимость в январе 1991 г., как и в феврале 1920 г., признала все та же Россия.

В новых условиях, создавшихся после 12 января 1991 г., совершенно правильным было решение Верховного Совета Эстонии о проведении референдума по вопросам восстановления государственной независимости республики. В референдуме 3 марта 1991 г. приняло участие 948 тысяч жителей Эстонии, из которых 77,8% проголосовали за независимость. Столь высокого результата в Москве не ожидали. Он превзошел жесткие требования Закона о выходе союзных республик из СССР. И столь высокий процент участвующих (несмотря на призыв Комитета граждан Эстонии к бойкоту) и голосовавших за независимость мог быть только при условии поддержки большей части русскоязычного населения республики. Именно после мартовского референдума в Эстонии Михаил Горбачев пришел к выводу о необходимости признания государственной независимости стран Балтии. К этому стало склоняться и большинство членов Верховного Совета СССР.

В мае 1991 г. в рамках Верховного Совета СССР создается депутатская комиссия для поиска решений наиболее сложных проблем дальнейшего существования Советского Союза. Два ее сопредседателя – советник президента СССР маршал Сергей Ахромеев и профессор Юрий Рыжов. Взгляды на проблемы разные. Сергей Ахромеев – убежденный сторонник сохранения целостности Советского Союза. Юрий Рыжов после смерти Андрея Сахарова стал одним из лидеров либерального крыла. Но одно общее – желание и умение находить компромиссы (маршал Ахромеев знал их предел и заплатил после августовского путча по самому высокому счету – жизнью). Мне выпала честь

быть приглашенным в состав этой депутатской комиссии от Юрия Рыжова при согласии Сергея Ахромеева. Дискуссии были острыми, но пришли к общему выводу: в стратегических интересах большинства республик заключение нового Союзного договора при признании государственной независимости стран Балтии. Подчеркивалась важность сохранения сложившихся экономических связей и общего рыночного пространства. В ходе подготовки итоговых рекомендаций с ответственными представителями республик Балтии проводились консультации. Был высказан интерес к установлению договорных отношений между странами Балтии и Советским Союзом. В частности, заключение договоров о свободной торговле, научно-техническом сотрудничестве, статусе поэтапно выводимых войск и правах национальных меньшинств. Согласованный по главным позициям документ в июне 1991 г. передается президенту Михаилу Горбачеву. Перед самым отлетом в Форос он ставит резолюцию: «Прошу подготовить рабочие материалы».

В Таллинне в начале июля проходит международный фестиваль «Песенные мосты». В рамках его открывается представительная международная конференция «Запад-Восток». Открыл конференцию Арнольд Рюйтель. Глава республики изложил позицию Эстонии: в 1939–1940 гг. Эстонская Республика в результате соглашений между Германией и Советским Союзом была аннексирована. Эстонский народ требует восстановления насильственно прерванной государственности. Поэтому Эстонская Республика не будет подписывать Союзный договор, хотя и стремится к сохранению взаимовыгодного сотрудничества с Союзом. Позиция четкая и ясная. Но самое большое впечатление на меня произвело выступление Збигнева Бжезинского, которого советская пропаганда изображала в качестве главного противника. Он поддержал стремление народов Балтии к восстановлению государственной независимости, но все же главным стержнем его выступления был компромисс. Приведу основные тезисы его тогдашнего выступления: демократия основана на компромиссах. Национальные государства в современных условиях не могут существовать в изоляции от окружающих реалий. Необходимо держать открытыми двери и на Запад, и на Восток. Самая опасная комбинация – это комбинация узкого национализма и идеологической нетерпимости. Что ж, все это звучит очень актуально и в реалиях начала XXI в.

Збигнев Бжезинский высказался и по поводу имеющих, как он считал, различий в психологии западного и восточного мышления. Для Запада компромисс – это естественное состояние, это положительная черта политического деятеля. Для восточного восприятия компромисс граничит с беспринципностью. Стоять до конца считается доблестью и героизмом. Мне подумалось тогда, что все же в Эстонии начинает преобладать западный менталитет. Ведь руководителям республики хватило мудрости после провозглашения независимости объявить переходный период, в котором сохраняются определенные связи с экономическими и политическими структурами Советского Союза. Переходный период – это время поиска взаимоприемлемых решений вне и внутри республики.

На конференции «Запад-Восток» я выступал с концепцией «Балтийского моста». Содержание доклада сводилось к главному тезису: использование благоприятного геополитического положения Эстонии для нахождения достойного места в Европе при сохранении торгово-экономических связей и своих позиций на восточном рынке. Была высказана и та мысль, что балтийский путь с его развитой поргово-транспортной инфраструктурой вполне может и дальше служить интересам Эстонии и России. Помню, один из эстонских журналистов задал вопрос: «А выдержит ли маленькая Эстония – опора моста – тот груз, который вы предлагаете?» Что оставалось ответить после выступления Бжезинского? – «Для того и нужна мудрость политиков и их способность находить компромиссы, чтобы максимизировать благоприятные факторы местоположения и минимизировать возможные риски». Могу повторить мой ответ и сегодняшним политикам Эстонии и России.

Летом 1991 г. мне было сделано предложение от правительства Союза поменять место жительства и переехать на работу в Москву в качестве одного из заместителей председателя Государственного Совета по экономической реформе. Предложение отверг – всю свою карьеру я сделал в Эстонии, и самое почетное звание для меня – звание профессора Тартуского университета. Но решил оставаться в Москве до истечения полномочий в качестве члена Верховного Совета СССР и председателя подкомитета рынка. 24 июля 1991 г. в этом качестве я опубликовал в «Известиях» свою последнюю статью «Возможны ли

компромиссы в стране большевиков». Позволю себе повторить высказанные в ней доводы и надежды: «В Верховном Совете нас, депутатов от Эстонии, осталось совсем немного – 3-4 человека. Имеются разногласия во взглядах, например, с народным депутатом Т.Пупкевичем, хотя личные отношения нормальные. Легче всего мне найти общий язык с генералом В.Варе. Наверное, потому, что мы одногодки, прошли дорогами войны, знаем, что такое ненависть и кровь. Работаем в своих комитетах. Стараемся защищать интересы Эстонской Республики, но знаем, что это возможно лишь при условии понимания интересов наших соседей. Пытаемся расширять «пространство компромиссов». В силу своих возможностей способствовали, чтобы в Эстонии не лилась кровь и не применялись методы блокады. Написал и постучал по столу. Дай Бог, чтобы успешно завершились переговоры между Советским Союзом и Эстонской Республикой, чтобы была признана ее государственная независимость и открылась бы новая страница плодотворного для обеих стран сотрудничества».

А дальше были уже события августа 1991 г. 19 августа – путч в Москве, баррикады у Белого дома. Историческое событие 20 августа – решение Верховного Совета Эстонской Республики о полном восстановлении государственной независимости. В эти дни я оставался в Москве и участвовал в переговорах с ответственными политиками РФ. Сразу после разгрома путча мы с Евгением Голиковым (он тогда был представителем правительства ЭР при правительстве РФ) встретились с государственным секретарем Российской Федерации Геннадием Бурбулисом по вопросу признания полной государственной независимости Эстонии. 24 августа Россия раньше всех великих держав вновь признает полный государственный суверенитет Эстонии в качестве субъекта международного права.

Верховный Совет СССР собирается 26 августа. Большинство голосов принимается рекомендация – включить в повестку предстоящего Съезда народных депутатов вопрос о признании Советским Союзом государственной независимости стран Балтии. Съезд открывается 3 сентября. Выбирается редакционная комиссия, и я вхожу в ее состав. Среди других вопросов обсуждается вопрос о признании независимости стран Балтии. Председатель комиссии Михаил Горбачев предлагает его вынести на Государственный совет (в его составе главы союзных рес-

публик) и включить три основных пункта: признание Советским Союзом государственной независимости стран Балтии; установление с ними дипломатических отношений; связать признание независимости с принятием государствами Балтии Декларации прав человека ООН. Ознакомил с проектом Энделя Липпмаа (бывшего министром по восточной политике в кабинете Эдгара Сависаара), Яниса Петерса (основателя латвийского Народного фронта и впоследствии посла Латвийской Республики в Москве) и приехавшую в Москву Казимеру Прунскене (в то время премьер-министра Литвы). Возражений нет. 6 сентября Государственный совет СССР официально признает государственную независимость Эстонии, Латвии и Литвы.

Почему автор решил напомнить читателю об известных и не очень фактах нашей недавней истории? Не для того, чтобы как-то высветить свою скромную роль. Я выполнял до конца свой долг перед пославшими меня в Москву избирателями и просто отстаивал высказанную на референдуме волю народа Эстонии к восстановлению своей государственности. Но наша история стала предметом политических разборок. Определенные силы добились признания в Рийгикогу Компартии Эстонии преступной организацией. У меня нет сомнения, что лидеры Комитета граждан Эстонии обладали личным мужеством, но их призывы к своему народу действовать вне конституционного поля были на руку имперским силам в Москве, могли закончиться большим кровопролитием и новыми депортациями. Всю тяжесть поиска промежуточных путей к возрождению эстонской государственности и проведение сложных переговоров в Москве взвалили на себя лидеры либерального крыла КПЭ, прежде всего – Вайно Вяляс и Арнольд Рюйтель, а также бывшие члены КПЭ, возглавившие Народный фронт Эстонии, – Эдгар Сависаар и Марью Лауристин.

Кого же поддерживал народ Эстонии в тот крайне трудный период? Вопреки призывам Комитета граждан Эстонии в 1990 г. к бойкоту выборов в Верховный Совет и референдума о независимости, в них участвовало около миллиона жителей Эстонии, а в февральских выборах 1990 г. в альтернативный Конгресс Эстонии приняли участие только 52 тысячи правопреемных граждан и 34 тысячи соискателей гражданства. Но парадокс истории состоит в том, что после 20 августа 1991 г. между Верховным

Советом и Комитетом Эстонии было заключено соглашение о формировании Конституционной ассамблеи на паритетных началах, с принятием концепции Комитета Эстонии о равноправности гражданства. Компромисс? Да, но за счет прав почти трети населения республики. А дальше следовали Закон об иностранцах, попытки ограничить образование на русском языке и бесплодное противостояние Православной церкви в Эстонии и Московского патриархата.

Становление эстонско-российских отношений

После развала Советского Союза в декабре 1991 г. начинается новый этап в межгосударственных отношениях Эстонии с восточным соседом. Необходимо было выстраивать дипломатические отношения между новыми субъектами международного права и выстраивать отношения добрососедства и взаимовыгодного экономического сотрудничества. Руководство ЭР в то время сочло, что данные задачи будут более эффективно решать лица, имеющие опыт работы в последнем Верховном Совете СССР и соответствующие личные контакты с политической, экономической и научной элитой России. Послом в Москве был назначен мой коллега по Верховному Совету Юри Кахн. Министерство иностранных дел ЭР предлагало и мне остаться в Москве на дипломатической работе. На выбор – советником или консультантом посольства по экономике. Выбрал должность консультанта. Я с большой теплотой вспоминаю тот первый состав Эстонского посольства в РФ. Тесные рабочие и дружеские отношения сложились с Юри Кахном, Андреем Бировым, Артуром Лаастом, Ольгой Бундер, Аарне Пярнапуу. Мы были единомышленниками. Главное – защита национальных интересов возрождающегося эстонского государства. Но для этого надо было понимать национальные интересы России. Максимизировать то, что объективно сближало две страны и по возможности нейтрализовать негативные факторы. И еще надо было знать Россию, уважать ее народ, традиции и многовековую культуру.

В начале 1990-х гг. посольский особняк в Собиновском переулке был очень популярным местом в Москве. В непринужденной обстановке там встречались и обменивались мнениями политики и дипломаты, ученые и деятели культуры. Вместе с послом Юри Кахном мне довелось принимать советников пре-

зидента РФ по экономике и экологии академиком РАН Александра Гранберга и Алексея Яблокова, крупнейшего российского эксперта, в будущем министра экономики РФ Евгения Ясина и других. В апреле 1992 г. на основе проведенных бесед мной был подготовлен и направлен в правительство ЭР проект договора «О принципах экономических отношений между Эстонской Республикой и Российской Федерацией». Он содержал следующие основные пункты:

- 1) Установление режима свободного движения товаров на беспошлинной основе (или с минимальными пошлинами, не более 15%) между двумя государствами при обеспечении защиты экономических интересов России на границах Эстонии с третьими странами.
- 2) Содействие прямым торговым и кооперационным отношениям между предприятиями и регионами, имеющими постоянные хозяйственные связи.
- 3) Обеспечение защиты инвестиций (включая интеллектуальные) обеих стран на территории Эстонской Республики и Российской Федерации.

Летом 1992 г. у меня состоялась совместная поездка с советником президента РФ Александром Гранбергом в Таллинн, встреча и беседа с премьер-министром Тийтом Вяхи. Предметом беседы было использование транзитных возможностей Эстонии в интересах обеих стран. Тогда же Тийт Вяхи дал указание посольству готовить подписание соглашений с Россией о свободной торговле и беспошлинном транзите. Последующие переговоры в Москве были непросты. Подобных соглашений Россия в то время не имела даже со странами СНГ. Помню, за день до назначенного подписания нам сообщили, что ряд российских политиков высшего эшелона имеет серьезные возражения. В их сознании Эстония являлась чуть ли не главным виновником развала СССР. Но нам удалось убедить российского премьер-министра Егора Гайдара в том, что данные соглашения отвечают долгосрочным интересам обеих сторон.

Первый договор о свободной торговле на постсоветском пространстве был подписан в Москве в сентябре 1992 г. между премьер-министром Егором Гайдаром и Тийтом Вяхи. Он был выгоден обеим сторонам. Для Эстонии открывался беспошлинный выход на обширный российский рынок. Особое значение это имело для эстонского крестьянства – в конце 1980-х гг. до 40% высококачественной мясо-молочной продукции из Эстонии постав-

лялось в Россию, и прежде всего в Ленинград и Москву. Эстонская промышленность строилась на разделении труда и кооперации для производства конечной продукции опять же прежде всего с российскими предприятиями. Соглашение о свободной торговле позволяло сохранить эти связи, не разрушая крупную промышленность. Одновременно с соглашением о свободной торговле в сентябре 1992 г. между Эстонией и Россией было подписано транспортное соглашение. Эстония предоставила России беспрошленное и безналоговое пользование своей портово-транспортной инфраструктурой для транзита российских грузов. России это давало экономию примерно в 2 млрд. долларов на инвестициях и около 120 млн. долларов в год на текущих затратах. Для Эстонии обеспечивалась загрузка портов и железной дороги при растущих доходах от операторской деятельности. В целом же оба соглашения по проведенной нами тогда оценке давали Эстонии до 300–400 млн. долларов в год при сохранении и упрочении наших позиций на российском рынке. Соглашения о свободной торговле и транзите не препятствовали естественному процессу интеграции Эстонии в Европейский Союз. Напротив, они повышали интерес ЕС к Эстонии в качестве торгового моста на перспективный российский рынок. Помню, после трудных переговоров и подписания соглашений мы собрались в посольской сауне, и Тийт Вяхи сказал: «Вот теперь я начну переговоры на Западе. Думаю, они будут успешными».

Но на Запад поехали другие. В конце 1992 г. национально мыслящего прагматика Тийта Вяхи на посту премьер-министра сменил Март Лаар. Стержень всей его политики – реституция и возврат к старому доброму эстонскому времени. Но как быть с изменившейся демографической структурой и с «иностранцами», которые участвовали в восстановлении и развитии экономического потенциала страны? Вытеснить за пределы страны. Сократить рабочие места прежде всего в крупной промышленности, где работают «muulased» («иностранцы». – *Ред.*). Поэтому кооперация с российскими предприятиями для производства конечной продукции (а она эффективна в условиях свободной торговли) была политически для «национальных романтиков» нежелательна. По их же мнению, замораживание отношений с Россией по всему спектру должно было способствовать и более быстрому принятию Эстонии в евроатлантические структуры. Отсюда – восприятие России как потенциального врага Эстонии.

Соответственно в качестве «пятой колонны» представлялось русскоязычное население страны. Отсюда ограничения в гражданских правах «иностранцев». В этом отношении эстонские правители оказались не одиноки. По некоторым позициям латвийские их превосходили. Но есть чисто отечественное Nokia (ноу-хау. – *Ред.*) – инициирование раскола в Православной церкви и многолетний отказ в регистрации той ее части, которая сохранила каноническую связь с Московским патриархатом. Последнее и спровоцировало введение по отношению к Эстонии в торговле с Россией вместо свободной торговли режима двойного таможенного обложения. В результате – резкое и необоснованное сокращение товарооборота между двумя странами. Если в 1991 г. 56,5% эстонского экспорта шло в Россию, то к 2000 г. он сократился до 2,4%. Сотни миллионов долларов были потеряны для эстонской экономики. И удар был нанесен не только по «чужой» для наших романтиков промышленности, но и по главным носителям национальных ценностей – по эстонскому крестьянству. Правда, маленькая Эстония удостоилась «высокой чести» оказаться в положении главного врага России в Европе, т.к. только эстонские товары при пересечении российской границы стали облагаться двойными пошлинами. Я не склонен в данном вопросе оправдывать российскую сторону. В сущности, она пошла на поводу не только у эстонских «национальных романтиков», но и у некоторых «защитников» прав русскоязычного населения, требовавших введения экономических санкций. Крайности, как известно, сходятся и подпитывают друг друга.

В этих условиях эффективно работать в посольстве в Москве становилось все более затруднительно. Соглашение о свободной торговле было похоронено. В лучшем случае оставалось надеяться на установление режима взаимного благоприятствования в торговле. Но этот процесс затянулся уже на десять лет. Я прилагал все возможные усилия для сохранения зафиксированного в транспортном соглашении 1992 г. режима свободного транзита. В Эстонии находились лица, усматривающие в наращивании транзита российских грузов угрозу для независимости Эстонии. Их же «оппоненты» в России, напротив, считали, что потеря безопасности от использования «чужих» портов грозит России. Отсюда появление амбициозных и дорогостоящих проектов строительства в Финском заливе «своих» портов с целью резкого ограничения использования «чужих».

В Европе, куда мы все стремимся, такой подход немыслим. Известно, что до 60% немецких грузов идут через голландский Роттердам, который, кстати, во время Второй мировой войны был оккупирован Германией. Но там возобладал экономический расчет, а на постсоветском пространстве с ним все еще в конфликте т.н. «историческая память».

Вспоминается, как после введения Россией по отношению к Эстонии двойных таможенных пошлин меня серьезно спрашивали: «А не ответить ли России введением пошлин на транзитные грузы?» Пришлось объяснять не очень экономически грамотным политикам, что так мы накажем прежде всего самих себя. Слава Богу, у наших даже национально озабоченных правителей хватило ума оставить в силе режим свободного транзита. Транзит оказался самой динамично развивающейся производственной сферой в эстонской экономике. Благоприятное местоположение плюс либеральный режим для иностранных инвесторов обеспечили реконструкцию и быстрое наращивание портово-транспортных мощностей. Современные технологии и логистика давали для российских экспортеров прежде всего нефтепродуктов экономию на каждой переваленной тонне груза от 3 до 5 долларов. Поэтому грузооборот эстонских портов по сравнению с 1990 г. увеличился в 2,8 раза.

В 1994 г. в Москве состоялась первая и последняя встреча президентов Эстонии и России. Подписанное соглашение обеспечило вывод войск и социальные гарантии остающимся в Эстонии военным пенсионерам. Компромисс, который вызвал поток обвинений Леннарта Мери чуть ли не в национальной измене. Но наш хитроумный президент делает резкий разворот на Запад. Мало того, во время своих визитов в страны Европы он выступает и с явно недружественными заявлениями в адрес России. Кстати, во время одного из них, в Германии, присутствовавший там будущий президент Владимир Путин демонстративно встал и покинул зал. Не отсюда ли устойчивая аллергия последнего по отношению к эстонским политикам? Не могу понять и объяснить, кроме как желанием заморозить отношения с Россией, назначение в начале 1995 г. послом Эстонии в РФ Марта Хельме.

Март Хельме – противоположность Юри Кахну. Последний, являясь ученым-экономистом, прекрасно понимал приоритетность экономических интересов и отношений. Он обладал не-

обходимым для дипломата умением устанавливать контакты в высших эшелонах власти. И вместе с тем был тверд в защите национальных интересов и достоинства Эстонской Республики. Вспоминается такой эпизод: во время одного из кремлевских приемов в связи с Днем независимости России артист Геннадий Хазанов в присутствии президента Бориса Ельцина позволил себе пошлую шутку в отношении Эстонии. Посол Эстонии встал и вместе с супругой покинул зал. Но это не мешало Юри Кахну терпеливо выслушивать доводы оппонентов и искать взаимоприемлемые решения.

Март Хельме был в советское время журналистом средней руки. Не знал и не любил Россию. Он был твердо убежден: чем хуже отношения с Россией, тем лучше для нашей страны. Российская сторона довольно быстро поняла, кто представляет Эстонию в Москве. Поэтому контакты были сведены к протокольному минимуму. Почти прекратились переговоры. И из всех стран Балтии за весь этот период только Эстония не имела встреч с российской стороной на высшем уровне.

С приходом Марта Хельме теряла смысл и моя посольская деятельность. Окончание моей работы на дипломатическом поприще сложилось довольно забавным образом. Еще в 1994 г. я выступил в «Известиях» с аргументированной критикой появившейся тогда программы переключения почти всех российских грузопотоков на российские порты. Небезызвестный Владимир Жириновский в своем выступлении в Госдуме потребовал высылки из России Михаила Бронштейна как лица, враждебного национальным интересам России. Даже провели голосование. Не хватило голосов. А в моем родном эстонском МИДе я же считался агентом российских интересов. Но поступили «интеллигентно»: объявили благодарность за проделанную работу и ликвидировали мою должность консультанта. Не скрою, был удивлен и огорчен. Думал даже, стоит ли возвращаться в Эстонию. Были приглашения на профессорскую должность в Москве и на консультативную работу в США. Даже оформил вид на жительство в США (там уже обосновалась моя дочь с семьей). Но принял единственно правильное решение – вернуться в Эстонию. Так закончилось мое шестилетнее пребывание в Москве в – центре событий, смысл и значение которых во всей полноте предстоит еще объяснить будущим историкам.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Виктор Пальм

Вместо введения

Последующее повествование написано по заказу – отразить, по возможности, роль и значение русскоязычных жителей Эстонии в событиях периода 1988–1991 гг. По мере своих способностей постараюсь следовать этой установке.

Можно считать, что обнародовать воспоминания касательно какого-либо переломного периода жизни людей или общества значит – внести свой вклад в историографию. Мне это кажется иллюзией, хотя даже летописи можно считать в определенном смысле родом воспоминаний.

К общественным и историческим событиям можно подойти, исходя из двух разных и, казалось бы, взаимоисключающих подходов (парадигм). Согласно первой из них, объективная (историческая) обстановка открывает для действия некую (всегда ограниченную) гамму возможностей – назовем их ролями. Поскольку людей много, а любое множество объектов представляет собой некое статистическое распределение по любому выделенному признаку, то на исполнение большинства реальных ролей обязательно найдутся более или менее подходящие актеры-исполнители. Чаще всего на одну и ту же роль набирается несколько или даже множество претендентов. Другими словами, сценарий любого спектакля может быть реализован разными составами актеров. Исходя из этой парадигмы, историография получается объективной и беспристрастной, окраска событий определяется спецификой указанных ролей, а не конкретным составом труппы актеров. Важно подчеркнуть, что оценочный подход («хорошие» и «плохие») в существенной мере теряет при этом под собой почву, разве что можно говорить о «положительных» и «отрицательных» ролях, и то только с точки зрения той системы ценностных установок, которой придержива-

ется данный оценивающий. Истина, что история не знает сослагательного склонения, относится именно к этому подходу.

Согласно второй парадигме, развитие событий представляет собой сложнейшее переплетение взаимообусловленных причинно-следственных связей. Причем в качестве причин в существенной мере выступают конкретные индивидуальные устремления и действия конкретных личностей. Последние и оказываются вершителями судеб. Выдерни из этого переплетения ниточку – и вся ткань расплзется.

С моей точки зрения, воспоминания могут быть написаны только в рамках второй парадигмы. В индивидуальном плане несколько мистично занять позицию – «я был избран роком для исполнения такой-то роли». Вместо этого хочется сказать: «я принял такое-то решение или совершил определенное действие». Либо: «та или иная личность или группа совершила то-то или поступила так-то» и т.д. Поэтому индивидуальные воспоминания носят неизбежно субъективный, а также оценочный характер. Недаром существует поговорка «врет как свидетель» (цитирую со слов своего друга Рэма Блюма, слишком рано покинувшего сей мир.).

В научной психологии существует понятие «защитного мотива»: «не потому я донес в инквизицию на соседа, что зарился на его имущество, а потому, что он, сукин сын, крестился не тремя, а двумя пальцами». Упрощенно можно сказать, что речь идет о подсознательной лжи. Пытаясь по мере своих сил избежать этого липкого греха, я постараюсь смотреть на вспоминаемые события с точки зрения своих взглядов и оценок того времени по-возможности без приложения «мудрости заднего ума».

Прежде чем перейти к собственно воспоминаниям, выскажу свой взгляд на переломный период истории 1988–1991 гг. с точки зрения первой парадигмы. Если считать главной сутью того периода восстановление Эстонией статуса суверенного государства, то в первую очередь следует иметь в виду, что самостоятельной стала не только Эстония и другие прибалтийские страны. Общим признаком всех этих обретших независимость стран был статус союзной республики. Конкретная обстановка и специфические движущие мотивы играли при этом третьестепенную роль. Партийные правители некоторых из них с ходу приветствовали т.н. «путч», а после провала последнего во спа-

сение своей шкуры от (воображаемой) ответственности поспешили объявить государственную самостоятельность.

Поэтому я склонен весьма скептически относиться к разговорам о том, что представители Эстонии сыграли решающую роль в распаде СССР. Степень осознанности своих действий, не говоря уж о степени их радикальности, играла далеко не самую главную роль. Иначе первой должна была бы стать независимой Чечня. Но Чечня не обладала статусом союзной республики. По большому счету, возможность самостоятельности (и даже формальное право, согласно Конституции СССР) была заложена именно в образованиях, которые назывались союзными республиками. В этом смысле возможность Эстонии стать самостоятельной сводилось к тому, что она сохранила статус союзной республики.

Можно указать на еще более глобальные причины, в том числе в зависимости от выбора исходной точки отсчета. Думаю, что это не подходит для жанра воспоминаний, и поэтому я ограничусь рассказом об одном лично пережитом в своей теперь уже далекой молодости эпизоде.

Для двадцатого века одним из судьбоносных процессов было возникновение того, что в конечном счете получило название государственно-капиталистической (тоталитарной) системы или этатизма. С этим термином я впервые столкнулся, когда в бессонную ночь спешно дочитывал книгу «Новый класс» бывшего югославского политика М.Джиласа. За это подрывающее идеологические основы произведение ему пришлось отсидеть 7 лет в тюрьме. Книгу Джиласа я читал в скромной брюссельской гостинице, куда авиакомпания поместила пассажиров нашего рейса: лайнеру потребовался ремонт, так как в его турбину попала птица. Я оказался в этой ситуации в 1960 г., на обратном пути из США, куда попал во второй год налаживания обмена студентами и молодыми учеными между СССР и США. Книгу «Новый класс» нужно было дочитать до продолжения полета, назначенного на утро, поскольку не было надежды спрятать ее от зоркого глаза московской таможни. Поэтому я оставил ее рядом с библией на тумбочке возле своего гостиничного ложа – в подарок следующему постояльцу. О чем впоследствии горько пожалел, поскольку закрытое пургой Шереметьево не принимало, и нас посадили в Пулково. Там наш багаж проверке прак-

тически не подвергся. Даже номер «Плейбоя», с которым я собирался конфузливо расстаться во время досмотра багажа, счастливо добрался до Тарту. Я спрятал его на «крыше» доходящей до потолка книжной полки, хотя через некоторый промежуток времени обнаружилось, что при этом сильно недооценил смекалку своих тогда еще малолетних детей. (Конечно, исходя из современных установок, речь идет о невиннейшем иллюстрированном журнале, в котором практически не было ни порнографии, ни сквернословия.)

Возвращаясь к теме, нужно признать, что, конечно, эти общие предпосылки не определяли непосредственно окончательных темпов развития исторических процессов. В начале 1980-х гг. распад СССР никто не мог серьезно прогнозировать. В этом аспекте темпы и конкретные результаты сильно зависели от международной обстановки, действий правящих кругов различных государств и их спецслужб, тех или иных социальных сил и т.д., вплоть до «ролевых заданий рока» отдельным личностям. Сам ход развития событий в принципе мог с точки зрения прогнозирующего и даже очень осведомленного человека закончиться различными сценариями, даже в мелочах. Например, исход мог быть совершенно иным, если бы Б.Ельцина во время августовского путча не пришли арестовывать на полчаса позже его отъезда в Белый дом. Или если бы в то время не было бы отказа командира группы «Альфа» использовать свое соединение против Белого дома, или если бы Горбачев одобрил путч и «агрессивно-послушное» большинство съезда дало этому юридическое оформление. Такие детали могут в каждый конкретный момент решать, в каком направлении будут развиваться дальнейшие события. Это и создает ту тонкую ткань рассматриваемого исторического процесса, которая и является оправданием права на существование второй, упомянутой выше парадигмы, которой я, сохраняя при этом добрую порцию скептицизма, тем не менее буду следовать ниже.

Несколько слов о предыстории

События, о которых я постараюсь вспоминать, возникли не на пустом месте.

В 1960-е гг. на сцену выступили так называемые шестидесятники – люди, критически относящиеся к реальной действи-

тельности Советского Союза и предлагающие свои пути выхода к более приемлемому устройству общества. В первую очередь имелись в виду столь необходимые экономические реформы. Движение шестидесятников было и в Тарту. Существенную и часто авангардную роль в нем играли некоторые представители русскоязычной интеллигенции. Следует вспомнить группу выходцев из Ленинградского университета, которые в силу их дискриминации по национальному признаку (еврейские корни) нашли себе приют и работу в более либеральном по тем временам Тарту и Тартуском университете. Ради справедливости отметим, что это происходило не без «попустительства» тогдашнего ректора университета Федора Клемента. Благодаря упомянутым шестидесятникам, сюда стал поступать «самиздат» из Москвы. Его распространение среди достойных доверия людей из университета и вне его помогало существенно лучше разобраться в тогдашней реальной действительности и событиях недавнего прошлого. Это, несомненно, относится и ко мне.

К сожалению, период, названный впоследствии «хрущевской оттепелью», достаточно быстро закончился, хотя некоторые важные события происходили и после снятия Хрущева. Например, разоблачение «лысенковщины», которое имело большой резонанс в Тарту, – по этому поводу в круглой аудитории на ул. ВанемуIZE состоялось многолюдное двухдневное собрание не только биологов, но и широкой научной общественности города.

В Тартуском университете в течение ряда лет удавалось сохранить более либеральный климат. Кое-что можно было сделать даже по партийной линии. В частности, в период, когда Рэм Блюм был заместителем секретаря университетской парт-организации, принимались некоторые неординарные по тому времени решения. Помню, как на одном из очередных заседаний в повестке дня стоял дежурный вопрос – улучшение политико-воспитательной работы среди студентов. Вместо этого была изменена сама установка – какое там воспитание, когда университетские здания разваливаются на глазах, крыши сплошь и рядом протекают, а средств на ремонт не выделяют. Приняли обращение, адресованное высшим инстанциям, о выделении дополнительных средств на сохранение в пригодности зданий университета. В дальнейшем при активном участии Федора Клемента это переросло в перспективный план развития универси-

тета. В рамках этого плана был, например, построен университетский физический корпус. К моей большой досаде, проект нового химического корпуса так и остался проектом.

Вспоминается и другой, более политический эпизод. К сведению представителей совсем молодого поколения, тогдашняя практика выдвижения кандидатов для выборов в высшие, а также и местные государственные органы имела внешне наиболее демократический вид: на соответствующем предвыборном собрании поднимает руку некая незаметная фигура, например, уборщица тетя Маня, и предлагает кандидата прежде, чем остальная публика успеет очухаться. А уж после этого предложенный ею человек становится кандидатом «блока коммунистов и беспартийных». Действительная суть этой практики была общеизвестна, и обычно никто не проявлял неосторожности вмешаться в этот процесс. Даже местным партийным инстанциям, не говоря уже о других общественных организациях, это таинство не доверялось. И вот на этом фоне во время очередных выборов в Верховный Совет республики университетский партком, опять-таки под председательством Р. Блюма, принимает решение примерно следующего содержания: выборы «пущены в недопустимой степени на самотек», хотя, согласно господствующей декларативной идеологии, именно в этом деле нужно «действенное партийное руководство». Поэтому партком предлагает всем факультетским парторганизациям обсудить предлагаемые кандидатуры. А уже затем партком на своем расширенном заседании смог бы выбрать из них того, которого он считает достойным выдвинуть на предвыборном собрании в качестве кандидата от имени парторганизации университета.

Высшими партийными органами это было воспринято как откровенная издевка (что нами и было задумано) в стиле бравого солдата Швейка. После того как состоялось заседание парткома, на котором эта затея была доведена до конца, присутствовавший там в качестве представителя ЦК первый секретарь Тартуского горкома Мейстер, оставшись со мной на минутку наедине, не удержался и спросил: «Разве ты, Пальм, на самом деле не знаешь, как все это происходит?». Меня задело подобное подозрение в доморощенной наивности. Поэтому я не сдержался и ответил: «Разумеется, знаю. Но представьте себе на минутку, что я не хочу это знать – что тогда?» Ему

нечем было крыть, только руками развел. Отведя таким образом свою душу, я был при этом совершенно уверен, что этот обмен репликами останется между нами – считал, что настолько-то я этого человека знаю.

Переломный момент наступил после вторжения в Чехословакию в августе 1968 г. На заседании университетского парткома было выдвинуто почти ультимативное требование провести в связи с чехословацкими событиями среди студентов широкую разъяснительную работу, в том числе с точки зрения международного права. Тут я не смог удержаться и выпалил, что в доме повешенного о веревке говорить не принято. Вот это и было доведено до сведения кого следует. Уже несколькими годами позже ныне покойный тогдашний II секретарь ЦК А. Вадер вспомнил эти мои слова во время назидательной беседы о том, почему меня в очередной раз не избрали членом-корреспондентом Академии наук Эстонии.

После чехословацких событий стало окончательно ясно, что период «оттепели» полностью закончился, и заниматься политическими забавами в духе Швейка больше нет смысла.

Год 1988-й

Прошло около двадцати лет. За это время мое поколение успело изрядно постареть. В классических анекдотах возраст за пределами шестидесяти лет рассматривается как период старческого маразма. И тем не менее, я все же оказался втянутым в политику. Наступил период, названный «перестройкой и гласностью».

Несколько вводных слов о принципе, которым я, по мере накопления жизненного опыта, старался руководствоваться. Его можно в упрощенном виде сформулировать следующим образом: не браться за такое дело, которое явно будет не хуже исполнено кем-то другим. Или, выражаясь на языке первой парадигмы, выбирать ст!оящую, по моему мнению, роль, на которую не видно другого актера. Если выразить это в виде краткого девиза, то вместо вполне благородного «если не я, то кто же!» получается более эгоцентрический «если никто другой, то приходится мне!». Вот такой удобный вариант самообмана был мною принят на вооружение.

В начальный период перестройки у меня появилась иллюзия, что корабль, наконец, взял более приемлемый курс, и мое

личное активное участие излишне. И, хотя первоначальная перестроечная эйфория оказалась не совсем (или даже совсем не) оправданной, тем не менее, казалось, что хотя и со скрипом, но, выражаясь в манере Михаила Горбачева, «процесс пошел».

На мой взгляд, курс на перестройку был в существенной степени обусловлен удачным занятием позиций некоторыми конкретными личностями. В первую очередь, конечно, самим М. Горбачевым, хотя существенную роль играли и его другие сподвижники во главе с А. Яковлевым. В связи с этим все больше нарастало противостояние критически настроенных общественных сил с тогда еще очень влиятельной и сильной, ласково говоря, «консервативной» частью номенклатуры, которая занимала ключевые руководящие позиции.

В Эстонии это противостояние в 1987 г. вылилось в «фосфоритную войну». В данной баталии я почти не принимал достойного упоминания участия, но тем не менее, один эпизод врезался в память. Во время публичного выступления в актовом зале Тартуского университета тогдашнему секретарю КПЭ Индреку Тооме из зала был задан вопрос: способно ли высшее московское руководство на прямое вранье? Тооме задумался на секунду, после чего прозвучал лаконичный ответ: «да, способно». Для того времени этим было сказано уже много, и я решил про себя, что на этого человека в случае чего можно положиться.

В течение 1987 г. произошел резкий скачок гражданской активности эстонского народа. К концу этого года состоялось известное собрание в таллиннском парке Хирве, которое в ЦК КПСС было квалифицировано как «наглое проявление буржуазного национализма». Было принято соответствующее постановление, и руководству КПЭ было вменено в обязанность обеспечить обсуждение этого документа во всех партийных организациях. Этим был инициирован своеобразный процесс размежевания КПЭ по национальному признаку. Те первичные организации, которые состояли в основном из эстонцев, отвергли формулировки постановления. Так случилось и у нас на химическом отделении Тартуского университета.

В то же время стала активно действовать группа людей во главе с Лагле Парек и др., которая впоследствии назвала себя Партией национальной независимости Эстонии (ПННЭ). Это движение имело откровенную национальную окраску и актив-

но поднимало вопросы о Тартуском мире и пакте Молотова-Риббентропа.

Второго февраля (дата подписания Тартуского мира) 1988 г. эта группа планировала организовать в Тарту демонстрацию возле здания на улице Ванемуйзе, где мир был подписан. Возникла реальная опасность, что события станут непредсказуемыми, если демонстрация будет разогнана силой.

Накануне ожидавшейся демонстрации был создан общегородской партийный актив во главе с тогдашним первым секретарем горкома Тыну Лааком. Предполагалось обсудить, как действовать и не допустить, чтобы демонстрация была в конечном счете использована для закручивания гаек. Хотя я уже много лет не входил в круг людей, обозначаемых термином «актив», тем не менее, самозванно направился на это собрание: меня одолело предчувствие, что положение становится опасным. В небольшое уютное здание Дома инженеров, в котором должно было состояться собрание партийного актива, мне удалось войти беспрепятственно. Обсуждение получилось бурным. Мнения разошлись опять-таки по национальному признаку. Для более трезвого подхода к проблемам, связанным с Тартуским миром, Т.Лаак внес предложение организовать вместо намечаемой демонстрации соответствующее тематическое собрание с открытым доступом. Присутствовавшие на активе представители русскоязычных коллективов были настроены в том духе, что национализм надо давить. Я не выдержал и выступил на русском языке с малость экзальтированной «речью», в которой утверждал, что в текущей ситуации основная опасность исходит от попыток реанимировать сталинистские установки, что и угрожает политике партии, выражающейся в концепции перестройки. В итоге перевесила позиция, высказанная Т.Лааком. Было решено организовать 2 февраля две секции упомянутого собрания – в концертном зале театра «Ванемуйне» и в самой большой (круглой) аудитории университета в корпусе на улице Ванемуйзе. Также было решено предложить собирающимся у здания, где был подписан Тартуский мир, прийти в одну из этих указанных двух секций и принять участие в дискуссии.

В обеих секциях собралась многочисленная аудитория. Я присутствовал в круглой аудитории на ул. Ванемуйзе, где за четверть века до этого происходило разоблачение «лысенковщи-

ны». С докладом выступил профессор-историк Сулев Вахтре. Выступая, он, мягко говоря, несколько переступил ту грань, которая в то время признавалась допустимой. Однако, несмотря на предложение участвовать в упомянутых дискуссиях, на улице собрались и демонстранты. В целях предотвращения «беспорядков» сюда же прибыл и отряд милиции с собаками. Ближе к концу дискуссии в круглой аудитории появилась Л.Парек с несколькими своими единомышленниками. Ей дали слово, и она стала с возмущением говорить о милиции с собаками и о том, как ей удалось прорваться через милицейские кордоны, чтобы пройти в аудиторию. Относительно Тартуского мира ей по сравнению с уже сказанным добавить было нечего.

После этих событий стало чувствоваться, что политическая напряженность, вместо того чтобы спадать, напротив, еще более возросла – и не только в Тарту. Через несколько дней в газете «Edasi» по инициативе Марью Лауристин был опубликован резко сформулированный протест по поводу присылки отряда милиции с собаками. Под этим документом стояла и моя подпись. В этой связи у меня состоялся неллицеприятный разговор с Т.Лааком. Он сказал, что и так взял на себя непомерную ответственность и не заслужил такого удара ниже пояса. Он был по-своему прав: за чье-то демонстративно вызывающее поведение в то время приходилось отвечать в первую очередь партийному руководству, а не непосредственным участникам. Мне было вполне понятно, что 2-го февраля Т.Лаак шел на нештучный риск.

По моему тогдашнему мнению, нарастала опасность, что ход развития событий угрожает перерасти в примитивный межнациональный конфликт, всегда разрушительный и чреватый трагическим исходом. В то время во главе эстонской компартии стоял Карл Вайно, который был общеизвестен своей «жесткой» позицией и которому приписывалась осознанная политика изменения демографической ситуации в сторону уменьшения удельного веса эстонцев. Осознанно или стихийно, но в течение ряда лет такой процесс действительно имел место, поощряемый действиями или бездействием власть имущих. Имелся поучительный пример Карело-Финской ССР, которая таким путем перешла из статуса союзной республики в ранг автономной – Карельской АССР – в составе РСФСР, то есть – России.

В соответствии со своим статусом секретаря по идеологии Индрек Тооме бывал в то время на общих собраниях Академии наук Эстонии. Во время очередного из них я улучил минутку и спросил его, на что могут пойти силы, возглавляемые К.Вайно. Он ответил убежденно – «на всё». В разговоре с И.Тооме я поделился своими опасениями в связи с нарастающим межнациональным противостоянием. Сказал, что если он поможет, я готов опубликовать соответствующую статью в двух газетах – на эстонском языке – в «Edasi» (нынешний «Postimees») – и на русском – в «Советской Эстонии». С «Edasi» проблемы не было. Эта газета во главе с ее редактором Мартом Кадастиком занимала в то время позицию несколько по ту сторону дозволенного. Это происходило под прикрытием Тартуского горкома партии во главе с Т.Лааком. С «Советской Эстонией» в этом отношении дело обстояло значительно хуже. К тому времени успела создаться обстановка, когда эстонцы и русскоязычные жители Эстонии существовали в двух различных и даже, пожалуй, противоречащих друг другу информационных пространствах. Индрек Тооме прекрасно это понимал и согласился посодействовать тому, чтобы «Советская Эстония» тоже опубликовала эту статью «в порядке партийной дисциплины».

Довольно совершенный по меркам того времени компьютер, на котором я готовил эти две идентичные по содержанию, но разноязычные статьи, сейчас показался бы орудием каменного века. Поэтому попотеть над параллельными текстами пришлось изрядно. Редакция «Советской Эстонии» потребовала некоторых достаточно принципиальных изменений, введение которых нарушило бы идентичность текста на обоих языках. Например, я утверждал, что, несмотря на возможность разных мнений, осуждать кого-либо за призывы к государственной самостоятельности Эстонии никто не в праве, поскольку право на отделение записано для союзных республик в Конституции СССР. Опираясь на поддержку И.Тооме, удалось отстоять первоначальную версию. Заглавие статьи было «Земля и мы». (Перепечатана в сб. *«Эстония. О том, что волнует»*. Таллинн, Ээсти Раамат, 1989.) Наряду с появившейся вскоре после этого статьей Велло Похла, она имела значительный общественный резонанс. Позже редакция «Edasi» назвала ее «статьей года».

Таким образом я оказался втянутым в водоворот политической жизни Эстонии того периода.

Народный фронт

В то время по Эстонскому телевидению шла регулярная передача под названием «Подумаем еще». Начало ей было положено еще во время «фосфоритной войны», и на ней обсуждались разные злободневные проблемы. Важно отметить, что передача шла в режиме прямого эфира. В связи с публикацией упомянутой выше статьи я получил приглашение на очередную передачу этой серии 13 апреля 1988 г.

Незадолго до этого состоялся пленум творческих союзов Эстонии. На следующий день после него у меня дома сидели Марью Лауристин, Рэм Блюм и главный редактор «Edasi» Март Кадастик. Марью, участница пленума, захлеб рассказывала Рэму на русском языке о том, что там происходило. Тут раздался телефонный звонок. Звонил незнакомый мне тогда лично Эдгар Сависаар, которого я знал только по некоторым статьям в «Радуге». Он спросил, у нас ли Март Кадастик, и сказал, что должен передать ему некий материал. Так я увидел Сависаара в первый раз. И с ходу мысленно нарисовал его психо-физиогномический портрет. Есть такая теория, которая устанавливает взаимосвязь между внешними, поддающимися измерению параметрами (грубо говоря, обликом) человека и наследственно заданным психологическим типом. В этой концепции меня подкупает то, что тип каждого человека рассматривается как комбинация трех компонентов. Наличие только одного из них – «природная путевка» в психиатрическую клинику, а любой «нормальный» человек рассматривается как результат наложения трех типов «сумасшествия». Утешительно, не так ли?

Э.Сависаар тоже участвовал в упомянутой серии передач «Подумаем еще». Участники передачи находились в двух студиях, которым предоставляли слово по очереди. Я оказался в одной студии с Э.Сависааром. Во время дискуссии он довольно неожиданно заявил, что желательно более массовое и активное участие народа в политической жизни. И, исходя из этого, предложил организовать соответствующее массовое движение под названием «Народный фронт в поддержку перестройки». Этот призыв пошел в прямой эфир. Большинство присутствовавших с лету поняло, о чем идет речь. Когда передача кончилась, но эфир еще не был выключен, почти хором зазвучало предложение – сейчас же положить начало Народному фронту (НФ).

В одном из помещений телевизионного центра нас собралось 15 человек самых разных профессий, в том числе работников телевидения, чтобы начать воплощать в действительность эту идею. В течение нескольких незабываемых часов до и после полуночи нами было составлено заявление-воззвание о создании Народного фронта Эстонии («в поддержку перестройки».) Обсуждение было драматическим. Журналист Ф.Ундуск то и дело восклицал: «Как быть с соотношением 60 на 40 процентов?!» (эстонцев и русских, соответственно). Убедить эстонцев относительно нетрудно, а неэстонцев?

Наконец, воззвание подписали, и возбужденная атмосфера переросла в прозаическую озабоченность. Прогноз дальнейших события был далеко не однозначен. Кто-то из нас даже высказал мнение, что уже сегодня утром нас всех могут арестовать, что и на самом деле было не исключено. Я вспомнил слова И.Тооме о том, что «они готовы на всё». После этого мне пришла идея попытаться счастья. Со времени разговора в связи с публикацией упомянутой выше статьи у меня остался номер телефона Тооме на даче в Кейла-Йоа. Я взял с собой один экземпляр подписанного текста возвания и позвонил ему рано утром с просьбой встретиться с ним вне стен здания ЦК. Он согласился, и наша встреча состоялась на улице, напротив роскошного здания, прозванного в народе «Карла катедраал», то есть – «собор Карлуши» (Вайно). (Официально здание называлось «Дом партийного политпросвещения».) Мы прогулялись дальше по аллее, и я дал И.Тооме текст обращения, подчеркивая одновременно, что он волен заявить потом, что никогда не видел этого документа. Он этой возможностью не воспользовался, после чего я обратился к нему с просьбой попытаться помочь легализовать нашу инициативу через Арнольда Рюйтеля. Его я в то время лично почти не знал, однако допускал, что он отнесется к такому предложению с пониманием. Не зря же его вывели из состава секретариата ЦК и переместили на скорее декоративную должность председателя Президиума Верховного Совета Эстонии. Когда принималось решение об этой почетной отставке, трудно было предугадать, сколь важным окажется этот пост некоторое время спустя. И.Тооме согласился и обещал обратиться к Рюителю.

На следующий день после подписания возвания я занялся организацией Тартуского инициативного центра НФ. Соответ-

ствующее «учередительное собрание» состоялось в университете, в помещении кафедры журналистики, которую возглавляла Марью Лауристин. Группа эта была создана при ее содействии и, конечно, при активном участии нашего старого идейного вдохновителя Рэма Блюма.

Начался период организации НФ. В качестве «главной квартиры» Тартуского отделения НФ так и осталось помещение кафедры журналистики. Здесь происходил учет создаваемых так называемых опорных групп, списки которых поступали не только с разных кафедр университета, но и от других тартуских предприятий и учреждений. Помню, как лично пришел регистрироваться Юрий Лотман. И просил при этом иметь в виду, что войну он прошел артиллеристом – вдруг понадобится.

Такой же процесс лавинообразного спонтанного образования местных и низовых структур НФ охватил всю Эстонию. Прошли две недели, в течение которых республиканское руководство ломало над таким поворотом дел голову, после чего наше воззвание было, наконец, обнародовано в СМИ. Мне и сейчас трудно сказать, какое место в этом благоприятном повороте события занимали действия И.Тооме и А.Рюителя, и насколько такой итог был обусловлен просто невозможностью игнорировать столь спонтанную и массовую консолидацию людей вокруг структур возникающего НФ.

С другой стороны, практически с самого начала было понятно, что, не возникни НФ, в качестве его альтернативы мог быть создан эстонский Национальный фронт. Это завершило бы раскол населения Эстонии по национальному признаку. Можно было угадать также предполагаемое время и место указанного несостоявшегося события. Лишь на несколько дней позднее подписания нашего призыва к образованию НФ, под эгидой Общества по охране исторических памятников в Тарту была намечена массовая манифестация и митинг в парке Раади с целью выражения протеста как против использования военными полуразвалин бывшего здания Этнографического музея эстонского народа, так и вообще наличия в Тарту военного аэродрома.

До моего сознания это событие дошло уже после начала шествия – услышал об этом по радио. Внутренний голос настоятельно подсказал мне, что я «должен быть там». Тут же сел в машину и отправился к месту событий. Прибыл туда как раз к

подходу головы колонны. Впереди развевались три флага – синего, черного и белого цветов. Вместе они составляли эстонский триколор. Расположились по ту сторону раадиского озера на лужайке, перед самой оградой военного аэродрома, за которой виднелись руины бывшего музея. Среди присутствующих оживленно сновали представители религиозной секты «Слово жизни» – в основном молоденькие парни и девушки с трехцветными ленточками на груди. В центре был установлен микрофон и произносились речи, в основном весьма радикальные. Я встал в очередь и выступил с разъяснениями о НФЭ. Особо подчеркнул, что подразумевается не «национальный фронт», а движение, в котором приветствуется участие всех людей доброй воли.

Хотя основной состав НФ с самого начала был представлен эстонцами, в него вступали люди самых разных национальностей. Активнейшую роль в привлечении неэстонцев играл Рэм Блум. Им был создан клуб «В поддержку перестройки», из которого позже сформировалась русская секция Тартуского отделения НФЭ.

В мае 1988 г. должна была быть послана делегация на XIX конференцию КПСС. В связи с этим Эдгар Сависаар предложил созвать 19 мая на Певческом поле собрание представителей всей Эстонии, чтобы выразить общее волеизъявление и дать делегатам народный наказ. Это привело к обострению политической ситуации до крайности. Невозможно было представить К.Вайно, встречающегося с глазу на глаз с народом. В то же время усилилась активность и тех сил, которые несколько позже положили начало «Интедвижению». Ходили слухи, за справедливость которых нельзя ручаться, что на заводе «Двигатель» даже готовят в качестве холодного оружия железные трубы. Эдгар Сависаар шел сознательно на значительный риск – недаром в преддверии этого события он стал практически недосягаемым, по-моему, с целью оградить себя от влияния тех, кто призывал к большей осторожности. До М.Горбачева тоже дошло, что обстановка в Эстонии пахнет порохом.

Замена К.Вайно стала неотложной необходимостью. Простейшим выходом был бы выбор нового первого секретаря из числа текущего состава ЦК КПЭ. По моей оценке, в таком случае имелся бы реальный шанс у И.Тооме. Горбачев такой путь не выбрал (опасался это сделать?). Вместо этого с поста посла

СССР в Никарагуа (из ссылки?) был отозван Вайно Вяляс, и именно ему пришлось встретиться лицом к лицу со 150-тысячным скоплением народа на Певческом поле. Он сумел справиться с этим, сохраняя очевидное достоинство. Настроение собравшихся наилучшим образом выразил один лаконичный плакат: «Вайно Вяляс». Это была остроумная игра слов, использующая совпадение имени нового и фамилии снятого первого секретаря ЦК КПЭ, к тому же слово «вяляс» одновременно соответствует и русскому «вон».

Основным наказом для делегации на партконференцию было требование заключить Союзный договор и решить вопрос о хозяйственном расчете Эстонии. Однако всесоюзная партийная элита ответила на это тупым отказом, демонстрируя этим свое полное непонимание реальной обстановки. Москве был подсказан путь к стабилизации ситуации не только в Эстонии, но и в остальных регионах, но она отвергла это, придерживаясь принципов унитарного государства.

Митинг на Певческом поле означал окончательный прорыв к возможности официального завершения процесса создания НФ. Для этого требовалось созвать соответствующий съезд. В то же время к началу лета обстановка в республике все больше накалялась. В противовес НФ сплотилось так называемое «Интердвижение» (ИД), «интернациональность» которого обеспечивалась практически отсутствием в ее рядах эстонцев. Насколько мне известно, нити этой инициативы вели ко второму, по меньшей мере, эшелону высшего московского руководства. Идея была проста и достаточно «гениальна» – нейтрализовать массовое народное движение НФ массовым же ИД. Так сработало бы вышеупомянутое соотношение 60% на 40%. В рамках реализации той же идеи было положено начало созданию органа, объединяющего представителей советов трудовых коллективов преимущественно русскоязычных предприятий во главе с заводами «Двигатель» и имени Пегельмана. Бал правили директора этих заводов В.Яровой и В.Шепелевич. Однако, поскольку раскол в руководящих органах КПЭ зашел к этому времени довольно далеко, то ожидаемой безусловной поддержки со стороны ЦК КПЭ не последовало.

С другой стороны, республиканское партийное руководство и созданный для подготовки первого съезда Народного фронта

Инициативный центр (ИЦ) были тоже далеки от взаимных объятий. Помнится обстановка на узкой встрече у В.Вяляса. Со стороны ЦК присутствовал еще И.Тооме, а НФ представляли Э.Сависаар, я и, возможно, еще кто-то, в данный момент не всплывающий в памяти. Вяляс и Сависаар сидели друг против друга за столом и уперлись, как быки. Взаимное непонимание касалось партийного руководства Народным фронтом. Существенная часть членов ИЦ, а также рядовых членов НФ состояла в партии, и в связи с этим их действиями, согласно тогдашним правилам игры, должны управлять руководящие партийные органы. Вяляс настаивал на этой «элементарной истине», и его можно было в определенном смысле понять – отвечать перед Москвой должен был он. На то он и был возвращен в Эстонию, чтобы обеспечить здесь партийное руководство. Эдгар же утверждал, и я ему вторил, что партийное руководство обеспечивается самим фактом участия в НФ членов партии. На самом деле всем участникам встречи было ясно, что НФ покушается на безраздельную власть руководящих партийных органов.

И без того напряженная обстановка еще осложнялась тем, что часть представителей СМИ и даже НФ тоже добавляли масла в огонь, выражая плохо прикрытую русофобию и превращая слово «мигрант» в презрительную кличку. Это не могло не содействовать укреплению позиций ИД. Манифестации и митинги под эгидой последнего приобретали все более непримиримо-воинственный характер. Одним из существенных пунктов разногласия стал вопрос о государственном языке, а также содержание некоторых выступлений на пленуме творческих союзов, информация о которых с опозданием стала достоянием русскоязычной части населения.

Сразу же после создания НФ к его организаторам стали поступать просьбы от разных предприятий и учреждений, колхозов и совхозов выступить на собраниях их коллективов с информацией о сущности НФ. Мне тоже приходилось «держатъ речь» во многих местах по всей Эстонии. По мере обострения противостояния все большее значение приобретали выступления перед преимущественно русскоязычными коллективами. По инициативе Э.Сависаара была создана специальная группа лекторов, способных свободно выступать на русском языке. Действуя в составе этой группы, я исколесил на своей машине за

лето 1988 г. всю Эстонию, начиная с Нарвы и Таллинна и кончая Пярну и Валга. При этом мне обычно составлял компанию мой зять Владимир Мюрк. На этих встречах почти всегда воздух был заряжен электричеством, поскольку всюду среди присутствующих встречались люди, расположенные к резкой конфронтации. На этом фоне выступления перед эстоноязычными аудиториями воспринимались как приятный отдых. Однако «Двигатель», оплот ИД, казался и вовсе неприступной крепостью. Там, правда существовала немногочисленная опорная группа НФ, но она действовала почти в условиях подполья. Тем не менее благодаря представителям этой группы, и в первую очередь Калью Нийдусаару, можно было получать достоверную информацию о внутреннем положении на этом заводе. Последняя была малоутешительной. Руководство завода во главе с директором В.Яровым готовило контрудар против НФ и вообще всех «подрывных элементов» «эстонского национализма». Это делало реальной опасность поворота событий вспять.

С другой стороны, на собраниях Тартуского совета уполномоченных НФ стали появляться представители Партии национальной независимости Эстонии (ПННЭ), не очень доброжелательно расположенной к НФ. Эти люди стали использовать наши заседания в качестве трибуны для пропаганды своих, по тому времени экстремальных взглядов. Такое одностороннее сотрудничество стало меня раздражать и после очередного такого случая я подошел к одному из гостей, лично на меня производившему вполне благоприятное впечатление, и предложил ему устроить мне встречу с тартуским руководством ПННЭ. Он с готовностью согласился и сказал, что как раз в тот момент проводится их совещание. Мы подъехали к дому, где это совещание проходило. Мой проводник зашел внутрь для согласования вопроса о моем допуске для обмена мнениями. Через 15 минут он появился явно обескураженный и сообщил об отрицательном результате своей миссии. Эти люди оказались не готовыми к откровенному диалогу, рассматривая НФ в качестве враждебного им конкурирующего образования, к тому же терпящего в своих рядах членов КПЭ.

Еще в самый начальный период возникновения ИД я сделал попытку связаться с кем-нибудь из неформальных лидеров на «Двигателе». Соответствующее зондирование почвы вывело

меня на человека по имени Сергей Пасько, занимавшего вполне формальную позицию секретаря парткома. В данном случае это не было обнадеживающим признаком. Однако выбора не было. Я добыл номер его телефона и, дозвонившись, предложил встретиться и обсудить, нет ли возможности хотя бы несколько смягчить нарастающее противостояние. Он не отказался, и я приехал уже поздно вечером к нему домой.

Со своей стороны С.Пасько пригласил на встречу также Евгения Руденю, председателя профкома завода. Мы беседовали до глубокой ночи. Непосредственное человеческое общение почти всегда содействует снятию напряжения. Мои оппоненты согласились, что общество должно в ходе перестройки претерпеть глубокие изменения, в том числе и в национальной политике. Я же со своей стороны признал, что при этом не должна страдать социальная защищенность простых людей, и нужно избежать дискриминации людей по любому формальному, в том числе национальному или языковому признаку. Договорились, что контакты стоит продолжать. Следующая и последняя встреча состоялась на квартире Лили Соколинской, старого друга нашей семьи еще со времен ее работы в Тартуской студии Эстонского радио. Ныне она хорошо знакома всем слушателям Радио 4.

В качестве отступления от канвы повествования вспоминается давняя история, которая произошла где-то в шестидесятые или в начале семидесятых годов. Л.Соколинская пригласила в студию Михаила Бронштейна, Рэма Блюма и меня для участия в дискуссии в первую очередь по вопросу о необходимости основательно реформировать экономическую систему. Мы прекрасно знали, что в то время можно было говорить и чего надо остерегаться. Закончив беседу, записываемую для эфира, мы задержались у соседнего столика, на котором тоже стоял микрофон. Мы были убеждены, что он выключен, и разряжались, допуская вполне вольные высказывания по разным вопросам. Помню, что при этом мы в пух и прах разделались с принципом партийности науки. Однако оказалось, что кто-то «схулиганил» – микрофон был включен, и «конфиденциальная» часть нашего собеседования также оказалась в конце пленки и вышла в эфир. Вскоре после этого из ЦК КПЭ позвонили и потребовали эту пленку. Им ответили, что, к сожалению, это невозможно, поскольку на радио такая бедность, что использованную

пленку приходится тут же пускать в дело для новой записи. Потом эту пленку тайно прокручивали для заслуживающих доверия любопытствующих.

Во время этой второй встречи с С.Пасько присутствовала и моя «вторая половина». Своим женским чутьем она сразу отнеслась к нему с недоверием. Финал наступил перед его уходом. В качестве дополнительного аргумента я спросил у него, не будет же он возражать, что даже формально самостоятельные государства Восточной Европы фактически подчинены диктату Москвы. Он охотно согласился со мной, однако не удержался добавить: «А все-таки это приятно!». После этого восклицания стала ясной бессмысленность продолжения дальнейших контактов.

Однако положение, казалось, изменилось после того, как представители комсомольского комитета «Двигателя» на страницах заводской газеты призвали к компромиссу с эстонской стороной. Опираясь на это, редакция «Советской Эстонии» инспирировала новые «переговоры», в которых активное участие принимал Р.Блюм. Но и с обновленным составом неформальных представителей «Двигателя» реальные успехи были минимальны. Между позициями, которые были достигнуты уступками с обеих сторон, оставалось изрядное непреодоленное расстояние.

Выступить перед коллективом завода полупроводников им. Пегельмана пригласил меня сам его директор – В.Шепелевич, второе после Ярового по влиянию лицо в шеренге непримиримых директоров предприятий союзного подчинения. После выступления перед работниками завода у меня состоялась с ним личная беседа. Не могу сказать, чтобы между нами было достигнуто достаточное взаимопонимание.

Рейды в северно-восточную Эстонию я совершал со своей дачи на северном берегу Чудского озера. При этом моими спутниками были активисты НФ из Йыхви и Кохтла-Ярве. Как-то они сумели провести меня на почти закрытое заседание партактива Кохтла-Ярве. Тут мы оказались лицом к лицу с охваченной святым негодованием местной номенклатурной верхушкой. Присутствовал второй секретарь ЦК КПЭ Г.Алешин. Нетрудно было догадаться, что именно он посвятил себя продолжению линии снятого со своего поста К.Вайно и стремился к консолидации сил, враждебных «эстонскому национализму». Царила ат-

мосфера едва прикрытой ярости, и одна за другой следовали гневные речи. Особо досталось НФ, а также газете «Эдази», звучали требования сменить «политически ненадежную» редакцию. Я пытался тоже вставить слово, что вызвало возгласы – «как он сюда проник?!»

Особо запомнилось посещение Силламяэ. Местное партийное и заводское руководство пошло навстречу предложению тамошней малочисленной опорной группы НФ. Через посредничество активистов НФ в Кохтла-Ярве до меня было доведено приглашение приехать и дать из первых рук информацию о НФ. Со мной в машину села и моя жена. Силламяэ представлял тогда особый мир, практически отрезанный от остальной Эстонии. Побережье Финского залива и так было зоной особого приграничного режима, а в Силламяэ кроме прочего был расположен закрытый стратегический промышленный объект. В связи с этим моя жена надеялась наряду с удовлетворением своей любознательности провести «ревизию» местных магазинов – авось под руку попадет что-то из дефицита.

Как я уже заметил, обитатели Силламяэ жили в обособленном мире. Мне рассказали историю о том, как один из направленных туда работников еще полгода после своего прибытия был в благой уверенности, что находится в Ленинградской области.

Любопытствующих набралось – полный зал местного Дома культуры. Во время своего выступления я имел неосторожность назвать Эстонию государством. У некоторых присутствующих это вызвало негодующий протест. Я вошел в раж и повторил, что Эстония действительно государство, и лучше постараться привыкнуть к этой мысли. Тем не менее, меня и там встретили в общем достаточно дружелюбно, как это было характерно и для всех остальных встреч с аудиториями, состоящими из рядовых людей.

После собрания у меня состоялась беседа с членами опорной группы НФ Силламяэ. Они настойчиво доводили до моего сознания, что эта местность находится под угрозой экологической катастрофы. Дамба, ненадежно ограждающая хранилище отходов производства редких металлов (в том числе урана), приходит во все более угрожающее положение.купающиеся в море местные жители покрываются вскоре после этого язвами. Появилась реальная опасность прорыва силламяэского «ящика

Пандоры» в воды Финского залива, расположенного буквально рядом. Позже я сообщил эту информацию своему коллеге по АН Эстонии Энделю Липпмаа. У него в институте действовала исследовательская группа, занимающая анализом образцов почвы местностей, подверженных экологическим угрозам.

В августе Эстонию посетил Юрий Афанасьев, тогдашний ректор Московского историко-архивного института. Его приезд был приурочен к очередной годовщине пакта Молотова-Риббентропа, и он выступил с соответствующими докладами на организованном НФ массовом собрании в Тарту, а затем в Таллинском горхолле. Последний не мог вместить всех собравшихся, и целое скопище людей слушало трансляцию его выступления на улице.

Ю.Афанасьев открыто отстаивал точку зрения, что прибалтийские государства были присоединены к СССР с применением грубой силы, вследствие чего их стремление к самостоятельности вполне закономерно. Поздно вечером мы собрались вместе с ним в квартире пламенного, в соответствии со своей армянской кровью, активиста НФ Рафика Григоряна. Там Р.Блюм и я познакомилась с Ю.Афанасьевым более близко. Он высказал мнение, что положение в Эстонии висит буквально на волоске. Действительно, в эйфории многие активисты НФ потеряли чувство опасности. На только что закончившемся собрании Э.Сависаар выступил резко и даже гневно с позиций эстонской национальной идеи. Мою информацию о контактах с представителями «другой стороны» зал принял с очевидным неодобрением. Разгоряченная публика жаждала скорее конфронтации, чем поисков компромисса. Наступало состояние, которое при рассмотрении проблем этногенеза Лев Гумилев именуется «пассионарностью» – это означает, что степень риска, на которую готов идти народ, превышает его инстинкт самосохранения. В таких условиях как никогда необходима сплоченность всех сил, которые преследуют некую общую цель. Не следует забывать, что фактически был брошен вызов супердержаве, обладающей армией, оснащенной всеми видами современного оружия. Нельзя также игнорировать тот факт, что руководство этой державы все еще пользовалось поддержкой значительной, если не превосходящей части жителей России и некоторых других республик. Применительно к Эстонии с населением, разделенным в пропор-

ции 60:40, и по общей численности не достигающим уровня, характерного по мировым стандартам для города средней величины, это означало практическую беззащитность перед грозными поворотами судьбы. С этой точки зрения афанасьевская фраза «висит на волоске» была на самом деле даже оптимистичной оценкой. Все-таки еще висит и пока не упало.

Но именно сплоченность наших рядов стала вызывать все большие опасения. Это проявилось с очевидностью на заседании Инициативного центра НФ, посвященного решающим приготовлениями к первому съезду НФ.

За несколько недель до этого заседания в газете «Рахва Хяэль» появилась статья Леннока Корнеля – юриста, работающего при Президиуме ВС Эстонии и, следовательно, так или иначе вызывающего ассоциацию с А.Рюйтелем. В этой статье, занимавшей подвалы двух очередных выпусков газеты, достаточно резко критиковался стиль руководства НФ. Одновременно Л.Корнель являлся автором проекта Хартии Народного фронта, подготавливаемой к принятию съездом НФ. На упомянутом заседании в повестку дня был включен его доклад по этому вопросу. Однако первым вопросом повестки дня было неожиданно выдвинуто «персональное дело» Л.Корнеля. Один из членов ИЦ, имя которого я из деликатности называть воздержусь, выполняя явно чье-то поручение, выступил с резкими, доходящими до оскорблений обвинениями в адрес Л.Корнеля. В зале заседания сгустилась атмосфера свинцовой тяжести. К чести присутствующих членов ИЦ, эта обвинительная речь не вызвала особого сочувствия. Были высказаны весьма недвусмысленные слова относительно демократических традиций и свободы слова. Тем не менее, перед перерывом Л.Корнель заявил, что в такой атмосфере он свой доклад делать не может, и демонстративно вышел из зала. Поняв, к чему этот шаг может привести, мы с Р.Блюмом догнали его и настоятельно просили остаться и доклад свой, несмотря ни на что, все же прочитать. Помог также стаканчик кофе из термоса, заботливо подготовленного на дорогу моей женой. Она считала своим долгом заботиться о провизии для меня и других участников «экспедиций», которые совершались по делам НФ на моем красном «жигуленке» марки 04. Хотя она и не была эстонкой (мы справили свою студенческую свадьбу, будучи однокурсниками, во время нашей учебы в

Ленинградском университете), но живо переживала со мной все перипетии, связанные с НФ и другими событиями того времени.

После этого Л.Корнель несколько остыл, согласился вернуться и прочитать свой доклад. В ответ на это Эдгар Сависаар вдруг заявил, что у него неотложные дела, и удалился из зала заседания. Корнелю пришлось выступить о проекте Хартии в его отсутствие. Хотя Сависаар и вернулся на время заслушивания доклада о проекте устава НФ, однако после этого он вдруг заявил, что у него нет времени далее заниматься НФ, так как он должен посвятить свои силы в первую очередь разработке программы ИМЕ (республиканского хозрасчета). Поскольку все организационные нити по подготовке съезда были в руках Сависаара, мы почувствовали себя у разбитого корыта. После такого неожиданного конца заседания ИЦ я и еще двое (один – Тынн Сарв, второго, к сожалению, не могу точно припомнить, хотя мне кажется, что это был Рейн Вейдемманн) отыскали Эдгара в его рабочем кабинете (заседание происходило в здании «Майнора») и стали настоятельно убеждать, что у него нет морального права покидать свое детище – НФ. После примерно получасовых уговоров Сависаар смягчился, и конфликт был исчерпан. Р.Блюм все это время нервозно прохаживался по улице. С надеждой и опасением он то и дело заглядывал в окно, пытаясь по мимике и жестам угадать степень успешности наших действий. Зная его темпераментную природу, я всерьез боялся, что его, чего доброго, сразит инфаркт (у него уже бывали проблемы с сердцем).

Мне кажется, что начиная с этого памятного вечера стало набирать силу противостояние между Э.Сависааром и А.Рюйтелем (Леннок Корнель был его человеком), впоследствии причинившее мне изрядную головную боль.

События же продолжали развиваться во все нарастающем темпе. В начале сентября, в последний момент перед решающим пленумом ЦК КПЭ и последующим съездом НФ, поступило, наконец, приглашение совета трудового коллектива «Двигателя» выступить у них с докладом о НФ и вообще о положении в Эстонии. Мы отправились в эту доселе неприступную крепость вдвоем с Рейном Вейдемманном, после поспешного напутствия Э.Сависаара, от имени ИЦ НФ предоставившего нам возможность действовать по собственному разумению. А.Рюйтель был тоже предварительно информирован о собрании и обещал дожидаться его результатов в кадриоргском дворце.

Начало собрания на «Двигателе» было не только малообещающим, но даже удручающим. Один за другим выступали представители ИД, извергая в адрес НФ и прочей «своры националистов» смесь ненависти и тягчайших обвинений. Однако вскоре я заметил по лицам и поведению присутствующих, что они не очень одобряют эти гневные словоизлияния. Наконец непримиримые представители ИД полностью выговорились и хлопнули дверью. Наверное, они были уверены, что нас с Вейдеманном и без них разделают под орех, и им нечего больше марать руки. Настала, наконец, очередь нашего «явления народу». Выступить пришлось мне, в силу более свободного владения русским языком.

Эта была одна из самых трудных и сложных импровизаций, выпавших на мою долю в том году. Зная, что мои слушатели живут в своем изолированном информационном пространстве, я начал с краткого изложения истории своего выдавшего виды народа, а затем уже перешел к причинам нынешнего противостояния и роли НФ в деле поиска путей выхода из него. Когда я дошел примерно до середины своей почти двухчасовой речи, произведенный мною эффект нашел выражение в восклицании одной женщины, заявившей что на улицы Таллинна нужно вывести танки. Я продолжал с угасающей надеждой, пытаясь объяснить слушателям причины взрыва национального самосознания эстонцев и других национальностей Советского Союза. Пытался внушить им, что от них не требуется активной поддержки, как я выразился, «национальной революции» эстонцев, однако в сложившейся обстановке им придется ее перетерпеть. Не знаю, какая аргументация возымела действие, или я просто недооценил действительный нравственный уровень аудитории, но вдруг в ее настроении произошел тот перелом, ради достижения которого мы сюда пришли и в возможность которого я в ходе своего выступления практически разуверился. Меня поняли или, по меньшей мере, положительно восприняли. Женщина, вызвавшая к танкам, подошла ко мне и трогательно извинилась. Случай этот продемонстрировал мне, что миф о таинственной русской душе – далеко не совсем безосновательная выдумка.

В конце собрания была принята резолюция, призывающая коллектив завода отказаться от поддержки ИД, присоединиться к НФ и послать свое представительство на его предстоящий съезд. Был составлен и принят текст совместного заявления,

подписи под которым должен был заверить А.Рюитель. Час был поздний, и он не дождался нас в кадриоргском дворце. Я позвонил в его таллиннскую квартиру. Он обещал вернуться во дворец, чтобы принять нас. Когда мы около полуночи с представителями Совета трудового коллектива «Двигателя» подъехали к дворцу, Рюитель уже ожидал нас. Он побеседовал с нами еще около часа, выразил удовлетворение достигнутым соглашением и закрепил его своей подписью. Мы разошлись в приподнятом настроении. Я сел за руль и, не боясь за ним заснуть, направился в сторону Тарту.

Поздно утром меня разбудила жена – звонили из Таллинна. Сотрудник канцелярии Президиума Верховного Совета сообщил мне сухо и лаконично, что представители «Двигателя» снова посетили кадриоргский дворец и взяли свои подписи обратно. С горечью я понял, что В.Яровой все же взял верх. Эта горечь потом туго отходила, и в течение долгого времени я отправлял всех жалующихся на притеснения русскоязычного населения к Яровому и лидерам ИД. Признаюсь, что такая реакция была не совсем справедливой и повлекла неприятные коллизии, но ничего с собой поделать не мог.

Победа на состоявшемся пленуме ЦК КПЭ «эстонской фракции» во главе с Вялясом и Тооме несколько разрядила обстановку. Думаю, что в этой победе сыграло свою роль и мощное воздействие со стороны НФ.

Первый съезд НФ в ноябре 1988 г. вылился в грандиозное по меркам Эстонии и прекрасно организованное событие. Таллинский горхолл был полон делегатов, присутствовало множество иностранных журналистов. С одной французенкой у меня состоялась длительная и нудная беседа на тему «чего этим эстонцам так не хватает». Кто имел случай столкнуться с французским акцентом английского, тот сможет себе представить, как я при этом «припухал». Но, согласно эстонской поговорке, «беда загонит быка в колодец», и мне в конце беседы показалось, что французенка из сказанного мною все же кое-что поняла и даже приняла.

На съезде мне был доверен доклад по «национальному вопросу». Я, конечно, старался говорить «как надо», излагая в первую очередь точку зрения ИЦ НФ и только мимоходом свои собственные соображения, однако особого воодушевления при

этом не испытывал. Провал усилий, направленных на решительное смягчение противостояния с «Двигателем» не располагал к этому. Правда, на съезде все же прозвучало выдержанное в осторожной тональности выступление Е.Рудени.

Нет нужды останавливаться здесь на первом съезде НФ более подробно, поскольку главные его материалы были опубликованы в том же году. Остановлюсь только на одном характерном для того периода времени эпизоде.

В проект резолюции съезда в качестве альтернативной формулировки был включен пункт о «ремиграции» неэстонского населения республики. В ходе его обсуждения по залу горхолла прошла шумная волна возбуждения. Было ясно, что значительное число делегатов было настроено на принятие этого пункта. В составе делегатов съезда было, по моей памяти, лишь только около 10% русскоязычных представителей, и не они делали погоду. Все же после напряженной дискуссии эта формулировка, ставящая точку над *i* в сложившейся конфронтации, не была принята большинством голосов. Вспоминается, что существенную роль в таком исходе сыграло присутствие в редакционной комиссии по доработке проектов решений съезда М.Лауристин.

После описанных событий мне пришлось участвовать в организованном А.Рюйтелем обсуждении проекта положения (или законопроекта) о гражданских инициативах. Этот документ юридически оформил легальность НФ, а также других новых массовых организаций, активно участвовавших в политической жизни нашей республики. В сущности, это был прямой подкоп под краеугольный для Советского Союза принцип руководящей роли компартии.

Осенью 1989 г. при Президиуме ВС Эстонии началась подготовка и обсуждение проекта Декларации о суверенитете Эстонии. В этот проект была внесена «поправка Лаака-Преймана», предложенная депутатами ВС Т.Лааком, о ком уже шла выше речь, и другим тартусцем, Н.Прейманом. Эта поправка провозглашала приоритет принимаемых ВС Эстонии законов над общесоюзными. Я участвовал в подготовке данного документа в качестве наблюдателя от НФ. Порядок работы был следующий. Более узкая комиссия Президиума ВС Эстонии готовила очередной вариант текста с учетом обсуждения на преды-

душем заседания, с участием более широкого круга людей. Каждое из этих заседаний начиналось тем, что А.Рюитель зачитывал очередной вариант текста, после чего высказывались все присутствующие. И от раза к разу из этого текста в результате работы более узкой комиссии оказывалась исключенной упомянутая поправка Лаака-Преймана. Моей задачей стало указание на эту «забывчивость», после чего соответствующий абзац текста восстанавливался. Без этой поправки декларация потеряла бы свою изюминку.

Вряд ли кто-либо из участников этого процесса не понимал, что означает поправка Лаака-Преймана для всесоюзного руководства во главе с Политбюро. То, что она имелаась в окончательном тексте Декларации, придавало этому документу характер беспрецедентного вызова по отношению к центральной московской власти.

Члены комиссии по подготовке проекта Декларации были приглашены на соответствующее заседание ВС. Мне удалось занять удобное для обзора место на верхней боковой галерее. Заранее было трудно предугадать, каковы будут итоги голосования. Ведь состав ВС был укомплектован посредством способа «тети Мани», о котором уже шла речь выше.

Я успел засечь краем глаза сильно постаревшего Леонида Ленцмана, который в качестве секретаря ЦК КПЭ в далекие шестидесятые годы так и не смог нам растолковать, по какой причине Р.Блюм, Л.Столович и ваш покорный слуга обвинялись резолюцией ЦК в допущении «серьезных политических ошибок» – существовала тогда такая формулировка. И ведь все собеседники прекрасно понимали, в чем дело, однако выговорить это он не мог, что нас тогда немало смешило. Что может заставить его и других ему подобных депутатов проголосовать за Декларацию?

Однако способ нашелся, и довольно неожиданный. Перед голосованием роль председателя была передана Вайно Вялясу. А первый секретарь ЦК всегда прав, и его точка зрения тогда воспринималась как раз теми, в поведении которых не было четкой ясности, как партийная директива, обязательная для исполнения. Конечно, каждый волен считать, будто пятиминутное выступление В.Вяляса обладало столь великой убедительной силой, что привело к внезапному изменению политических

взглядов и убеждений одновременно целой группы людей. Однако, несомненно оказывало свое влияние и общее изменение обстановки. К тому же в качестве политики всей КПСС все же были провозглашены перестройка и гласность.

Как бы там ни было, результат голосования оказался ошеломляющим: за Декларацию проголосовали почти все депутаты за исключением одного единственного. К сожалению не могу припомнить имя, но кажется, им был рабочий с «Двигателя». И именно его «аргументация» относительно мотивов голосования против принятия Декларации появилась на первой странице газеты «Правда». Для публикации самого текста Декларации ни в одной из центральных газет СССР места не нашлось. Означало это только одно: соответствующая установка была дана так называемыми директивными органами. Вот тебе и хваленая «гласность»... Более того, Президиум ВС СССР (и М.Горбачев) поспешили отменить крамольные решения эстонского Верховного Совета. А.Рюйтель был вызван в Москву для унижительной проработки.

Для дальнейшего, в том числе и для моей судьбы в течение нескольких последующих лет имело существенное значение еще одно событие конца 1988 г. Настало время подготовки очередных выборов в Верховный Совет СССР. Центральному руководству стало понятно, что метод «тети Мани» во многих местах в пользу властей больше не работает. Был опубликован проект изменений конституции, а также избирательного закона. Согласно этому проекту, принятому затем в качестве закона, прямые выборы заменялись ступенчатыми, а для предварительной фильтрации выдвигаемых кандидатов предусматривались так называемые собрания представителей трудящихся соответствующих избирательных округов. Состав участников последних не выбирался, а отбирался – к этому и сводился смысл этой новой ступеньки в механизме выборов. Окончательный же отбор можно было осуществить в процессе формирования Верховного Совета на заседании огромного по численности (2000 человек) Съезда народных депутатов СССР. При этом треть состава последнего не выбиралась, а практически отбиралась представителями различных общественных организации, начиная от КПСС, комсомола и профсоюзов и кончая Академией Наук и различными творческими союзами. Такая перестраховка свиде-

тельствовала, что центральное руководство не на шутку струхнуло и решило принять для сохранения своей власти судорожные защитные меры.

Смысл этих изменений был настолько прозрачен, что в Эстонии был организован сбор подписей под заявлением по поводу общенародного протеста. Насколько я помню, решение о начале этой кампании было принято в конце одного из заседаний Совета уполномоченных НФ, членом которого я был избран от Тартуского отделения НФ. Кампания эта дала ошеломляющий результат: из полутора миллионов жителей Эстонии подписалось более 860 тысяч человек. Все листы с подписями поступали в Президиум ВС Эстонии, где проводился сводный подсчет подписей и упаковка этих листов для отправки в Москву. Аналогичная массовая акция имела место также в Латвии.

Выступая с «анализом» итогов всенародного обсуждения отмеченных выше поправок к конституции и избирательному закону, М. Горбачев отметил, что было высказано лишь одно неодобрительное мнение (цитирую по памяти), что, дескать, не меняет картину общенародного одобрения.

Стало понятно, что идиллический период процесса, получившего название «поющей революции», закончился. То же самое можно было сказать о перестройке. Чувствуя, что его шкуру уже собираются делить, медведь, не только все еще гуляющий в лесу, но и считающий себя полноправным его хозяином, издал угрожающий рык. Настал новый период развития событий, исход которых был полностью непредсказуем.

Я считал, что больше участвовать в активной политике мне неважно. Все больше страдала моя собственная работа, для завершения которой с каждым годом оставалось все меньше отведенного мне срока жизни в этом брэнном мире. Да и в моей личной иерархии ценностей наука стояла далеко впереди политики.

Эти мои надежды оказались построенными на песке. Хитрющий Рок нашел-таки способ подсунуть мне следующую роль. Однако это уже другая история, и в данный момент я вынужден прервать свое повествование. Надеюсь, что в дальнейшем сумею написать продолжение, освещая события не только в Эстонии, но и в более широком масштабе.

«ТАРТУСКИЙ КУРЬЕР». ВОСПОМИНАНИЯ ЧЛЕНА РЕДКОЛЛЕГИИ

Леонид Столович

В Тарту с 1986 года начала издаваться газета на русском языке под названием «Вперед». Это наименование было переводом эстонского слова «Edasi». Так именовалась тартуская газета, выходившая по-эстонски. Сначала «Вперед», как и «Edasi», была органом горкома партии и старалась проводить партийную линию, хотя и довольно зигзагообразную в те годы. Возникший в конце 1980-х годов Народный фронт Эстонии нуждался в своих изданиях как на эстонском, так и на русском языках. В Таллинне издавался «Вестник Народного фронта Эстонии». Это была информационная газета на 4-х страницах без каких-либо литературно-художественных излишеств. В университетском Тарту организовалась также Русская секция Народного фронта Эстонии в поддержку перестройки. Ее возглавлял Рэм Наумович Блюм – член Совета уполномоченных НФЭ всей республики, профессор кафедры философии Тартуского университета, мой коллега и близкий друг. По его идее и был создан «Тартуский курьер». Но первый номер газеты, датированный 1–15 июня 1989 года, вышел с извещением о смерти Рэма Блюма и статьями в его память эстонских академиков и делегатов Первого съезда народных депутатов СССР Виктора Пальма и Михаила Бронштейна. Блюм скоропостижно умер 1 июня во время конфликтного столкновения с тогдашним редактором газеты «Вперед» в горкоме партии.

В этом номере «Тартуского курьера» на последней странице была опубликована общая программа редакции, подписанная еще Рэмом Блюмом (его имя-фамилия была заключена в траурную рамку), Михаилом Бронштейном, Виктором Пальмом, Ильсёй Никифоровым, Дмитрием Кузовкиным, Юрием Таммару, Анатолием Петуховым и некоторыми другими. Среди подписавшихся был и поэт Давид Самойлов.

«"Тартуский курьер", – отмечалось в заявлении "От редакции", – представляет собой издание, ставящее целью всемерно способствовать расширению гласности». Важной задачей газеты провозглашался «обмен информацией между Народными фронтами различных республик и городов во имя борьбы за новое, свободное и достойное человека общество».

Когда вышел 2-й номер «Тартуского курьера», газета «Вперед» напечатала следующую заметку:

«Выход первого номера "Тартуского курьера" – инфолиста русской секции Народного фронта Эстонии в поддержку перестройки – взбудоражил общественность радикальностью суждений. По поводу "Курьера" высказывались различные мнения. Нашлись и предрекатели дальнейшей судьбы листа, которые считали, что "биография его закончится первым номером"... "Пророчество" не сбылось – вышел в свет "Тартуский курьер" ¹ ², еще более дерзкий, спорящий и... спорный. Очевидно, сам факт выхода инфолиста – знак времени. Как бы там ни было, но свежий номер явно демонстрирует намерения редколлегии: расширять диапазон своего воздействия, привлекать самый разнообразный круг авторов, не сглаживать остроту обсуждаемых тем».

Общедемократические принципы объединяли тогда людей, противостоящих консервативным силам, сконцентрировавшимся в так называемом «Интердвижении», которое под лозунгом «интернационализма» боролось за сохранение старой системы отношений в Советском Союзе, когда под прикрытием «дружбы народов» культивировался шовинизм и презрение к инородцам. Конечно, и в общедемократическом движении таились националистические элементы, и шел процесс, который можно определить, перефразируя известную формулу: «демократы борются, националисты крадутся к власти». Но результаты этого процесса появились позже. В 1989 году они были еще не проявлены. Подлинный интернационалист, Рэм Блюм резко отрицательно относился к «интерам». Помню, как он весело смеялся, услышав почти гоголевскую фразу: «Интер-офицерская вдова сама себя высекла». Он был интернационалистом в самом прямом и не запачканном смысле этого слова. Блюм был одним из

организаторов и активистов Народного фронта Эстонии, конгресс которого сердечно поздравил его с его последним, 63-м днем рождения. Но я запомнил слова моего друга: «Знаешь, на конгрессе самым трудным для меня моментом было голосование по предложению о необходимости репатриации русских из Эстонии. Ведь если бы это предложение было принято, мне пришлось бы выйти из Народного фронта!».

После смерти Блюма редакция «Тартуского курьера» обратилась ко мне с просьбой войти в состав редколлегии и взять на себя литературно-художественный отдел. «Вестник Интердвижения» на это прореагировал устами одной из своих активисток и идеологинь. В 22-м номере этого издания за 1989 г. на 4-й странице утверждалось, что «в начале 50-х годов в Тарту сложился круг семей Габовичей, Лушиков, Столовичей, Пальмов, Блюмов, Лотманов, Бронштейнов» и этот «круг» ретранслировал идеи разведок Калифорнии или Тель-Авива. И далее: «Профессор Столович, доселе молчаливый дирижер в этом круге, поклялся заменить собою покойного», т.е. Р.Блюма.

Так «молчаливый дирижер» включился в работу в газете Народного фронта Эстонии «Тартуский курьер», в которой он вел литературным отделом и использовал все свои знакомства с поэтами, писателями, публицистами, чтобы наше провинциальное издание не было провинциальным.

Давид Самойлов

Я предложил вместо передовых статей помещать на их обычном месте стихотворения. В 1-м номере таким стихотворением стала «Полынь-звезда» Давида Самойлова. Все выходящие номера «Тартуского курьера» я посылал Давиду Самойловичу в Пярну, где он жил на улице Тооминга, 4.

19 августа 1989 года он писал мне на открытке:

Дорогой Леонид Наумович!

Спасибо за «Курьера»! Надеюсь вновь побывать в Тарту и повидать Вас.

В «Моск. новостях» напечатана моя небольшая статья об Эстонии. Вскоре пришлю ее Вам. Может пригодится для «Курьера».

Всего Вам доброго.

Ваш Д.Самойлов

В открытке от 16 ноября 1989 года еще один отклик на «Тартуский курьер»:

Дорогой Леонид Наумович!

Газеты получил и прочитал с интересом. Спасибо Вам. Пока стихов подходящих нет, но как появятся, пришлю. В Тарту тянет, но пока нет времени.

Желаю Вам всего доброго.

Привет от Галины Ивановны.

Ваш Д.Самойлов

С Давидом Самойловым, одним из самых моих любимых современных поэтов, я познакомился в 1977 году, когда в июле этого года я навестил его в Пярну. Мы виделись с ним каждый раз, когда он приезжал в Тарту читать стихи студентам.

К сожалению, при жизни Давида Самойловича нам не пришлось больше ничего напечатать в «Курьере» из его произведений. А мартовский номер за 1990 год (19) на первой странице опубликовал некролог, который я написал от имени редакции:

Памяти Давида Самойлова

«Смерть выбирает не красоты слога, а неизменно самого певца», – констатировал однажды Иосиф Бродский. Смерть бессильна перед тем, что создал Давид Самойлов, теперь можно прямо сказать – классик современной русской поэзии. Но нет с нами честнейшего, благородного, мудрого Дезика, как называли его близкие друзья.

Он принадлежал к славному фронтовому поколению поэтов, которые напрямую сражались с фашизмом, с фашизмом во всех его обличьях. Он и умер как солдат, во время вечера памяти Бориса Пастернака.

Безмерна наша скорбь. Редколлегия «Тартуского курьера», первый номер которого открывался стихотворением Давида Самойлова «Полынь-звезда», выражает соболезнование родным и близким Поэта.

Последний номер «Тартуского курьера», вышедший в апреле 1990 года, там, где печатаются обычно передовые статьи, опубликовал с разрешения вдовы поэта Галины Ивановны Медведевой-Самойловой стихотворение 1956 года, ходившее в списках, но так и не напечатанное при жизни Давида Самойлова. Оно начиналось строками:

*Как может быть спокоен прокурор,
Подписывая смертный приговор?
И неужели штатным палачам
Казненные не сняты по ночам?*

Александр Володин

Большой удачей было привлечение на страницы «Курьера» *Александра Володина*. Того самого Володина, которого справедливо называли «эпохой в истории нашего театра и кино». Это он написал пьесы «Фабричная девчонка», «Пять вечеров», «С любимыми не расставайтесь», «Дульсинья Тобосская» и многие другие, которые ставились во многих театрах на родине и за рубежом, по которым снимались кинофильмы. Писал он и киносценарии, такие, как «Звонят, откройте дверь!», «Фокусник», «Дочки-матери», «Портрет с дождем», «Осенний марафон». Всех не перечислить. Но, оказывается, он с юности писал стихи и был самобытным поэтом.

С Александром Моисеевичем Володиным меня познакомил Яков Семенович Билинкис в Ленинграде в декабре 1968 года на защите своей докторской диссертации. И вот теперь, когда я стал собирать литературно-художественный материал для «Гартуского курьера», я позвонил Володину домой. В ответ незамедлительно пришло письмо и девять стихотворений, написанных в разные годы, но, разумеется, не для печати.

Среди них было четверостишие 1979 года:

*Солнечным сиянием пронизан,
ветром революции несом,
над землей парил социализм
с получеловеческим лицом.*

В письме ко мне Александр Моисеевич написал:

Уважаемый Леонид Наумович!

Рад, что довелось встретиться с Вами еще раз, хотя бы заочно.

Посылаю несколько стихов, отберите, что пригодится, если ничего – поверьте, я не обижусь.

Если же печатать – то, по-моему, лучше не подборку, а – так, время от времени.

Желаю покоя в душе и везенья в работе.

А.Володин

Письмо от Александра Володина пришло в Тарту 25 августа 1989 года, и уже в 4-м номере «Курьера» (16–31 августа) мы опубликовали его стихотворение «Случай на границе в 40-м году (воспоминание)», написанное в 1977 году. В коротком предисловии отмечалось, что стихотворение принадлежит известнейшему драматургу, автору «Фабричной девчонки» и «Пяти вечеров», «Дульсинеи Тобосской» и «Осеннего марафона». Вместе с тем, «менее известно, что А. Володин в 1939 г. двадцатилетним первокурсником Московского института театрального искусства стал солдатом и оставался им до конца войны. Впрочем, в конце войны он уже стал сержантом». В стихотворении почти протоколно рассказывалось о том, как часть, в которой служил автор, подошла к какому-то рубежу и ждала приказа «начать артподготовку полкам в одиннадцать ноль-ноль».

*Но что такое? В десять тридцать
приказ: огня не открывать,
а мирно перейти границу –
и без стрельбы, едрена мать!*

В конце стихотворения уже в прозе автор сообщал, что «только позднее из газет мы узнали, что Эстония, Латвия и Литва добровольно влились в семью советских республик».

Стихотворение-воспоминание было не случайно опубликовано в номере «Курьера», посвященного 50-летию печально знаменитого пакта Молотова–Риббентропа. Оно было напечатано под материалом «О внешней политике Советского Союза», в котором были обнародованы автором этих строк выдержки из доклада В.М. Молотова, в должности председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел, на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 года в связи с установлением дружеских отношений между Советским Союзом и Германией. В докладе лицемерно утверждалось об уважении «неприкосновенности суверенитета» Прибалтийских республик. Последнюю страницу этого номера занимала часть впервые публикуемой у нас книги Юрия Борева «Сталиниада», в которой как раз речь шла о событиях советско-германского договора о дружбе, о том, как Сталин, подняв бокал, провозгласил тост за Гитлера.

К сожалению, «Курьер» так и не успел напечатать стихотворение А.Володина «В Таллинне», которое он написал, посетив столицу Эстонии в 1982 году:

*Такая малая страна...
Я не сановный, не чиновный,
Но перед ней уже виновный,
Хоть это не моя вина.*

*Наносят мелкие обиды.
Что делать, им стократ больней.
Терплю, не подавая вида
За грех империи моей.*

«Передовая» 6-го номера (15–31 октября 1989 г.) – стихотворение Володина, начинавшееся словами:

*Здесь перестройки механизмы,
приоритеты плюрализма
и что-то брезжит впереди.
Но долгосрочные прогнозы
нам обещают только грозы
и в лучшем случае дожди.*

Заканчивалось стихотворение строкой, предрекавшей злоеущие события, которые, как известно, и последовали в Тбилиси, в Вильнюсе, в Риге и в самой Москве:

Прогноз пророчит и погром.

7-й номер «Курьера» начинался стихотворением А.Володина «Над грустною землею Грузии...», написанным в 1982 году. В нем живописуются различные красоты Грузии и раскрывается то, что стоит за ними:

*Сопротивление печальное,
сопротивление извечное.*

Заканчивалось стихотворение таким обращением к Грузии:

*И ты же вырастила гения
безверья, палача, раба.
Руси властительной отмщение.
Но кровью страшное крещение
Твой сын, он начинал с тебя.*

Стихотворение А. Володина звучало камертоном всего номера, в основном посвященного национальным отношениям. В нем была опубликована одна из последних работ покойного Рэма Блюма «Состояние межнациональных отношений в Советском Союзе в настоящее время». Материалы о начавшихся конфликтах народа и власти в Молдавии, в Белоруссии и других республиках. Члены Ленинградского Народного фронта публикуют статьи «Об условиях невозможности войны государства против своего народа» и «Феодальные отношения в СССР», выступление Г. В. Старовойтовой о парадоксальном положении русского народа в нашей стране. Перепечатывается постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 12 ноября 1989 г., в котором внешнеполитические и военные акции сталинского руководства СССР в 1940 году в отношении Эстонии квалифицируются как «агрессия, военная оккупация и аннексия Эстонской Республики» с политическими выводами из этой квалификации.

В предпоследнем, 9-м номере (март 1990 г.) «Курьера» на первой странице было помещено стихотворение Володина «Альтернативный взгляд». Оно начиналось со строчки:

Скорбя, о партии пишу.

А заканчивалось такими словами:

*Стоит, едина и нема
толпою рабской пред обкомом.
И сотый блин, как первый, комом.
Не дай ей Бог сойти с ума.*

Увы, прозорливое пожелание Александра Володина не осуществилось. В августе 1991 года Бог все-таки дал ей сойти с ума.

Юрий Боров и Рой Медведев

Выше уже упоминалась книга Юрия Борева «Сталиниада». Она имела такой подзаголовок: «Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора». С Юрием Борисовичем Боровым я был в дружеских отношениях с середины 50-х годов, когда мы в острой дискуссии отстаивали социально-культурную концепцию эстетического отношения и ценности. Между нами сложилось своеобразное разделение труда: я в аспекте этой концепции исследовал понятие

«эстетическая ценность» и ее непосредственное проявление – категорию прекрасного, а Боров сосредоточил свое внимание на категориях «комическое» и «трагическое». Он первый в советской литературе по эстетике написал монографии об этих категориях. Знал я, конечно, что мой друг более 40 лет собирал не-обычную коллекцию анекдотов о Сталине и «сталинской эпохе», хотя это было небезопасно. Во второй половине 80-х годов он свою коллекцию включил в книгу, названную им «Сталиниада». Но эта книга не просто сборник анекдотов, а систематизация того, что сам Боров назвал «интеллигентским фольклором», создающим художественный образ, в данном случае, образ эпохи сталинизма и, в то же время, исследование такого образа. Автор «Сталиниады» выступал как «свидетель обвинения» на суде Истории, чутко улавливая иронию самой Истории. «Сталиниада» представляет собой как бы синтез трагического и комического, и ее можно было бы в эстетическом ключе назвать – *трагикомическое*.

Я знал, что «Сталиниада» готовилась к выходу в издательстве «Книга», а также в переводах на нескольких европейских языках. Знал также, какие препоны стоят на пути ее издания. Ведь Советский Союз еще жил и здравствовал, а провозглашенная гласность еще была в то время, если так можно сказать, гласностью, вопиющей в пустыне. Поэтому Ю.Б. охотно откликнулся на мое предложение опубликовать текст «Сталиниады» в «Тартуском курьере» без всяких редакторско-цензорских купюр. Так наша газета с 3-го номера и по 9-й, т.е. в семи выпусках, впервые печатала значительную часть этой книги до ее выхода в свет не только в «Книге», но и в «Советском писателе», в Риге и других издательствах за рубежом.

Благодаря личным дружеским связям в «Тартуский курьер» был привлечен мною еще один интереснейший автор. Речь идет о Рое Александровиче Медведеве.

Правозащитница Людмила Алексеева в книге «История инакомыслия в СССР» отмечала, что Рой Медведев стал «самым представительным и известным» сторонником «диссидентского социализма». Академик А.Д. Сахаров даже после того как разошелся с Р.Медведевым в своих политических взглядах признавал большое его значение для своего политического самосознания. Однако в результате фантастических превратностей

судьбы бывший марксист-диссидент в 1989 г. становится депутатом Верховного Совета СССР и, исключенный из КПСС, ... избирается членом ЦК партии. Это способствовало изменению общественного мнения о нем не в его пользу, поскольку он стремился оставаться независимым парламентарием, независимым даже от тех, кого в оные времена считали «носителями прогресса». Сохранивший свой политический и научный авторитет в зарубежных странах Рой Медведев как-то выпал из поля внимания на своей родине. Многие интеллектуалы, которые до 1985 года если и показывали фигу советскому режиму, то только в кармане, да еще прикрытом плащом, презрительно отзываются о воззрениях Р. Медведева, о которых имели самые недостоверные представления.

Моя дружба с Роем Медведевым началась в студенческие годы. Мы учились на философском факультете Ленинградского университета, только он был на курс меня старше. Рэм Блюм был на курс старше Роя. У Роя был брат-близнец Жорес, который учился в Сельскохозяйственной академии в Москве. Братья были необычайно похожи друг на друга. Однажды, будучи в Москве, я в публичной библиотеке, так называемой «Ленинке», вдруг увидел знакомое лицо. «Рой, привет!» – воскликнул я. Но в ответ услышал: «Извините, я не Рой, а Жорес».

Отец братьев Медведевых был кадровым военным, убежденным коммунистом-революционером, погибшим в сталинских застенках. Революционные убеждения родителей отразились в именах детей: один был назван Жоресом в честь знаменитого французского социалиста, другой Роем – по имени вождя индийских коммунистов 20-х годов (братья родились в 1925 г.). Имя индийского коммуниста, в отличие от французского, в 40-х годах стерлось из памяти, и меня еще в студенческие годы часто спрашивали, почему Медведева зовут *Роем*. Очень просто, – отвечал я, – существует же такое словосочетание «рой пчел», а это – «рой Медведев». В этой шутке была доля правды: Рой был очень активным студентом, постоянно выступавшим с докладами в студенческом научном обществе. Но ни значительная политическая деятельность, ни научная карьера ему как сыну «врага народа» не грозили. По окончании университета он работал учителем истории в школе на Урале, а затем в Ленинградской области. Лишь во времена «оттепели» он становится сотрудни-

ком Научно-исследовательского института педагогики и редактором педагогического издательства.

И вот в 60-х годах Рой Медведев приступает к написанию своей знаменитой книги о преступлениях Сталина и сталинизма «К суду истории», которая несколькими изданиями в 70-е годы вышла во многих странах мира. Потом последовали другие книги, в основном связанные с новейшей социально-политической историей. В Советском Союзе эти книги были строжайшим образом запрещены.

Жорес Медведев стал видным ученым-биологом. Но он, как и его брат, не ограничился сугубо научной деятельностью. Точнее говоря, его научная работа сомкнулась с деятельностью общественно-политической. Он первый собрал обширный материал о положении биологической науки в СССР и написал книгу, разоблачающую лысенковщину еще в то время, когда псевдонаучные воззрения «народного академика» были в полной силе. В ней он поведал о трагической судьбе великого ученого Николая Вавилова.

Братья Медведевы начали свою писательскую деятельность вполне легально. И ставшая крамольной книга «К суду истории. О Сталине и сталинизме», и книга о лысенковщине были, прежде всего, посланы в Политбюро партии и в Политиздат. Жорес предложил академику Келдышу, возглавлявшему Академию Наук, издать свою книгу в СССР. И только после категорического отказа эта книга вышла за рубежом многими изданиями, а в Советском Союзе ходила в «самиздате». Разоблачение «советской биологии» и вообще «линии партии» в науке, защита генетики, которая официально клеймилась как буржуазно-идеалистическое лжеучение, не могли остаться безнаказанными. И в 1970 г. ученого с мировым именем насильно помещают в психиатрическую спецбольницу. Только благодаря протестам мировой общественности и таких деятелей науки и культуры, как академики П.Капица и А.Сахаров, А.Твардовский и многих других, Жореса Медведева вынуждены были выпустить из психиатрической тюрьмы. Эти события нашли отражение в книге братьев Медведевых «Кто сумасшедший?», также изданной за рубежом. За книгу Жореса Медведева об А.Солженицыне «Десять лет после “Одного дня Ивана Денисовича”» ее автора в 1973 г. лишают советского гражданства, и он работает в Лон-

донском национальном институте медицинских исследований. Помимо научной деятельности, Жорес Медведев выступает по острым проблемам общественно-политической жизни.

Я поддерживал с Роем дружеские отношения и в самые трудные для него времена диссидентского существования. Мы с ним встречались каждый раз, когда я приезжал в Москву. В 1971 году, после проведенного у него обыска и перед выходом его книг за границу, получив вызов в московскую прокуратуру, Рой перешел на нелегальное положение до начала 1972 года. В этот период времени он побывал в Тарту, встречался с Рэмом Блюмом, Виктором Пальмом и со мной. В 1974 году он подарил мне свою знаменитую книгу о Сталине на английском языке: *«Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism»* (New York) и надписал:

Дорогому Лене на добрую память. Октябрь 1974 г. Медведев.

В 1987 году я получил от него книгу «Они окружали Сталина», изданную в 1984 году на русском языке в США, с такой надписью:

Дорогому Лёне в знак дружбы и любви от автора. Рой Медведев. 22/1.87

В апреле 1988 года впервые были напечатаны на родине суждения Роя Медведева в данном им интервью еженедельнику «Собеседник». С конца 80-х годов он окупился в чрезвычайно активную политическую деятельность, и виделись мы нечасто, хотя наша переписка не прерывалась. Рой присылал мне почти все свои новые публикации и ранее не публиковавшиеся в Советском Союзе свои работы, разрешая мне использовать их по своему усмотрению. Вот я и решил кое-что опубликовать в «Тартуском курьере».

В 6-м номере «Курьера» (15–31 октября 1989 г.) мы напечатали начало статьи Роя Медведева «ГУЛАГ. О первой части “Архипелага ГУЛАГ” А.И. Солженицына», написанной и опубликованной за границей в 1974 году в связи с изданием книги Солженицына в Париже. Актуальность этого материала была связана с тем, что как раз в это время «Новый мир» начал публиковать в¹¹ 9, 10 и 11 избранные главы «Архипелага» (полное советское издание этого произведения, за хранение которого и

даже за чтение советскому человеку грозили крупные неприятности, готовилось параллельно). Я написал небольшое предисловие «Рой Медведев в “Тартуском курьере”», а сам Рой Медведев предпослал своей статье объяснение «От автора». В 7-м номере напечатан был конец статьи.

В 8-м номере печаталась уже другая статья Роя Медведева: «Каким я вижу Советский Союз в 2000-м году», написанная еще в 1985 году. Статью его «ГУЛАГ. О второй части “Архипелага ГУЛАГ” А.И. Солженицына» «Курьер» обнародовал в 9-м номере (март 1990), когда самое взрывное произведение Солженицына стало уже полностью доступно для читателя в СССР.

Рой Медведев очень высоко оценивает в целом «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, считая, что «это тщательное художественное исследование основано на достоверных фактах». Однако, будучи сам исследователем-историком советского времени, записывая также воспоминания людей, заключенных в сталинские лагеря, Медведев сопоставляет то, о чем пишет автор «Архипелага», со своими данными. Иногда он уточняет некоторые представления Солженицына, например, о возникновении концентрационных лагерей. Медведев защищает Солженицына от расхожих в советской печати обвинений его в оправдании и даже воспевании власовцев.

Вместе с тем, в медведевском отзыве совершенно определено проступает идеологическое разногласие между позициями автора и рецензента. Солженицын разоблачает сталинский режим как закономерное порождение революции и строительства социализма. Для него коммунисты, даже сами ставшие жертвами ГУЛАГа, ненавистны и достойны не сочувствия, а злорадного презрения. (Про них говорили: «За что боролась, на то и напоролась»). Рой Медведев, признавая то, что среди массы репрессированных коммунистов были и те, которых Солженицын называет «благонамеренными», был против такого огульного отношения к мученикам коммунистической идеи, для которых осуждение Сталина и органов НКВД «вовсе не означало отказа от своих социалистических и коммунистических убеждений». Сам же Рой Медведев утверждает недопустимость отождествления *социализма* и *сталинизма*. Он уверен в том, что «основой подлинно гуманистической нравственности и глубоко человеческой морали могут быть социалистические убежде-

ния», решительно выступая против, по его словам, «псевдосоциалистических» форм порабощения человеком человека.

В заметке «Рой Медведев в “Тартуском курьере”» (16, 15–31 октября 1989 г.) я таким образом определил парадоксальность ситуации, в которой оказался Рой Медведев и не только он один: «если в конце прошлого века в России существовал так называемый «легальный марксизм», то в период застоя – в условиях «развитого социализма» – возник *марксизм нелегальный*. И Рой Медведев был его наиболее ярким представителем». На позициях «нелегального марксизма» стоял и покойный Рэм Блюм, как и многие «шестидесятники», верившие в возможность «социализма с человеческим лицом». (Об этом я писал в очерке «Рэм Блюм как “шестидесятник”». Страницы воспоминаний и размышлений». – *Таллинн, 2000*,¹ 19–20, с. 105–112.) Для «номенклатурного социализма», господствовавшего в СССР и других странах «социалистического лагеря» (показательно, что лагерная терминология вошла даже в официальный язык!), «социализм с человеческим лицом» и «нелегальный марксизм» был врагом¹ 1, подавляемым танками и политическими репрессиями.

Сейчас, когда человечество переступило рубеж 2000 года, статья Роя Медведева «Каким я вижу Советский Союз в 2000-м году» может быть оценена в полной мере. Напомним, что она была написана в 1985 году, а напечатана в «Курьере» в январе 1990 года. В этой статье историк-философ усматривал в развитии СССР три основных альтернативы. *Путь первый* он связывал с радикально-реформаторской деятельностью коммунистов, которые «провели бы в стране серию давно назревших реформ». При всей идеализации эффективности этих реформ, это был, по сути дела, путь «перестройки», который автору в 1985 году, правда, еще при правлении К. Черненко, представлялся слишком хорошим, чтобы быть реальным. *Путь второй* – путь, осуществляемый в стране людьми, настроенными «более консервативно и догматически, чем ее нынешнее руководство». Такой путь, с точки зрения Р. Медведева, менее всего желателен. По этому пути стремился повести страну пресловутый ГКЧП в августе 1991 года. Наконец, *путь третий*, наиболее вероятный в 2000 году, по мнению автора статьи. Он представлял собой «что-то среднее между этими “наиболее желательными” и “наиболее нежелательными” ситуациями».

Конечно, в конкретном описании третьего пути далеко не все совпадает с тем, что происходит в начале XXI века. Р. Медведев не мог себе представить «возрождение капитализма в СССР» и «предполагаемый нередко на Западе полный развал СССР как политической и экономической силы». Но определенные тенденции развития страны, пусть не СССР, а Российской Федерации, которая провозгласила себя наследницей распавшейся Страны Советов, схвачены, на мой взгляд, пророчно.

Ведь действительно, «перестройка», неожиданно для ее «прорабов» опрокинувшая само здание перестраиваемого социализма, вызвала свое отрицание в виде ГКЧП. И хотя крушение намерений реставраторов взорвало сам СССР и бросающиеся в глаза атрибуты «социализма», в итоге «волки оказались сыты», надев шкуры съеданных овец. Вскоре ГКЧПисты были не только реабилитированы, но включились во властные структуры. «Номенклатурный социализм» плавно перешел в «номенклатурный капитализм», а социализм с «получеловеческим лицом» (А. Володин) – в капитализм с таким же обличьем. Промежуточное состояние современной России довольно точно выражается в словосочетаниях: «г. Санкт-Петербург и Ленинградская область»; «г. Екатеринбург и Свердловская область», а также в соединении двуглавого орла и сталинского гимна. Рой Медведев в своей продуктивной научно-публицистической деятельности несколько книг посвятил раздумьям над тем, что произошло и происходит в России («Капитализм в России?», 1998; «Время Путина?», 2001; «Солженицын и Сахаров», 2002; и другие).

Юрий Лотман, Борис Егоров, Поэль Карп

Но «Тартуский курьер», предоставляя свои страницы для «нелегальных марксистов», придерживался плюрализма, для которого было только одно ограничение – тоталитарное отрицание самого плюрализма. В том же номере, в котором печаталась статья Роя Медведева «Каким я вижу Советский Союз в 2000-м году», опубликована статья Ю.М. Лотмана «Памяти Сахарова». Андрей Дмитриевич Сахаров, с которым у Роя Медведева, при полном единстве в неприятии сталинской системы, были принципиальные разногласия еще в 1976 году в связи с выходом его книги «В стране и мире» (об этом Рой Медведев писал в книге «Солженицын и Сахаров»), не был сторонником ни мар-

книзма, ни социалистической доктрины. Не был ни марксистом, ни социалистом в своих социально-политических воззрениях и Юрий Михайлович Лотман. И тот, и другой были полными единомышленниками в своей нравственной позиции, о чем Юрий Михайлович прекрасно написал в своем эссе-некрологе, подчеркнув, что главное в деятельности Сахарова – «это *реабилитация* совести как основного принципа жизни».

В этом же номере «Курьера» выступил Борис Федорович Егоров с публицистической статьей «Новогодние сетования по поводу нашей обломовщины». Серьезный ученый, верный традициям академической науки и либеральных воззрений, обратился к повседневной действительности и показал логическую противоречивость и непоследовательность процессов, совершающихся в ходе «перестройки».

Мне удалось привлечь к «Курьеру» ленинградца Поэля Карпа – поэта, переводчика, театроведа, в то время активно выступающего в качестве талантливое демократического публициста. В январском номере за 1990 год (1 8) была напечатана на целой полосе его статья «Так что же нам делать?». К сожалению, статья, написанная еще в октябре 1989 г., была напечатана с опозданием, но ее содержание по-прежнему было актуальным. П.Карп сосредоточил свое внимание на противоречиях идейных и идеологических процессов, раздирающих перестроечное движение. Выступая против идеализации царского времени и его защитников, а также против антисоциалистической идеологии открытого и прикрытого сталинизма, публицист полагает, что «как раз социал-демократические ценности помогли бы нашей стране на деле преодолеть сталинское наследие».

Лев Мочалов и Нонна Слепакова

Ведая в редакции литературно-художественным отделом, я обратился и к своим питерским друзьям – замечательным поэтам Льву Мочалову и Нонне Слепаковой, зная о том, что многое из написанного ими погребено в ящике письменного стола. Они тотчас откликнулись на мои предложения. В 4-м номере (16–31 августа 1989 г.) на первой странице с правой стороны было напечатано стихотворение Л.Мочалова «Глаз». Этот «Глаз» был в последний момент «выбит» из первого сборника поэта «Глядя в глаза», вышедшего в 1957 году, после венгер-

ских событий. «Оттепель» была не без своих заморозков задолго до наступления «ледникового периода». Редакция сочла актуальной публикацию стихотворения о Сталине, ибо происходящие в стране и, в частности, в Эстонии события представляли собой стремление изжить сталинизм, активно защищаемый имевшими еще власть сталинистами. Этот номер «Курьера», как уже говорилось в связи со стихотворением А. Володина «Случай на границе в 40-м году (воспоминание)», был посвящен 50-летию печально знаменитого пакта Молотова–Риббентропа, а по сути дела, пакта Сталин–Гитлер.

Отношение к Сталину является достоверной «лакмусовой бумажкой» политической позиции, отношения к тоталитаризму и демократии. В 1993 году к 40-й годовщине смерти Сталина вышел сборник «Сто стихотворений о Сталине», подписанный в печать 4-го марта (!) 1993 г. В него вошли и стихотворения поэтов, которые после 1953 года написали о Сталине произведения с иным знаком, чем включенные в сборник, как, например, А. Твардовского. Но конечно же, в нем не было ни знаменитого стихотворения О. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), ни Б. Слуцкого «Бог», ни «По праву памяти» того же А. Твардовского. Сборник «Сто стихотворений о Сталине» стал предвестником кровавых событий осени 1993 года. И 50-летие со дня смерти Сталина, уже в XXI веке, стало своеобразным барометром настроений в стране. А телевизионная картинка лидера КПРФ, крестящегося во время возложения венков на могилу Сталина, стала своего рода символом.

Но вернемся к стихотворению Л. Мочалова «Глаз», которое в свете сказанного не перестало звучать вполне современно.

*На парадах
пушки и танки
утверждали,
что он велик.
Ну, а нам доводилось
с изнанки
созерцать
всемогущий лик.
Было в комнате, как в колодце,
утром праздничным
полутемно. –*

Заслонив
первомайское солнце,
он заглядывал
к нам
в окно.
Был недвижимым
и черно-серым
наведенный на нас
его глаз.
А другой
таким же манером
доставался соседям
как раз.
Он смотрел к нам...
И каждый свёрток,
фото каждое,
каждый том
видел он.
И живых и мёртвых,
да и зачатых
видел он
Он смотрел в нашу жизнь,
огромный
настороженный
глаз,
наши помыслы
зная и помня,
ну, конечно же, лучше нас.
И внушали нам
с самого детства, –
если глянул он косо
вдруг,
значит, правда, что враг
отец твой,
значит, правильно
сослан друг!
Мы со щедрою верой ребячьей
полагали,
что видит за нас

*и всевидящий,
и незрячий
нарисованный
этот глаз!*

На 7-й странице 4-го номера «Курьера», в котором был опубликован «Глаз» Л. Мочалова, я поместил небольшое эссе, посвященное этому стихотворению. Отметив, что «стихотворение стало документом, но оно не утратило и присущего ему художественного качества», я попытался показать художественный смысл этого поэтического произведения:

«Образ, на котором строится стихотворение Л. Мочалова, навязан был действительностью. В «Литературной газете» от 9 декабря 1987 г. было напечатано стихотворение Алексея Маркова «Портрет», помеченное 1952 годом:

*Каждый праздник домоуправленье,
Не спросив на это позволенья,
Вешает огромнейший портрет
На мое окно.
Уже вот тридцать лет.
На портрете человек с усами,
Мы его нарисовали сами.
Издали посмотришь – благодать!
Только мне и света не видать!*

Персонаж романа Владимира Дудинцева «Белые одежды» поэт Кеша Кондаков тоже написал аналогичное стихотворение, за которое его и «замели»:

*Я – дитя условий коммунальных,
Мне окно что солнышко, – так нет! –
Каждый праздник пожилой начальник
На окно мне вешает портрет.
Тот портрет, соседям всем на зависть,
Занимает тридцать два окна!
Ваське на восьмом усы достались,
Мне – кусок шинельного сукна...*

Но за подобным образом может стоять разный смысл. В 1952 г. портрет Сталина загораживал свет Алексею Маркову. Однако когда его сняли, он еще застилал зрение по-

эта: в 1991 г. в газете «Литература и жизнь» Алексей Марков по-сталински заклеил Евгения Евтушенко в качестве «космополита» за стихотворение «Бабий яр». Кеше Кондакову «кусочек шинельного сукна» мешает глядеть на «праздник». В стихотворении Льва Мочалова акцент сделан на другом: нам доводилось с изнанки «созерцать всемогущий лик», и его глаз зловеще «смотрел в нашу жизнь». Лев Мочалов не делает вид, что он уже все знал, все понимал. Он, как очень, очень многие, «со щедрою верой ребячьей» передоверил свое зрение и всевидящему, и незрячему нарисованному глазу. И прозрение все-таки наступило. Не потому, что сняли портрет, а потому, что спала пелена с глаз».

Из присланных стихотворений Нонны Слепаковой «Курьер» до конца своего издания успел напечатать только «Равнину» в качестве «передовой» 5-го номера (1–15 сентября 1989 г.). Н.Слепакова прислала со своим предисловием несколько стихотворений поэта с трагической судьбой Олега Григорьева. Но этот материал был опубликован в первом номере новой газеты «Alma mater. Студенческая газета», вышедшем 1–15 марта 1990 г.

Владимир Микушевич

К «Гартускому курьеру» мне посчастливилось привлечь еще одного поэта – Владимира Борисовича Микушевича, с которым я познакомился в мае 1989 г. на Волошинских чтениях в Коктебеле. В общении с ним я узнал, что он не только великолепный переводчик Рембо и Рильке, Поупа и Петрарки и многих других, прекрасно владеющий языками, с которых он переводит, тонкий знаток творчества Осипа Мандельштама, но и сам замечательный поэт. Конечно, в советскую поэзию он не встраивался и широкому читателю был не известен. Публиковать его оригинальные стихи в эпоху «социалистического реализма» и «реального социализма», разумеется, было невозможно, хотя и молчать ему тоже было невозможно. Лишь с началом крушения этой эпохи в периодических и эпизодических изданиях (это и ленинградско-петербургский альманах «Петрополь», и московские журналы – старый «Новый мир» и «Новая юность») начали печататься стихотворения Вл. Микушевича, злободневные в своей вневременности. Только в 1989 г. вышел его первый сборник

«Крестница зари», сразу же ставший библиографической редкостью. Язык Вл. Микушевича-поэта, да и не только его стихов, поражает необычным сочетанием традиционной исконности, восходящей к праславянским корням, и новизной словосочетаний, раскрывающих новые, современнейшие смыслы. В нем подлинная народность поднята на вершины действительно мировой культуры. Этот язык воспринимается порой непривычно, как вкус родниковой воды для людей, привыкших к водопроводной.

Вл. Микушевич с энтузиазмом принял мое предложение печататься в «Тартуском курьере». 2-й номер «Курьера» открывается его стихотворением «Молчание», своеобразным откликом на знаменитое «Silentium!» Тютчева:

*Мысль изреченная есть ложь,
Но как порою лжет молчанье,
Бросающее душу в дрожь!
Мысль изреченная есть ложь,
Но мысль молчаньем уничтожь,
И наступает одичанье.
Мысль изреченная есть ложь,
Но как порою лжет молчанье!*

«Передовой» 3-го номера стало стихотворение Вл. Микушевича «Eestimaа», т.е. «Эстонская земля».

*– Кто там стучит в городские ворота
И затмевает луну сединой?
– Ты не узнал меня? Я Водяной!
Ваше жилие затопить мне охота!
Знаете вы, что такое вражда
И сокрушительный натиск потопа?
Азия хлынет на вас и Европа,
Армия, воинство, рать и орда...*

*– Зря, Водяной, угрожаешь ты нашим!
Разве что пришлых ты выживешь крыс...
Мысль — даже в море спасительный мыс,
Где мы рыбачим и бережно пашем.
Пестик мы пестуем, перстень и крест,
Зная свое межпланетное место;
Почва для нас – наше кровное тесто,
И для хороших соседей мы тест!*

*Матери наши и наши невесты
Вечно внушают негромкую весть:
– Мы на земле только то, что мы есть,
И потому называемся «эсты».
Время для нас – не потоп, а река,
Где возрождается снова и снова
Наша естественность, первооснова
Отмели, острова, материка...*

На это стихотворение оперативно отреагировала газета «Вперед» – «орган Тартуских городского и районного комитетов КПЭ и городского и районного Советов народных депутатов», воспринимающая «Тартуский курьер» как «политический инфолист группы людей». В номере от 28 сентября 1989 года тартуский корреспондент ТАСС и жена главного редактора газеты «Вперед» Наталья Григорьева выступила с репликой «Без чувства меры». В ней она, солидаризуясь с газетой «Правда» в критике «поэтических откровений» «московского поэта-ниспровергателя Тимура Кибирова» (кстати, признанного ныне одним из лучших современных русских поэтов. – Л.С.), возмущается против стихотворения Вл. Микушевича за то, что в нем эсты говорят Водяному:

*– Зря, Водяной, угрожаешь ты нашим!
Разве что пришлых ты выживешь крыс...*

Редакция «Вперед» предоставила мне возможность ответить Н.Григорьевой. Моя заметка называлась: «Без чувства искусства». В своей «реплике на реплику» я писал, что «русский поэт и переводчик, живущий в Москве, выдающийся знаток русской культуры имеет в виду **художественный образ**, олицетворяющий все наносное, паразитически-крысиное, хищно-трусливое (вспомним выражение: “Бегут, как крысы с тонущего корабля”). “А Вы кого имели в виду, товарищ Григорьева?” Ответ дан в реплике: “Кого поэт подразумевает под “пришлыми крысами”, нетрудно догадаться”. Нетрудно, если иметь определенный образ мышления. Но такого образа мышления не было и быть не могло у написавшего это стихотворение русского человека Владимира Микушевича и члена редколлегии – “мигранта” Л.Столовича. Они не похожи на гоголевскую унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла.

Не будем наивными. Конечно, поэт написал стихотворение “Эстимаа” не просто из любви к народным легендам. Посетив Таллинн весной этого года по приглашению Русского культурного общества, он как подлинный русский интеллигент проникся добрыми чувствами к эстонскому народу и почувствовал угрозу его перестроечным начинаниям. Это и выражено в стихотворении художественно. Истолковывать стихотворение как примитивную аллегорию, что де Водяной – это, скажем, депутат Е.Коган, угрожающий эстонцам из-за реки Наровы, а “пришлые крысы” – это русскоязычные “мигранты”, значит заменять чувство искусства политическим нюхом. Нельзя по выдернутым из художественного контекста строкам заключать о злом умысле автора. Навязываемая поэту аналогия не находит подтверждения в художественной структуре стихотворения (если “крысы” – “мигранты”, то почему они должны бежать от Водяного?) и поэтому не может квалифицироваться иначе, как клевета».

«Игнорирование художественной специфики произведений искусства – отнюдь не академический вопрос, – отмечалось в конце заметки. – За этим стоят искаленные судьбы таких художников, как А.Ахматова, Б.Пастернак, М.Зощенко, А.Платонов и многие, многие другие. Разве им не «шили политику» по вырванным из контекста строкам, фразам?»

Вспоминая эту дискуссию многолетней давности, я и сейчас считаю свою позицию правильной в принципе. Разумеется, ни у Вл. Микушевича, ни у автора этих строк не было абсолютно никакого помысла этими «пришлыми крысами» обзывать русскую, или, как говорят, «русскоязычную» часть общества Эстонии. Но я как редактор недоучел того, что большинство читателей из этой части общества не отнесется к стихотворной формулировке с художественно-эстетической точки зрения. Ведь в это время их, в большинстве своем виновных без вины, занесенных судьбой в имперскую «провинцию у моря» (если воспользоваться образом Иосифа Бродского), местные националисты третировали как пришлых «мигрантов». И они, естественно были озлоблены, и в художественные тонкости вникать не желали.

Об этом свидетельствовало и пришедшее в «Курьер» письмо из Таллинна, подписанное Е.А. Барсуковым, 1937 г. р., инва-

лидом II группы. Газета получала немало писем и печатала их почти в каждом номере на второй странице, и это письмо, озаглавленное: «Примкну к ИД! (т.е. к Интердвижению). Против каратэ есть арматура» мы целиком напечатали в 6-м номере (15–31 октября). Гнев автора письма вызвало сочетание звезды и нацистской свастики на открытке Народного фронта и «пришлые крысы» в стихотворении «Eestimaа». При этом Микушевич был определен как «еврей или поляк, и это естественно для него так писать», «скорее всего все же – жидаяра, не иначе; не верю, что русский ни с того ни с сего будет поливать свою же нацию – это противоестественно и необъяснимо». Русские же участники Народного фронта и члены редколлегии «ТК» ему уже видятся в качестве предателей, власовцев, которых ждет неминуемое возмездие.

Редакция поручила мне ответить на письмо этого рассерженного читателя. «Сочетание звезды и нацистской свастики, – отмечалось в ответе, – не было выдумкой Народного фронта, а осуществлялось совершенно реально во время совместного (!) парада советских и немецко-фашистских войск в Брест-Литовке в 1939 году и в договоре о дружбе между СССР и нацистской Германией. Что же касается пресловутых «пришлых крыс», то не нужно поступать вопреки такому житейскому совету: если за твоей спиной кто-то сказал «дурак», не спеши оглядываться». В этой связи была подчеркнута недопустимость трактовать элемент художественно-образной ткани стихотворения как оскорбление русского населения Эстонии.

Ответ редакции «ТК» заканчивался таким обращением к возмущенному читателю:

Вы, Евгений Афанасьевич, глубоко неправы и в том, что оскорбить русского человека естественно для поляков и евреев, которых Вы называете точно так же, как ненавидящие Вам полицаи и власовцы, коих Вы хорошо знаете. И дело не в том, что Владимир Микушевич совершенно русский человек (пусть Вас не смущает фамилия на «ич», ибо носящие такие фамилии бывают не только евреями, но даже яростными антисемитами, как, например, Пуришкевич или Шафаревич). Дело в другом. Как Вы, умиляясь тем, что на митингах Интердвижения Вы слышали «призывы к равноправию, дружбе, интернационализму, ника-

ких оскорблений по линии других народов», сами сыплете этими оскорблениями с непринужденностью сплевывающего человека?..

Вы откровенно выразили свои претензии к Народному фронту и органу его русской секции. Позвольте и нам сказать Вам откровенно. Те угрозы, которые Вы посылаете эстонцам, предрекая им «большое горе», как Водяной в том стихотворении, и Ваши оскорбления поляков и евреев – это и есть «сочетание звезды и нацистской свастики», которое изобразил художник. Русская секция Народного фронта Эстонии в поддержку перестройки одной из главных своих целей полагает борьбу против такого сочетания.

После публикации письма и ответа на него в редакцию пришло письмо из Таллинна. В конверте были две вырезки. Одна из них – «шапка» того самого номера «Тартуского курьера», в котором были письмо и ответ редакции. Но почтальону, изображенному справа, был приделан изогнутый нос, а на сумке нарисована шестиконечная звезда. Вторая вырезка – список членов редколлегии с таким же видоизмененным почтальоном, но в этом списке Леонид Столович был помещен в траурную рамку.

8-й номер «Курьера» (январь 1990 г.) открывался стихотворением Вл. Микушевича «Тарту», посвященным мне:

*Где слишком многое поставлено на карту,
Там замедляет жизнь свой повседневный ход,
В предчувствиях томясь, и лютеранский Тарту,
Готовясь новый век принять за новый год,
И вечной мерзлотой считая легкий иней
На кровлях розовых от утренней зари,
Задумчиво глядит на бело-черно-синий
Флаг, для которого зажгутся фонари
В ненастном сумраке, когда в чуть слышном плаче
Сольются жалоба и нота торжества,
Произносящего бессмертные слова:
«На этом я стою и не могу иначе!»*

В апреле 1990 года вышел последний номер «Тартуского курьера». Инфолист русской секции Народного фронта в поддержку перестройки закончил свое существование, поскольку в самом Народном фронте обозначились разные тенденции. И

в общедемократическом движении, которое представлял «ТК», уже начался раскол на тех, кого академик Михаил Лазаревич Бронштейн довольно точно определил как «национально мыслящих», «национально озабоченных» и «национально ушибленных» (см. *Бронштейн М. На рубеже эпох. – Таллинн, 2002, с. 12–13*).

Особое положение Эстонии, еще в составе СССР принявшей Декларацию о независимости и водрузившей свой флаг, даже с компартией, вышедшей из КПСС, позволяло печатать такие материалы, которые в конце 80-х годов невозможно было опубликовать ни в Москве, ни в Ленинграде. Неслучайно ряд изданий Межрегиональной депутатской группы (МДГ) Съезда народных депутатов – «Позиция», «Варианты», «Доверие» – печатались в Тарту. И «Тартуский курьер» не ограничивался в своем распространении Эстонией. Его охотно приобретали и читали в центральных городах страны. На него была даже организована подписка. Распространению «ТК» способствовало и участие в нем Давида Самойлова и Александра Володина, Роя Медведева и Юрия Борева, Льва Мочалова, Нонны Слепаковой, Владимира Микушевича. Но по мере расширения в 1990-е годы сферы гласности область распространения «ТК» неизбежно сужалась и, соответственно, сужались финансовые возможности издания газеты.

Как бы ни оценивать нынешнюю ситуацию в Эстонии и в России, период конца 1980-х – начала 1990-х годов был исторически необходим как освобождение от той косной тоталитарной системы, которая душила все живое и в конце концов задушила сама себя. Слово «революция» нынче не в моде. Более того, даже в устах некоторых умных и порядочных людей оно звучит как проклятье. С ним связывают и, кажется, исторически небезосновательно, самые кровавые потрясения в обществе. Что было, то было. Но с теоретической точки зрения, революция в сущности своей – *это качественное социальное изменение*. Революция – это не бунт, по Пушкину, «бессмысленный и беспощадный», хотя часто революции сопрягались с бунтом. Да, революции часто бывали кровавыми, но не потому ли, что они сами вызывались обильной кровью в дореволюционной «мирной» истории? Это, разумеется, только объясняет, но отнюдь не оправдывает кровавость самих революций.

Вместе с тем, революции бывали и «бархатными» и «поющими», как то, что произошло в Чехословакии и в Эстонии, которая в этой революции обрела свою независимость. Еще раз повторю: суть революций не в крови, а *качественном* изменении негодного общества. Без них негодное общество только сменит свою вывеску, но так и останется негодным, т.е. бесчеловечным и не менее кровавым, чем иная революция. Трагедия постперестроечных событий в России после августа 1991 года, на мой взгляд, заключалась в том, что *начавшаяся революция испугалась сама себя, и номенклатурный социализм «с получеловеческим лицом» был замещен номенклатурным капитализмом – тоже «с получеловеческим лицом».*

Однако до этих событий общество жило надеждами на свободу в великом смысле этого слова. В борьбе, пусть словесной, за свободу, понимаемую подчас по-разному, выступили многочисленные газеты, информационные листки и т.п. Эти издания, что называется, выпали, как грибы после обильного дождя. Естественно, что некоторые «грибы» были ядовитыми. Печатные издания этих лет дают ценнейший материал для исследователя социальных процессов на исходе XX столетия. Но для участников и свидетелей тех событий – это не только история.

О РОЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВНОЙ ЭЛИТЫ МЕСТНОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ЭСТОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ

Рейн Вейдеманн

Настоящие заметки не претендуют на исследование и тем самым на объективность. Но относительно долгий и богатый личный опыт даст возможность автору оценить место и роль русской (точнее – русскоязычной) интеллигенции в эстонском культурном пространстве.

В культурологии Эстонии, а теперь уже и в истории, все чаще встречается, по сравнению с периодом национального пробуждения XIX века и временем молодой Эстонской Республики, более амбивалентное отношение к прибалтийским немцам, которых в течение многих веков считали представителями господствующей элиты.

Это объясняется тем, что, как правило, национальное самосознание любого народа первоначально возникает из национально-теоретической точки зрения, которая формируется путем противопоставления. Затем, когда уже появляется какое-то чувство уверенности за свое будущее и складывается свой идентитет, образуется так называемый национальный миф, идеология, культура, общественная жизнь. И в завершение, когда возникает национальное государство, только тогда жесткое противопоставление начинает постепенно уходить на задний план. Люди все более начинают замечать различия (разные языки, разные обычаи и традиции, разный исторический опыт), что в свою очередь содействует постановке единых целей и возникновению диалога на языковом уровне между духовной элитой и бывшими правителями. Другими словами, если этнос в своем развитии достигает определенной зрелости, то он все более начинает ценить общечеловеческий аспект, то, что определяется словом *civilis*.

На сегодняшний день мы дошли до осознания того, что немецкий субстрат играл важную роль в формировании у эстонской культуры жизнеспособной, разносторонней ментальности и проявлений духовности.

Мы признали «своими» не только деятельность прибалтийско-немецких эстофилов, но и доктора исторических наук Эа Янсена, языковеда Кристину Росс, литературоведа Яна Ундуска. Осознали, что эстонская культура родилась в «колыбели» прибалтийских немцев, что именно они выступали в роли «акушерки» нашей культуры и что как «своих» стали оценивать теперь и тех деятелей, которые вошли в историю немецкой духовной культуры.

Например, в настоящее время мы довольно единодушно определили «своими посланниками» в европейском культурном пространстве членов известного балтийского рода Кейзерлингов. Это было высказано совсем недавно на международной конференции, которая состоялась в сентябре 2003 года и была посвящена деятельности философов Александра и Германа Кейзерлингов, а также писателю Эдуарду Кейзерлингу.

Хочется верить, что подобное изменение рано или поздно, если это уже не началось, отразится и на отношении к представителям русской, еврейской, украинской, польской, армянской наций, к людям, которые оставили свой след в общественной и культурной жизни Эстонии.

Мы, эстонцы, уже не так тесно привязываем их к советскому фону. Замечаем действительный вклад духовной элиты русскоговорящей общины в эстонскую культуру, хотя само возникновение эстонского русского и русскоязычного сообщества в основном связано с почти пятидесятилетним периодом оккупации Эстонии Советским Союзом.

Все это время эстонцы видели в многочисленной русскоговорящей общине прежде всего опасность для собственного существования.

По правде говоря, я сам лично всегда хотел и умел установить разницу между демократическим и тоталитарным менталитетом, независимо от национальной принадлежности человека. Я всегда был готов признать в широком смысле великим богатством эстонского духовного пространства то, что Владимир Даль, автор «Толкового словаря великорусского языка» был

воспитанником Тартуского университета, что Николай Пирогов первым в мире заложил в Тартуской клинике основу анатомическому и физиологическому направлению в медицине. Почему мы не должны гордиться тем, что Кристьянс Баронс и Кристьянс Валдемарс, игравшие важную роль в общественной жизни Латвии, получили эстонское, вернее лифляндское образование, что именно здесь нашли свое вдохновение просветитель и создатель армянского литературного языка Хачатур Абовян и автор учебников украинского языка Николай Грунский. С Эстонией так или иначе связаны русские поэты Василий Жуковский и Владимир Соллогуб, писатели Федор Достоевский, Викентий Вересаев, не говоря уже об Игоре Северяnine, который был очень близок к эстонской литературе и кого наравне с Сергеем Есениным считают гением поэзии. Но это все сравнительно далекая история.

В моей собственной биографии важное место занимает глава 1970–1980-х годов, когда мое национальное самосознание и социал-демократическое мировоззрение были в тесном контакте, в диалоге и в совместной деятельности с тартуской интеллигенцией русского, еврейского, украинского, венгерского происхождения. Часть из них были моими друзьями по университету, другая – уже признанными преподавателями. В 1970 году по инициативе Яака Аллика мне посчастливилось побывать в составе стройотряда в Венгрии. В нашей группе также был взятый в качестве «проводника» и переводчика будущий химик, карпатский венгр Имре Хегедюш и русский Евгений Голиков, которые оба спустя годы стали моими хорошими друзьями. Через Голикова, а также Лену Блюм я познакомился с лидером тартуских интеллектуалов левого крыла (настоящих «левых») Рэмом Блюмом. Там «вращались» и другие молодые люди, в том числе русско-еврейского происхождения. Так, например, спустя несколько лет мне пришлось издавать университетскую газету вместе с Игорем Розенфельдом (я на эстонском языке, а Игорь на русском).

В середине семидесятых годов – в период формирования моих эстетических убеждений – я вдруг обнаружил себя «на орбите» Леонида Столовича. К нему направила меня Марью Лауристин. Вообще, я должен сказать, что к людям других национальностей меня направляли те самые личности, которые носили в себе

идеи «социализма с человеческим лицом» конца 1960-х годов и кто не был в плену национальных предубеждений. Ни в одном споре, которые у молодых людей обычны и в большинстве случаев достаточно страстны, я не почувствовал оскорбления моего национального достоинства. С тех пор мне открылась одна непоколебимая истина: любой национализм приветствуется до тех пор, пока его сопровождает общечеловеческое право и демократическое понимание общества.

Вдохновленный аксиологией Л. Столовича, я стал переводить его на эстонский язык. Одну книгу одолел. Недавно, прочитав его воспоминания, узнал, что, будучи первым профессором по эстетике в Советской Эстонии, он активно поддерживал авангардный тартуский театр, право на самостоятельность эстонской культуры и возрождающуюся семиотику. Затем через своего преподавателя Яака Пыльдмяэ я познакомился с Юрием Лотманом. Меня заинтересовали его лекции, и я стал плавно входить в дружескую компанию кафедры русской литературы. Должен признать, что я получил настоящее духовное обогащение в общении с Игорем Черновым, Зарой Минц, Валерием Беззубовым, Павлом Рейфманом, Ларисой Вольперт, с работавшими в то время лаборанткой и ассистенткой Любовью Киселевой и Анн Мальц, а также с некоторыми другими представителями «команды» кафедры русской литературы. Важную роль в моем формировании сыграло и то, что одним из моих духовных отцов стал колоритный и всем известный «вечный доцент» русской литературы Вальмар Адамс – славист и поэт с чрезвычайно интересной судьбой.

В конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов я сильно «заразился» семиотикой, социологией и «чистым марксизмом». Это делало положение весьма безнадежным, если иметь в виду, что началась новая волна русификации и брежневской агонии. Все мы, лево-настроенные интеллектуалы, независимо от национальной принадлежности, чувствовали себя как подопытные мухи в банке без кислорода, предназначенные для препарирования.

В таком же безнадежном положении были и те русские, еврейские, украинские, армянские – совсем еще молодые интеллектуалы, болевшие душой за нашу свободу и поддерживавшие национальную независимость Эстонии. Первоначально это не

могло выражаться открыто, как это не могли делать даже сами эстонцы, но проявлялось в форме поддержки демократических ценностей.

Было вполне естественно, что рождение Народного фронта в 1988 году «повело» за собой всех тех интеллектуалов города Тарту, которые совместно с единомышленниками подспудно «ковали» демократическую и интеллектуальную оппозицию. Если внимательно рассмотреть фотографии правления Народного фронта Эстонии, сделанные на первом съезде 1–2 октября 1988 года, то можно увидеть там активистов Тартуского Народного фронта Рэма Блюма, Евгения Голикова, Михаила Бронштейна и Рафика Григоряна, а также Юрия Лотмана (!), человека, который и сегодня является визитной карточкой Эстонии в мировом масштабе.

Конечно, в девяностых годах они все должны были разочароваться, поскольку их интеллектуальный потенциал не смогли (или, очевидно, даже не захотели) использовать в условиях возрожденного эстонского государства. Однако они не были единственными потерпевшими. На периферию и в оппозицию была определена вся «левизна». На самом деле, левизна, будучи особой формой проявления критического (скептического) мышления, присуща каждому серьезному интеллектуалу.

Однако эта потеря, – надеюсь, временная, не умаляет того, что они своими демократическими принципами, своей солидарностью и верностью дали Эстонии. Тем самым они вписали свои имена в книгу истории Эстонии точно так же, как и десятки их предшественников, чья судьба определила им родиться, жить и даже умереть в Эстонии.

Раньше или позже мы это поймем. Как известно, при «кипении» общества пена, подымавшаяся на поверхность, как правило, рассеивается, а осадок опускается на дно и остается истинное содержание, ценность которого не тускнеет.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭСТОНСКОЙ «ЛЕВО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ» ПУБЛИЦИСТИКЕ КОНЦА 1980-х – НАЧАЛА 1990-х гг.

Игорь Розенфельд

Для определенных идеологических течений в Эстонии характерно рассмотрение ее перехода к независимости в 1992 г. как результата главным образом чисто внутреннего национального движения. Между тем в эту концепцию не укладывается роль в данном процессе демократов разных национальностей как в московском центре, так и в самой Эстонии.

Отстаивая задачи демократизации советской системы на всех этапах бурного и противоречивого перестроечного процесса, русскоязычные демократы способствовали восстановлению национальной государственности Эстонии, стремясь к созданию ее демократических и лишенных конфронтации форм. Ярким политическим объединением демократов всех национальностей стал возникший весной 1988 г. Народный фронт Эстонии.

С самого начала перестройки в СССР (1987-91 гг.) национальный вопрос занял в эстонской публицистике одно из ведущих мест. Понятно, что он освещался и анализировался с самых различных позиций. В данном коротком обзоре мы попробуем на материале республиканских русскоязычных газет («Советской Эстонии», а также тартуских – «Вперед», «Тартуский курьер» и «Новая советская речь») рассмотреть некоторые аспекты того подхода к национальному вопросу в описываемый период, который мы называем *лево-демократическим*.

Лево-демократический подход к национальному вопросу мы отличаем от традиционно советского (сталинистского) и традиционного западного (консервативно-либерального)*.

* При рассмотрении обществ конца XX начала XXI веков использовались по существу два значения понятий «консерватизм» и «либерализм». Первоначальные значения данных понятий восходят к названиям английских политических партий XVIII–XIX вв. – консерваторов и либералов, означая сторонников «традиционного» и «реформированного» капитализма. Традиционная западная идеология в связи с этим получила название «консервативного либерализма» (см. напр., *Либеральный консерватизм*).

Если традиционно-советский подход рассматривал доперестроечный СССР как «осуществленную федерацию», а традиционный западный отстаивал идею возврата к дореволюционным вариантам национальных отношений, то лево-демократический подход исходил из идеи «положительной реформы» сложившейся в СССР системы – будь то идея создания «обновленной федерации» или постсоветского «лево-демократического пространства». Последнее предполагало многовариантную форму организации постсоветских республик.

Процесс «перестройки» в Эстонии мы (конечно, достаточно условно) делим на несколько этапов. Первый период – 1987-88 гг. – начало реформ; борьба происходит в основном на «идеологическом уровне», главным образом в прессе. Второй период – 1989-90 гг. – ускорение и обострение политических процессов, начало активных политических действий различных группировок, включая как Народный фронт, так и противостоящие ему силы: с одной стороны, созданное коммунистами-консерваторами (сталинистами) Интердвижение, с другой – различные объединения национал-радикалов. Третий период – 1991 г. – период острого кризиса перестройки, начало силовых акций – от событий в Прибалтике в январе 1991 г. до августовского путча и распада СССР в конце 1991 г.

На первом и даже втором этапе перестройки левые демократы отстаивали концепцию «обновленной федерации». В экономике этому соответствовала предложенная в сентябре 1987 г. концепция хозрасчета Эстонии, в политике – концепция нового Союзного договора, защищавшаяся с весны 1988 г. эстонскими и русскоязычными демократами – сторонниками Народного фронта. Русскоязычные демократы поддержали принятые в 1988 г. в Эстонии законы о языке, гражданстве и Декларацию о суверенитете Эстонии. Эта поддержка имела не только тактический, но и принципиальный характер. Принятие московским центром концепции «обновленной федерации» в 1987-89 гг. могло обеспечить эволюционное развитие имевшейся системы и со-

История и современность. М., Росспэн, 2001). Но эти же понятия стали затем применяться и к течениям в коммунистическом мире: советскими «консерваторами» назывались сторонники сохранения доперестроечной сталинской административно-командной системы, советскими «либералами» – сторонники реформирования этой системы. Понятно, что сходные названия и направление западных и советских политических течений не отменяют их существенных различий.

хранить союз входивших в СССР республик в его более современных формах. Такой путь был реальным на «первом» этапе перестройки, до середины–конца 1990 г., пока оттягивание важных решений М. Горбачевым и противодействие советских консерваторов (сталинистов) не закрыло его окончательно и не поставило прибалтийские республики, в том числе и Эстонию, поставить вопрос о выходе из СССР (что подтвердила Декларация независимости 1990 г.).

Поддержав Декларацию независимости, левые демократы прямо выступили сторонниками восстановления национальной государственности Эстонии. Они понимали, что игнорирование роли и значения национальной государственности для прибалтийских народов было одной из наиболее значительных ошибок «традиционного» коммунизма, обусловившей ряд серьезнейших его поражений. При этом они отстаивали «эволюционный», «левый» вариант восстановления национальной государственности, который означал «более мягкий» переход к постсоветской системе. Для левых демократов было важно, «с какой стороны» восстанавливается государственность Эстонии и какой общественный строй возникает в результате. Продвижение к национальной самостоятельности «справа», в национал-радикальном варианте, суживало национальную базу нового эстонского государства, навязывало конфронтационные сценарии в международных отношениях. Движение к независимости «слева», напротив, позволяло сохранить антитоталитарное единство демократов разных наций. В этом «более мягком» варианте правящие группировки новых национальных государств сохраняли позиции реформы сложившегося общества, а не его полного разрушения, что обеспечило бы «лево-демократический» вариант единства и развития постсоветского пространства.

Между тем сталинистские силы, провалившие идеи обновленной федерации на первом этапе перестройки, смогли в 1991 г. провалить и идею «левого» перехода к национальной государственности. Встав в начале 1991 г. на путь прямого насилия против сторонников реформ, они нанесли непоправимый удар «эволюционному» пути трансформации «реального социализма». В результате насильственных акций в начале 1991 г., а затем и августовского путча 1991 г. республикам бывшего СССР был навязан «правый», национал-радикальный вариант независимо-

сти, связанный с наиболее конфронтационными сценариями, в том числе и в национальном вопросе.

1. Лево-демократическая концепция национального вопроса на начальном этапе перестройки (1987-88 гг.). «Обновленная федерация»

Вопрос о том, какие изменения в национальных отношениях были необходимы для «перестройки» реального социализма, стал предметом обсуждения с первых же ее шагов.

Основная масса теорий на этом первоначальном этапе (1987-88 гг.) «стихийно» исходила из идеи реформы (а не разрушения) «реального социализма» – того общества, которое сложилось в СССР к концу 1980-х гг.

Для ряда теоретиков такая постановка вопроса была чисто тактической, для других – принципиальной. Целью лево-демократической концепции перестройки была «положительная» реформа имевшегося общества и его национальных отношений. Такая концепция с одной стороны отталкивалась от традиционно-советской трактовки доперестроечного СССР как «федерации» (фактически он представлял собой унитарное государство), с другой – от консервативной западной (национал-радикальной) концепции перемен, ставившей целью полное разрушение всех советских структур.

В Эстонии обсуждение вопросов преобразования советской системы было в сентябре 1987 г. начато концепцией ИМЕ – экономического хозрасчета Эстонии, то есть перевода ее как самостоятельной единицы на рыночные отношения в рамках СССР. (ИМЕ было сокращением термина «Isemajandav Eesti» – «хозрасчет Эстонии», но имело и второе значение – «чудо», которое отражало момент скептицизма эстонских интеллектуалов по поводу самой возможности реформ в СССР).

Предложение было сделано группой теоретиков, стоявших на различных позициях – от «либерально-коммунистических» (М. Титма) до национал-радикальных.

Позже – в основном с национал-радикальной стороны – стала подчеркиваться «тактическая» сторона предложения: мол, о самостоятельности Эстонии в рамках СССР говорили лишь постольку, поскольку нельзя было говорить об отделении от СССР.

Между тем в начальный период перестройки 1988-89 гг. (на протяжении первых двух и даже трех ее лет) этот путь был вполне реальным. Прибалтийские республики и Эстония в том числе были готовы на данном первоначальном этапе реформ принять идеи республиканского хозрасчета (ИМЕ) и нового Союзного договора, что могло бы создать в данном регионе относительно самостоятельную экономическую систему. (Напомним, что в 1988 г. 87% экономики республики управлялось союзными ведомствами, и только 13% – самой республикой). В конце 1990-х гг. появился пример свободной экономической зоны Гонконга в Китае, который оказался вполне совместимым даже с однопартийно-коммунистической структурой Китая. К такому пути в начале своего развития тяготел и Народный фронт Эстонии, что подтверждают документы его первого съезда ноября 1988 г. Вообще, ранняя народофронтская теория перестройки ставила на первое место *общедемократические* антитоталитарные задачи по сравнению с чисто национальными, что также было важным фактором единства демократов разных национальностей.

Концепция ИМЕ (и в целом концепция «обновленной федерации»), как представляется, предложила верный, эволюционный (и вполне реальный) путь преобразования национальных отношений в СССР. Однако этот путь требовал соответствующей политики московского центра, проводить которую горбачевское руководство оказалось не в состоянии. Ни концепция ИМЕ, ни предложение нового Союзного договора не встретили понимания в московском центре; консервативно-советскими силами «предложение четырех» было обозначено как «сепаратизм и авантюризм». Причина такой ошибочной оценки заключалась в том, что горбачевское руководство не имело реальной теории сложившейся в СССР системы национальных отношений, фактически сохраняя старое понимание унитаристской системы как «федерации», что и привело национальную политику перестройки к краху.

Новая, «перестроечная» концепция реформы советских национальных отношений между тем только начинала формироваться. Одной из ее основ стала критика сложившейся в СССР «сталинской» модели национального устройства с опорой на поздние работы Ленина. Была обнаружена связь сложившейся в СССР к концу 1980-х гг. системы отношений республик и цент-

ра со сталинской грубо-централистской моделью «автономизации», подвергнутой критике в работе Ленина «К вопросу о национальностях или об автономизации» (1922). Данной сталинской модели противопоставлялась идея «подлинной федерации», обоснование которой виделось именно в поздних ленинских работах.

Из опубликованных в Москве исследований данного направления можно упомянуть, например, статью Н.Перепелкиной, Г.Шкаратана и др. (*Коммунист*, 1989, ¹ 5, с. 15–88) в которой советская федерация справедливо трактовалась как «бюрократический централизм».

Аналогичные мысли развивали и демократы в Эстонии. Как писал в мае 1989 г. один из основателей эстонского Народного фронта Р.Н. Блюм, «ленинская идея федерации нашла свое, хотя и неполное выражение лишь в первые годы создания СССР. ...Политическая система, сложившаяся в стране в сталинский и застойный период, фактически предала забвению принципы Союзного договора 1922 г. и соответствующие положения конституции СССР. Цель коренной реформы национальных и межнациональных отношений – создание цивилизованного федеративного государства равноправных, суверенных, свободных народов, которое могло бы эффективнее использовать преимущества объединения региональной, союзно-республиканской самоуправляющейся экономики...» (*Р.Блюм. Состояние межнациональных отношений в Советском Союзе в настоящее время. – Тартуский курьер*, 1989, ¹ 7, с. 7)

Об этом писал также, например, Х.Вайну, который рассматривал в качестве альтернативы имеющемуся национальному устройству «восстановление в полном объеме ленинской национальной политики. Причем руководствоваться здесь следует, как и в других областях общественной жизни, прежде всего последними работами Ленина». (*Х.Вайну. Эстония – узел межнациональных противоречий. Сб. статей. Таллинн, Олион*, 1990, с. 33, а также с. 40, 43, 62).

Ряд понятий новой концепции советской федерации складывался под влиянием югославской модели национальных отношений, пытавшейся уже в 1950-60-е гг. порвать со «сталинизмом» и выработать альтернативную «социалистическую» теорию национальных отношений. Как и сторонники югославской

федерации, перестроечные авторы в Эстонии характеризовали традиционную советскую (сталинскую) систему национального устройства как «унитаристскую» (см. напр., «*круглый стол*» *События в Прибалтике, истоки и уроки. – Советская Эстония, 29 января 1991*).

Сторонники «положительных» реформ реального социализма на протяжении всего перестроечного периода вели полемику с советскими консерваторами-сталинистами (позже – Интердвижением), отстаивавшими указанную унитаристскую концепцию национального устройства и практически исходившими из *шовинистического* понимания «интернационализма». Однако попытка сформулировать новую концепцию национальных отношений не встретила никакой поддержки у горбачевского руководства.

В некоторых своих выступлениях начала 1990 г. (уже после безрезультатного сентябрьского 1989 г. пленума ЦК КПСС по национальному вопросу) Горбачев начинает использовать лево-демократическую терминологию. Так, в январе 1990 г. в интервью газете «Правда» он заявляет, что суть современного «ответственного и труднейшего периода» в СССР – «окончательный отказ от сталинской модели федерации, в которой декларировалась федеративность, а насаждалась унитарность». (*Союз можно было сохранить. Белая книга. М., Апрель, 1995, с. 88.*) Однако такие отдельные заявления оказывались единичными и случайными, они перечеркивались реальной политикой того же Горбачева – фактической поддержкой тех, кто рассматривал существующую советскую систему как «федерацию». Главные «окологорбачевские» теоретики национального вопроса вплоть до падения СССР практически оставались на классических сталинистских (то есть унитаристских) позициях в национальном вопросе.

Эту позицию в Эстонии отстаивали посланцы московского центра – от прибывшего в 1989 г. в Тарту представителя ЦК КПСС Ю.В. Панкова до широкого спектра политиков «интердвиженского» направления. Данная позиция, как представляется, стала одной из важных причин неудач горбачевской национальной политики и поражения перестройки в целом.

В то же время перестроечные процессы в СССР столкнулись с серьезным противодействием консервативных (сталинистских)

сил, недовольных уже первыми шагами реформ. Один из первых серьезных кризисов перестройки был связан с публикацией в марте 1987 г. статьи Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», за которой стояла попытка поборников административно-командной системы свернуть политику «гласности». Противдействие советских традиционалистов переменам потребовало создания политической организации давления на административно-командные структуры. Такой организацией стали Народные фронты, получившие первое активное развитие именно в Прибалтике (в Эстонии – с апреля 1988 г.), а затем воспринятые почти всеми республикам Союза, включая РСФСР.

Движение Народного фронта стало важным этапом в развитии теории национального вопроса в Эстонии – в том числе и лево-демократической концепции.

С самого начала своего возникновения Народный фронт понимался по-разному различными политическими направлениями. Советские консерваторы (сталинисты) рассматривали его (подобно аналогичным объединениям в других республиках впоследствии) как организацию «сепаратистскую и националистическую». Так же трактовали его и национал-радикалы, но с положительным знаком. Между тем сформулированная в начале 1988 г. «шестидесятниками» идея Народного фронта первоначально не имела чисто национального характера. Народный фронт понимался как интернациональное «антисталинистское» (антитоталитарное) движение, призванное решать задачи демократизации в республиках и СССР в целом в интересах всех наций (см. *И. Розенфельд. Народный фронт: Мифы и реальность. – Общественные науки, 1989, 1 3*).

Идея создания Народного фронта возникла в Москве в период уже упомянутого выступления консервативных сил, начатого публикацией статьи Н. Андреевой. По-видимому, впервые это предложение было высказано в марте 1988 г. на «круглом столе» сторонников реформ в журнале «Огонек» (об этом см. *Р. Григорян. Неизвестные страницы «поющей революции». – Настоящий сб., с. 167*). Интересно, что одним из авторов предложения о создании Народного фронта стал Б. Курашвили, позже, в 1990-е г., перешедший на зюганистские и откровенно сталинистские позиции.

Для первых авторов идеи Народного фронта в поддержку перестройки были важны аналогии с Народными фронтами стран

реального социализма в Европе, а также, возможно, аллюзии нового движения с Народным фронтом эпохи гражданской войны в Испании 1930-х гг.

13 апреля 1988 г. по Эстонскому телевидению прозвучал призыв Э.Сависаара к созданию Народного фронта Эстонии. Этот призыв получил широкий отклик в республике – в учреждениях и на предприятиях начали создаваться группы поддержки. Вскоре количество этих групп в республике стало весьма значительным. Уже в мае-июне 1988 г. эстонский Народный фронт представлял собой серьезную политическую силу. Так впервые высказанная в Москве идея Народного фронта получила реализацию в Прибалтике, и прежде всего в Эстонии.

Именно эстонский Народный фронт на начальном этапе его развития как в организационном, так и в идеологическом смысле стал одним из наиболее интересных движений эпохи перестройки. На этом этапе в нем соединялась как «национальная» линия сторонников независимости Эстонии, так и общедемократическая линия, представленная «шестидесятниками» (Р.Блум), выдвигавшими идеи реформы реального социализма. Национал-радикальная линия, представленная шире, например, в движении литовского «Саюдиса», в эстонском Народном фронте начального периода не играла определяющей роли. В основе идеологии этого периода Народного фронта были преимущественно лево-демократические идеи «положительного» преобразования советской системы. Поэтому начальные идеи Народного фронта получили поддержку и русскоязычного населения, что позже выразилось и в создании русской (русскоязычной) секции Народного фронта Эстонии в ноябре 1988 г.

Для традиционно-коммунистической (сталинистской) идеологии с самого возникновения Народного фронта Эстонии и вплоть до настоящего времени характерно непонимание роли данного движения, как и Народных фронтов других республик, отождествление их идей с национал-радикализмом. Советскими традиционалистами до сих пор критикуется «антиперестречная, националистическая направленность народных фронтов» (*Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., Росспэн. 1995, с. 299*). По мнению поборников административно-командного социализма, Народный фронт «занял откровенно национал-сепаратистскую позицию» (*там же, с. 298*).

Такое отождествление идеологии Народных фронтов с национал-радикализмом было характерно в «перестроечное» время (как и до сих пор) для значительной части функционеров в Москве, в особенности связанных с «силовыми» структурами. По сообщению А.Соколова, «весной 1988 г. председатель КГБ В.Чебриков дал указание начальнику информационно-аналитического управления ПГУ (первого главного управления КГБ) генералу Николаю Леонову выехать в три прибалтийские республики и собрать информацию о реальной политической обстановке... Три недели ушло для детального изучения... По возвращении было доложено, что новые общественно-политические структуры вроде «Саюдиса», Народных фронтов ставят цель полного отрыва от Советского Союза, восстановление буржуазных порядков. Были даны конкретные предложения по возможному решению этих вопросов» (*А.Соколов. «Суперкрот» ЦРУ в КГБ. М., Вымпел. 1999, с. 275–276*).

Можно не сомневаться в характере данных предложений – речь, очевидно, шла о силовом подавлении «неформалов».

Иную оценку Народным фронтам дал Александр Яковлев, посетивший Прибалтику вскоре после Н.Леонова. По мнению А.Яковлева, Народные фронты 1988 г. были ориентированы на поддержку перестройки.

Данное мнение А.Яковлева стало причиной резких нападок на него советских консерваторов. Упомянувшийся генерал Н.Леонов в 1988 г. и позже (как, впрочем, и целый ряд других представителей данного идеологического направления) рассматривал это мнение как «совершенно неадекватную реальности картину» и обвинял Яковлева в сознательной дезинформации Горбачева и прочих грехах, вплоть до работы на западные спецслужбы (*Н.Леонов. Лихолетье. М., Terra. 1997, с. 271*).

Несмотря на воинственные призывы сторонников сохранения административно-командной системы, М.Горбачев в 1988 г. не пошел на репрессии против Народных фронтов. Таким образом, весной 1988 г. сторонники перемен в московском центре смогли не допустить силовых акций против реформистского движения в Прибалтике. Эта позиция и до сих пор ставится Горбачеву и Яковлеву в вину советскими консерваторами (сталинистами). Горбачевская команда обвиняется ими в «лукавой дискуссии» по поводу Народных фронтов и в фактическом «патронаже» над

Народными фронтами. Автор статьи о перестройке в сборнике «Власть и оппозиция» заявляет, что «даже год спустя после эстонского вызова высшее партийное руководство продолжало свой патронаж над Народными фронтами, держась за миф об этих общественных новообразованиях как «движениях за перестройку». (*Власть и оппозиция*, с. 298.) Интердвижение рассматривается этим же автором как «реакция самозащиты русскоязычного населения» (*там же*).

Противники репрессий против Народных фронтов, в том числе и Народного фронта Эстонии, до сих пор обвиняются советскими традиционалистами в «дестабилизации» положения в СССР. Как заявляет уже упоминавшийся автор, роль А.Яковлева и его «леворадикального крыла» «в дестабилизации положения в Прибалтике впервые остро будет обсуждаться коммунистами двумя годами позже, на XXVIII съезде КПСС» (*там же*, с. 298–299). Стабильность с точки зрения советских сталинистов следовало сохранить путем насилия. Арест комитета «Карабах» в Армении понимается как попытка властей «сдерживать антисоветские, национал-сепаратистские настроения» (*Власть и оппозиция*, с. 307). Направлением «стабильности» у авторов данного типа (сегодня часто «критиков коммунизма» с национал-имперских позиций) фактически оказывается провозглашенная в марте 1988 г. позиция Нины Андреевой.

Между тем помешать подъему реформистских сил в начальный период перемен консерваторам не удалось. С весны до осени 1988 г. Народный фронт Эстонии усиливал свою активность; 1–2 октября 1988 г. состоялся его первый Конгресс.

В документах Конгресса нашли отражение идеи обновленной федерации. Народный фронт на этом этапе не ставил вопроса о выходе Эстонии из СССР, выдвигалось предложение нового союзного договора (*Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного Фронта Эстонии 1–2 октября 1988. Таллинн, Периодика. 1989, с. 194*). Наиболее радикальным из тогдашних призывов Народного фронта был призыв к преобразованию СССР в союз государств – конфедерацию (*цит. сб., с. 216*).

Эстонское партийное руководство с июня 1988 г. (после замены К.Вайно на В.Вяляса) заняло позицию перемен. В.Вяляс поддержал и предложенную Народным фронтом концепцию ре-

формы отношений республик и центра. Были внесены изменения в законодательство республики. Верховный Совет Эстонии (председатель президиума – А.Рюйтель) принял Закон о языке (январь 1989 г.), затем Закон о гражданстве. Русскоязычная интеллигенция Эстонии поддержала эти законы – см., например, письмо Ю.М. Лотмана в защиту Закона о языке. (*Советская Эстония, 21 ноября 1990.*)

Важным политическим актом этого периода стало принятие 16 ноября 1988 г. Верховным Советом ЭССР Декларации о суверенитете республики.

Смысл Декларации о суверенитете Эстонии не был понят горбачевским руководством и центральной советской прессой – она ошибочно трактовалась унитаристами как декларация отделения от СССР. (Собственно, Декларация о суверенитете была спутана с позднейшей Декларацией независимости 1990 г.) На самом деле в Декларации о суверенитете речь шла об отрицании сталинского централизма, о призыве к новым национальным отношениям «реального социализма», строящимся на основе подлинного федерализма.

Этот момент следует оговорить особо, поскольку авторы сталинистского толка (В.Крючков и др.) до сих пор трактуют подобные декларации как покушение на якобы существовавшую «федерацию» и, следовательно, как первый шаг к распаду СССР.

В полемике с советскими консерваторами сторонники реформ уже в конце 1980-х гг. доказывали, что *«Декларация о суверенитете, как и закон о языке и гражданстве, вовсе не покушается на союз и не ставит вопрос о выходе из союза, но требует равноправных (а не централистски-бюрократических!) отношений между республиками и центром».. «Не номинальной, а реальной федерации в рамках административно-приказной сталинско-брежневской системы никогда не существовало. Ведь в рамках этой системы отношения республик и центра строились по принципу бюрократического централизма. Защищая старую систему, деятели ИД стоят вовсе не на позиции советской федерации, как они хотят убедить своих слушателей, а на позициях сталинской автономизации».. (И.Розенфельд. За какой социализм борется Интердвижение? – Вперед, 6 мая 1989)*

Интересно, что аналогичные оценки декларациям о суверенитете целого ряда республик СССР позже были даны и известными учеными-юристами в Московском институте государства и права. По словам академика В.Кудрявцева, «декларации выражают решимость создать демократические правовые государства в составе обновленного Союза ССР» (*Кудрявцев В. Декларации о суверенитете и Новый союзный договор. – В сб. Новый союзный договор. Поиски решений. М., Ин-т гос-ва и права, 1990, с. 3*). Однако данная позиция юристов была сформулирована слишком поздно – предпринятая после силовых акций начала 1991 г. горбачевская попытка воссоздания модели «нового союзного договора» закончилась неудачей.

Итак, уже на первом этапе реформ в Эстонии как в публицистике, так и на уровне республиканского законодательства были сформулированы основные задачи «позитивного» реформирования Союза – переход республик к экономическому хозрасчету и создание «обновленной федерации». Эти задачи поддерживали и депутаты от Эстонии в Верховном Совете СССР, позже участвовавшие в Межрегиональной депутатской группе (В.Пальм, М.Бронштейн и др.). «С чем мы шли в высший союзный орган власти? – вспоминает М.Бронштейн. – Хозрасчетная Эстония и обновленный Союзный договор с учетом принятой Верховным Советом ЭССР в ноябре 1988 г. Декларации о суверенитете» (см. *наст. сб., с. 198*).

Подлинно «центристскую», лево-демократическую линию реформ и действительной «перестройки» в СССР выражали, таким образом, умеренные элементы Народных фронтов и реформистские силы в республиканских компартиях. Они вели борьбу на два фронта – с советскими консерваторами-сталинистами, с одной стороны, и с национал-радикалами, сторонниками тотальной «реституции» и полного разрушения советских структур, с другой.

Понятно, что идея экономического хозрасчета Эстонии предполагала глубокую рыночную реформу всего СССР, на которую Горбачев так и не решился.

В национальном вопросе лево-демократическая линия означала создание «обновленной федерации». Была ли идея «обновленной федерации» утопической в принципе? Думается, – нет. Если бы московский центр и Горбачев пусть не в 1988 или в

1989, а хотя бы в 1990 году решились бы на действительные реформы, сделали шаги в сторону большей самостоятельности республик, оформив это в новом Союзном договоре, – то можно считать с большой долей вероятности, что Союз был бы сохранен. Прибалтийские государства, вероятно, при этом так или иначе получили бы самостоятельность, однако сценарий «отделения» в случае своевременного создания самостоятельной хозрасчетной зоны в Прибалтике мог произойти значительно мягче – в «левом», а не в «правом», чреватом острыми конфликтами варианте.

Но московский центр не откликнулся на эстонские инициативы, эти инициативы не были восприняты горбачевским руководством, влияние советских консерваторов-сталинистов на которое – в том числе и в национальном вопросе – оставалось чрезвычайно сильным. Вопрос о Союзном договоре, слишком долго откладывавшийся, так и не был решен Москвой; время было упущено. Не была поддержана и идея республиканского хозрасчета. Центром был принят половинчатый «план Маслюкова» (об этом см., например: *Х.Вайну, цит. соч. с. 81–82*). Даже наиболее умеренные предложения Прибалтийских республик рассматривались центральной прессой и центральными властями как «проявления национализма и сепаратизма».

Выдвигая задачи «борьбы с национализмом», подводя под «национализм» даже весьма умеренные проявления самостоятельности республик, московский центр продолжал в основных вопросах, в том числе и национальном, оставаться на позициях консервативно-сталинистских и шовинистических, вскоре нашедших свое яркое выражение в документах и политике «интерфронтов». Их основой был ложный тезис, что сложившаяся к 1980 г. сталинская унитаристская система отношений республик и центра и есть «социалистическая федерация». Горбачевское руководство не смогло отмежеваться от данных консервативных (сталинистских) сил и поэтому оказалось не способным к действительному и радикальному преобразованию национальных отношений как в СССР в целом, так и отношений с Прибалтийскими республиками в частности. Тем самым это руководство оказалось неспособным решать нараставшие в СССР конфликты, что в конечном счете обусловило распад Союза и победу в республиках крайних национал-радикальных сил.

Можно сказать и более резко: в конкретной ситуации конца 1980-х гг. – ситуации противостояния двух систем и необходимости реформ в СССР – политика поборников административно-командной системы сыграла крайне негативную роль в процессе перемен, а после августовского путча фактически стала главным фактором распада СССР.

2. Лево-демократическая концепция национального вопроса в период кризиса перестройки 1989-90 гг.

Идеи «лево-демократической» реформы национального устройства СССР были таким образом в основном сформулированы в Эстонии еще в самом начале перестройки – в 1987-88 гг. Они были поддержаны эстонским Народным фронтом и даже основной частью эстонской компартии (КПЭ), хотя и не получили поддержки московского центра, обладавшего реальной властью и ресурсами.

Тем временем развязанные снятием запретов процессы в СССР и Прибалтике разворачивались все шире и глубже; постепенно борьба различных течений перешла с идеологического на политический уровень. Вторым периодом перестройки в Эстонии можно считать время 1989-90 гг., когда на политической сцене появился весь спектр реальных противоборствующих политических сил и развернулось их реальное противостояние.

Задачей образованного весной 1988 г. Народного фронта первоначально было давление на консервативные партийно-государственные структуры с целью проведения реформ. Однако вскоре на эстонской политической сцене появились и иные силы.

Активные действия Народного фронта Эстонии заставили активизироваться и советских консерваторов-сталинистов. Вслед за первыми шагами Народного фронта весной-летом 1988 г. в июле-августе того же года появилось т.н. Интердвижение. 16 августа 1988 г. состоялась его первая «конференция уполномоченных» (*Молодежь Эстонии, 11, 19 августа 1988 г.*). Съезд Интердвижения Эстонии состоялся в марте 1989 г. (*Материалы в газете Советская Эстония, 12–13 марта 1989 г.*) Впоследствии сходные движения были созданы и в других республиках.

В своей книге «Личное дело», переизданной в 2003 г., последний председатель КГБ Виктор Крючков спорит с утверждением Вадима Бакатина, что «комитет госбезопасности стоял у

истоков создания Интернациональных фронтов в союзных республиках, проявлявших строптивость в отношении с центром» (В.Бакатин. *Избавление от КГБ. М., Новости, 1992, с. 49*). По словам В.Крючкова, это утверждение «взято с потолка. Интернациональные фронты – порождение, проявление инициативы самих масс, результат их поиска форм борьбы с национализмом, сепаратизмом, за сохранение союза, да просто за выживание иноязычного населения» (В.Крючков. *Личное дело. М., Эксмо, 2003, с. 473*).

Между тем связь консервативных сил СССР и КГБ с интерфронтами известна достоверно и детально. В.Крючков отрицает эту известную всем и ему лично связь с заставляющей задуматься легкостью. (Чем не «сталинистское лукавство»?) Если считать «интерфронты» просто «проявлением инициативы масс», то точно так же может трактоваться любая из возникших структур эпохи перестройки – да и вообще любые политические группировки всех времен. Разумеется, «интерфронты» были политической структурой, сформированной консервативными силами административно-командной системы с целью ее защиты.

Помимо Интердвижения, советскими консерваторами были созданы в Эстонии и другие организации – в частности, «Совет директоров» и «Объединенный союз трудовых коллективов» (ОСТК), призванные блокировать процессы перемен. Эти структуры пользовались полной поддержкой московского центра и опирались на его ресурсы. Им противостоял близкий к Народному фронту «Совет трудовых коллективов» (СТК).

Стремление демократов Эстонии – в том числе и русскоязычных – к обновленной федерации сталинисты приняли за призыв к отделению от СССР. В своих документах Интердвижение отстаивало интересы старой административно-командной системы, критиковало принятые в Эстонии новые законы о гражданстве, языке, как и Декларацию о суверенитете. Советские традиционалисты не понимали, что «обновленная федерация», принятие Союзного договора было единственным шансом реформы бюрократическо-централистской системы СССР, единственным шансом выживания союзного государства. Противодействуя этому, Интердвижение на деле отстаивало мнимый, шовинистический интернационализм административно-командной системы и в конечном счете вело к краху СССР.

Интердвижение было определено левыми демократами как сталинистское течение; полемика с его сторонниками продолжалась до самого конца перестройки в Эстонии. Можно сказать, учитывая поток так называемой «патриотической» литературы в современной России, что эта полемика не закончена и до настоящего времени.

«Очевидно, что ИД является консервативным движением. В его документах происходит грубое смещение оценок. Вместо критики тех, кто вообще не видит в социализме никакого смысла (а их сейчас немало), ИД резко и крикливо критикует все сколько-нибудь значительные шаги по обновлению социализма в Эстонии,.. тем самым оказывается ...на позициях административно-бюрократического социализма, ломку которого поставила своей задачей перестройка в Союзе в целом.

Поэтому возникает убеждение, что движение к консолидации с эстонским населением русскоязычной части на предлагаемой ИД платформе принципиально невозможно. Основой консолидации может быть лишь программа перестройки, соответствующая первоначальной платформе Народного фронта и программе XI пленума КПЭ. Эту платформу отстаивает (несмотря на определенные тенденции ее право-национального пересмотра некоторыми деятелями НФ) русская секция Народного фронта.»

(И.Розенфельд. За какой социализм борется интердвижение? – Вперед, 6 мая 1989)

В ноябре 1988 г. оформилась русская (русскоязычная) секция Народного фронта Эстонии под руководством Р.Н. Блюма. Создание секции происходило не без колебаний, поскольку ряд участников, в том числе Р.Н. Блюм, считали важным интернациональное единство Народного фронта. Цель секции была – помочь русскоязычному населению понять идеи Народного фронта; также стояла задача противостояния национал-радикализму, начинавшему распространяться в Народном фронте. Консервативно-советские силы между тем не видели никаких различий между идеологией Народных фронтов и национал-радикализмом, обвиняя по этой причине русскую секцию Народного фронта в сотрудничестве с национал-радикалами.

Выступления национальных движений в республиках весны и лета 1989 г. показали острую необходимость реформирования национальных отношений в СССР.

9 апреля 1989 г. горбачевское руководство применило силу против демонстрантов в Тбилиси, совершив одну из первых серьезных ошибок в отношениях с республиками. За этим последовали ошибки в отношении конфликта Армении и Азербайджана.

С мая по август постепенно усиливается национальное движение в Прибалтике. В мае собирается Ассамблея Народных фронтов Прибалтики, 23 августа 1989 г., в 50-ю годовщину пакта СССР и Германии, строится «балтийская цепочка».

Важным этапом демократизации политической системы СССР становится I съезд народных депутатов Верховного Совета СССР. В конце июля 1989 г. в Москве на съезде была образована Межрегиональная депутатская группа, в которую входили и депутаты из Эстонии. Одним из сопредседателей группы стал тартуский ученый-химик Виктор Пальм. Первоначально основной позицией эстонских депутатов (в отличие от более национал-радикально настроенных литовских) была концепция «обновленной федерации». Депутаты СССР демократического направления сыграли важную роль в формировании нового отношения к проблемам Прибалтики.

События весны–лета 1989 г. показали насущную необходимость формулировки и реализации новой «перестроечной» концепции национальных отношений. В Москве был сделан, казалось бы, ряд шагов в этом направлении – на осень запланирован пленум ЦК КПСС по национальным отношениям, перед ним должно было быть проведено несколько «предварительных» мероприятий.

В феврале 1989 г. состоялась встреча за «круглым столом» в редакции журнала «Вопросы истории КПСС». От Эстонии на нем присутствовали К.Таммисту, Е.Голиков и Р.Григорян. Однако мнение сторонников реформ на нем не нашло никакой поддержки (*Вопросы истории КПСС, 1989, с. 18–43*).

4–6 июля 1989 г. в московском Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялся еще один более широкий «круглый стол» по национальным проблемам – «Социально-политические проблемы межнациональных отношений в СССР: теория и практика». В его работе участвовали почти 500 человек,

среди которых были ученые и политические деятели как из России, так и из других республик Союза. Совещание, казалось бы, давало шанс выработке новой концепции реформирования национальных отношений в СССР. Однако уже в подборе московскими организаторами совещания его участников в полной мере сказалась консервативная тенденция – из Эстонии, например, были приглашены только лидеры Интердвижения: В.Яровой, С.Петин, А.Горячева, А.Сай. Только после протеста Эстонской компартии (М.Титма) у «круглого стола» появилась «альтернативная» группа сторонников реформ из Эстонии – К.Халлик, Е.Голиков, Р.Григорян (*Вопросы ист. КПСС, 1989, 1 9, с. 18–43, см. Р.Григорян, наст. сб., с. 185–186*).

Представители Эстонии отстаивали позицию реформ.

«В целях демократизации советской федерации, – говорил Р.Григорян, – представляется необходимым:

1. Разработать и принять новый Союзный договор, регулирующий взаимоотношения между республиками на современном этапе.

2. СССР – это открытый Союз суверенных и равноправных республик. С точки зрения создания правового союзного государства, мы должны определить условия вхождения и выхода из союза.

3. Определить компетенции союзных и автономных республик.

4. Перевести республики на хозяйственный расчет, рассматривая это как экономическую основу суверенитета» (Р.Григорян. У нас не работает механизм регулирования межнациональных отношений. – Вперед, 15 августа 1989 г.).

Однако основному составу участников совещания оказалась ближе традиционная трактовка советского унитаризма как «уже осуществленной» федерации. Таковой была точка зрения Интердвижения, которую в Москве отстаивал, в частности, А.Сай (*там же*). Помимо заявления своей (заметим, остававшейся преобладающей на союзном уровне) позиции сторонники Интердвижения на этом же круглом столе в Москве призывали к введению «особой формы правления на период вплоть до разрешения конфликта» (*там же*). Уже летом 1989 г. консервативные силы таким образом стремились к насильственному прерыванию процессов реформ.

Июльский «круглый стол» был одним из важных подготовительных этапов к пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу, который должен был определить стратегию горбачевской перестройки в национальном вопросе. Между тем московский центр оказался неспособным к выработке и проведению в жизнь такой стратегии.

В горбачевском Политбюро летом 1989 г. сторонники реформ оставались в явном меньшинстве. Э.Шеварднадзе в эти дни заявлял, что в имеющихся документах «поставлен вопрос о преобразовании советской федерации. Но что понимается под преобразованием – не разъяснено. Если бы мы просто сказали о преобразовании 2 года назад, это было бы интересно. А сейчас это уже банально» (*Союз можно было сохранить. Белая книга. М., Апрель, 1995, с. 62*).

Между тем ясной концепции «преобразования» у горбачевского руководства не было. Не проявили ее и совещания с руководителями республик накануне пленума – 13 сентября 1989 г. была проведена встреча Горбачева, Медведева и Разумовского с руководителями Прибалтийских республик.

19 сентября 1989 г. состоялся пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, от которого ждали новых решений уже заявивших о себе острых проблем. Платформа компартии Эстонии, проект которой был опубликован еще 27 июня 1989 г., основывалась на концепции «обновленной федерации» – республиканского хозрасчета и суверенитета Эстонии. Однако предложения Эстонской компартии были полностью отвергнуты. Результаты сентябрьского 1989 г. пленума ЦК КПСС показали полное преобладание в московском центре сталинистских сил административно-командного централизма, неспособность горбачевского руководства отмежеваться от этих сил, трезво оценить национальные отношения в СССР и перспективы их развития.

Примером того, как «на высшем уровне» рассматривались вопросы реформ национальных отношений в СССР, может быть обсуждение 9 ноября 1989 г. на Политбюро вопроса «о переводе на хозяйственный расчет Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии» (*Союз можно было сохранить. Белая книга. М., Апрель, 1995, с. 75*).

Ряд выступлений (Ситарян, Павлов) был выдержан в традиционном административно-командном ключе. Сторонники

«жесткой линии» заявляли, что «компромисса с Прибалтикой нет и не будет» (*там же*, с. 76). «Может быть, – задает вопрос М. Горбачев, – выработать какой-то проект республиканского хозрасчета?» Но вопрос повисает в воздухе и остается чисто риторическим: назначенная «комиссия» – Слюньков, Воротников, Лукьянов, Усманходжаев, Гиренко, Ситарян, Павлов, Нишанов (*цит. соч.*, с. 77) – не только не была способна выработать проект хозрасчета для Прибалтийских республик, но могла лишь провалить его. Все деятели комиссии стояли на административно-командных позициях. В. Павлова позднее эти позиции привели к грубым антирыночным акциям 1990-91 гг., а затем – в состав путчистов августа 1991. Понятно, что никакого положительного результата работа «комиссии по хозрасчету» не имела.

В данном эпизоде – попытке обсуждения вопроса республиканского хозрасчета – видна «механика» горбачевского стиля реформ, приводящего к неизбежному краху: сочетание благих пожеланий, неподходящих сотрудников, отсутствие понимания верного направления и отсюда – политической воли для реализации верного решения.

Таким образом, обсуждение вопросов реформы советских национальных отношений осенью 1989 г. окончилось безрезультатно. Это оказало крайне отрицательное влияние на весь последующий ход советской перестройки. Не имея «новой» концепции реформы Союза, Горбачев не смог сделать вовремя необходимые для реформ политические шаги. Уже через год принятые им «постфактум» решения и предпринятые «вдогонку» попытки догнать «поезд национальных процессов» в СССР не могли изменить негативного и «катастрофического» развития этих процессов.

Между тем на политической сцене в Прибалтийских республиках все активнее заявляла о себе «третья» сила – консервативно-либеральные группировки (национал-радикалы), сторонники разрушения советской системы и возвращения к традиционному капитализму. Наиболее известной из них в тот период была Партия национальной независимости (ПННЭ-RSP–Rahvusliku sõtumatuse partei), основанная 21 августа 1988 г. (в годовщину подписания пакта Молотова–Риббентропа). Через год, 24 февраля 1989 г., Партия национальной независимости, Христианский союз и Общество охраны памятников старины

выступили с призывом создания Комитетов граждан Эстонии, которое началось в конце марта 1989 г.

Национал-радикалов характеризовала определенная идеология, – в том числе отрицание каких-либо достижений советского периода и идеализация довоенной Эстонской Республики. В этой идеологии в зародыше был заложен право-национальный вариант восстановления независимости, чреватый серьезными экономическими, социальными и национальными конфликтами.

Движение Комитетов граждан Эстонской Республики вначале формировалось на базе структур Народного фронта, затем начало приобретать все более самостоятельный характер. Начались и выступления национал-радикалов в прессе – первоначально как «идеалистов». Например, Пеэтер Олеск, критик Народного фронта с национал-радикальных позиций, считал народофронтовцев «прагматиками» (см. *TRÜ, 7 апреля 1989*). В начале февраля 1989 г. вышел номер газеты «Тартуский университет» (*TRÜ*) эстонского студенческого общества, выдержанный в национал-радикальном ключе (*TRÜ, 10 февраля 1989*). В числе его авторов был ряд будущих «радикальных» политиков, уверенных, что путь национальной идеи делает их врагом иных наций. Идеи восстановления первой республики соединялись в нем с национальной нетерпимостью и антирусскими настроениями. Можно сказать, что особенности позднейшего национал-радикализма Эстонии проявились уже в этом номере газеты.

Тартуские члены Народного фронта (Р.Блюм, Ю.Таммару и др.) подвергли критике данное выступление, как и вообще направление национал-радикализма. М.Лауристин практически выступила в его защиту.

Требовалась более развернутая критика этого течения с народофронтских позиций. Такая критика показывала сходство аргументации национал-радикалов с точкой зрения шовинистов в России (*И.Розенфельд. Национальная идея и новые вапсы. – Советская Эстония, 28 марта 1989*).

Национал-радикальная позиция в национальном вопросешла свое выражение в высказываниях народного депутата СССР Т.Маде по поводу «инородцев». В июле 1989 г. 28 народных депутатов Верховного Совета СССР от Эстонии выступили с критикой данного выступления Т.Маде как «направленного на разжигание национальной розни». (*Вперед, 12 августа 1989; Тартуский курьер, 1–15 августа 1989, 1 3*)

Отрицательная роль национал-радикализма в процессе реформ заключалась в том, что, заявляя с одной стороны о «более жесткой» позиции в отношении независимости Эстонии, с другой он фактически призывал к столь же жесткому нажиму на «иногородцев». Тем самым национал-радикалы отталкивали русскоязычное население от поддержки реформ. Это, безусловно, играло на руку московским поборникам административно-командного централизма и Интердвижению Эстонии, которые изначально не видели никаких отличий в национальных концепциях Народного фронта и правого национал-радикализма, фактически полностью отождествляя эти течения.

Критика национал-радикализма была тем более необходимой, что, как мало кто в тот момент догадывался, через несколько лет, после 1992 года, ряд его представителей (в том числе и авторов упоминавшегося сборника) смогут применить свои идеи на практике.

Заметим, что таллиннская русская пресса охотно публиковала статьи с критикой национал-радикалов, значительно сдержаннее – статьи с критикой Интердвижения (целый ряд таких статей в 1990-91 гг. не был опубликован). В Эстонской Республике начала 1990-х гг. положение изменилось «с точностью до наоборот» – со страниц эстонской печати точно так же исчезла критика национал-радикализма.

В то время как горбачевское руководство в Москве действовало по принципу «шаг вперед, два шага назад», позволяя консервативно-советским силам блокировать процессы реформ, национал-радикалы (в том числе и эстонские) постоянно усиливались. В Эстонии ими был проведен целый ряд политических акций – от «несанкционированного» сноса советских памятников до митингов по случаю открытия памятников эстонским участникам Второй мировой войны на стороне Третьего рейха.

Весной-летом 1989 г. «гражданские комитеты» – Комитеты граждан довоенной Эстонской Республики, созданные Партией национальной независимости (ПННЭ-RSP) действовали все более активно. Их организация строилась по образцу Народного фронта – создавались группы поддержки, затем их представителями был организован съезд «граждан Эстонской Республики» – «Эстонский Конгресс». Выборы в него состоялись в феврале 1990 г. Был избран т.н. «Комитет Эстонии» – 71 человек во главе с Т.Келамом.

Вначале руководство Народного фронта отнеслось к национал-радикальному Конгрессу отрицательно. Затем часть руководства и членов Народного фронта (в первую очередь М.Лауристин) поддержали движение Конгресса Эстонии – в Комитет Эстонии вошло 18 членов Народного фронта.

Можно отметить, что в Народном фронте существовало две линии в отношении национал-радикального движения, что нашло свое отражение и в различии позиций лидеров Народного фронта Э.Сависаара и М.Лауристин. В отличие от М.Лауристин, показавшей очевидное тяготение к национал-радикальной идеологии, Э.Сависаар относился к этой идеологии с большей осторожностью. Это различие сохранилось и в дальнейшем. Созданная впоследствии М.Лауристин Социал-демократическая партия Эстонии, а затем партия «умеренных», оказались вопреки своим названиям практически на право-национальных позициях. Центристская же партия Э.Сависаара и в настоящее время остается главным оппонентом право-национальной линии в эстонской политике.

Таким образом, после проведения «Эстонского Конгресса» образовались три главные политические группировки в Эстонии. Сторонникам реформ реального социализма (лево-демократическая линия) противостояли как советские консерваторы (сталинисты), чью линию отстаивало, в частности, Интердвижение, так и национал-радикалы. Эти три главные группировки вступили между собой как в идеологическую полемику, так и в политическую «силовую» борьбу (обмен акциями, декларациями и различными политическими ходами).

Разделение на реформаторов и консерваторов в марте 1990 г. произошло и в Эстонской компартии, которая разделилась на поддерживающую программу реформ КПЭ (под руководством В.Вяляса) и консервативную КПЭ (КПСС), остававшуюся на традиционно советской (сталинистской) платформе (Л.Аннус).

Лево-демократическое направление, ориентированное на «умеренные» элементы Народного фронта и реформаторов в компартии, вело борьбу на два фронта – с коммунистическими консерваторами (сталинистами) и с национал-радикалами.

Летом 1990 г. в Тарту стала выходить газета «Новая (советская) речь» – попытка создания «органа коммунистов-реформи-

стов». Левые демократы исходили из того, что раскол компартии на коммунистов-консерваторов и коммунистов-реформистов был чрезвычайно важен для продолжения реформ в СССР. Необходимо было создать сильную левую партию, которая обеспечила бы поддержку перемен – с одной стороны в антисталинистском, с другой – в отличном от национал-радикального ключе.

Сейчас известно, что план образования и поддержки реформистской компартии – хотя в непоследовательном и не подкрепленном теорией варианте – существовал и у сторонников Горбачева. А.Яковлев, по его словам, предлагал разделение компартии еще в 1985 г., но М.Горбачев отверг это предложение, написав – «рано» (*А.Яковлев. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., Новости, 1992, с. 127–128*). Горбачев вновь возвращается к этой идее («доходит» до нее) к 1990 г. – планирует «раскол» на ноябрь 1991-го. (*А.Грачев. Горбачев. М., Вагриус, 2001, с. 228*). Но и это решение после ряда крайне неудачных шагов – пустых съездов и поддержки консервативных фигур типа И.Полозкова – повисает в воздухе. То есть – как обычно у Горбачева в перестроечный период – правильная мысль приходит к нему слишком поздно и уже не может изменить ситуацию.

План выделения реформистской компартии из КПСС не был реализован как из-за отсутствия у М.Горбачева четкой позиции по данному вопросу, так и из-за резкого противостояния сталинистов, группировавшихся вокруг В.Крючкова. Поборники административно-командной системы относились к планам реформирования и тем более разделения КПСС исключительно негативно. Такие планы ставились реформаторам в вину, оценивались как «раскол» и шаг к «разрушению партии» (*В.Крюков. На краю пропасти. М., Эксмо, 2003, с. 7, 152*). Сталинисты не понимали, что на ряде исторических этапов разделение партии, избавление от консервативного балласта играет положительную роль. Известным примером из самой истории КПСС может служить, например, выделение большевиков из общего социал-демократического течения в 1903 г.

Как представляется, выделение из КПСС сильной левой партии было единственно верным путем реформы советской политической системы, способным обеспечить лево-демократическое развитие «советского пространства», да и вообще выжи-

вание компартий в плюралистическом обществе. Наряду с выделением реформистского крыла КПСС, вторым важнейшим политическим шагом, который мог спасти советскую перестройку как «позитивный» процесс, могла бы стать поддержка реформистским левым центром умеренных элементов Народных фронтов. Эта поддержка была крайне необходима для новой стабилизации системы.

Между тем консервативно-советским (сталинистским) силам удалось в 1990-91 гг. сорвать процесс выделения из КПСС сильной демократической левой партии, а тем самым и попытки реформирования компартии. Горбачев, как и в ряде других важных аспектов реформ, не осознал своевременно важности этого шага и не сделал его, находясь под влиянием сторонников административно-командной системы. Отсутствие такого шага стало одной из серьезных причин провала перестройки. Не получили никакой поддержки московского центра и умеренно-реформистские силы Народных фронтов; напротив, поборники административного социализма продолжали до самого путча поддерживать интеллигентские группировки, которые единственно считались ими «патриотическими».

XXVIII съезд КПСС лета 1990 г., с которым были связаны последние надежды на партийную реформу, не привел к оформлению демократической части внутри партии. Наоборот, демократы вскоре были исключены из КПСС и были вынуждены образовать иные политические организации – как левой, так и правой ориентации. Съезд левой «Республиканской» партии состоялся в Москве 17–18 ноября 1990 г.

«Образование партии на основе демплатформы, – отмечалось в этой связи, – кладет начало исключительно важному процессу формирования движения коммунистов-реформаторов в СССР» (И.Розенфельд. Демплатформа вне КПСС: съезд Республиканской партии. – Советская Эстония, 2 декабря 1990).

Однако, к сожалению, Республиканская партия в России не сыграла роль альтернативной КПСС левой партии. Такая партия так и не была создана. Этот, как и ряд других шансов перестройки, оказался упущенным.

Вопрос о современной левой партии в России не решен и до настоящего времени. В начале 2003 г. после выхода ряда деяте-

лей КПРФ во главе с Г.Селезевым из зюганистской компартии снова возник вопрос о создании «обновленного» варианта КПРФ. Однако номенклатурные предпочтения бывших сторонников Г.Зюганова вряд ли позволят им создать в России реально анти-сталинистскую левую партию.

В газете «Новая советская речь» делалась попытка формулировки лево-демократической концепции перестройки, критиковался коммунистический консерватизм партократии и сталинистов, переход сталинистов на шовинистические позиции. Одновременно велась и критика национал-радикализма в республиках.

В рубрике «Вокруг союза» отстаивались идеи реформ национального устройства СССР, отсутствие перемен в котором стало причиной произошедшего летом 1990 г. целого «парада суверенитетов» (Украина, Белоруссия, Молдова, Таджикистан, Армения и... РСФСР).

«Избавляясь от класса партийной номенклатуры, республики, включая РСФСР, выходят не из союза, а «из-под бюрократии» – не с тем, чтобы разбрестись в разные стороны, но чтобы создать новое небюрократическое единство» (Декларации о суверенитете – что это значит? – Новая советская речь, август 1990, ¹ 3, с. 7).

Специальная рубрика в газете («Национал-сталинисты за работой») была посвящена анализу и критике национал-сталинизма в России – консервативной и шовинистической идеологии (постепенно эволюционировавшей к нацизму), к которой все более явно склонялась партократия и силы, поддерживавшие ее. Анализировались выступления представителей данного направления, включая и доньше известных – Смирнова-Осташвили, генерала Мокашова, бывшего в описываемый момент советником С.Хуссейна перед его вторжением в Кувейт, будущего покровителя РНЕ Н.Кондратенко и др. Описывались идеологические «силовые акции» этих сил – нападение на демократический союз писателей «Апрель», первая в России публикация «Майн кампф» Гитлера в сталинистском «Военно-историческом журнале», поджоги редакций демократических газет, убийство священника о. А.Меня.

Вышло 5 номеров газеты (июнь-декабрь 1990), но из-за отсутствия какой-либо финансовой поддержки издание было прекращено.

В 1990 г. развитие перестроечных процессов приобретало все более драматический характер.

На «европейском» поле реального социализма перестройка понесла ряд серьезных поражений – в первую очередь после прихода к власти в Польше право-национальных группировок «Солидарности» и объединения Германии в «правом» варианте. Провал «позитивного» развития «коммунистического пространства» объяснялся не только преобладающим влиянием западных демократий, но и долговременной устарелой сталинистской политикой СССР, грубыми просчетами административно-командных сил в Восточной Европе после подавления Пражской весны. Сами сталинисты между тем были склонны сваливать поражения на сами реформы, инициаторы которых все больше начинали трактоваться советскими ортодоксами как «западные агенты влияния» (В.Крючков).

В самом СССР внешнеполитические поражения перестройки как процесса «положительных реформ» использовались административно-командными силами для все более жесткого противодействия переменам (топтание которых на месте фактически было одной из важнейших причин растущего кризиса). Их усилия были направлены не только против «правых» в западном смысле сил, но и против всех противников командной системы вообще.

В связи с этим в Эстонии (как позже и во всех национальных республиках СССР) все более резко стал ставиться вопрос об отделении от СССР. Понятно, что Прибалтийские республики не могли не поставить вопрос о собственной государственности – тем более, учитывая исторические особенности вхождения их в состав СССР. С 1988 г. в Эстонии активно обсуждались «больные» исторические вопросы – о Тартуском мире 1920 г., пакте Молотова-Риббентропа и др.

Подчеркнем, однако, еще раз ту точку зрения, что существовали различные варианты восстановления независимости Эстонии, как и всех бывших советских республик. Национал-радикалы отстаивали право-национальный вариант такого восстановления, с устранением всех советских структур и воссозданием в максимальном объеме структур довоенной республики. Лево-демократический вариант независимости Эстонии (отчасти отраженный в позднейших новоогаревских соглашениях 1991 г.)

предполагал более «эволюционный» путь преобразований советской федерации, с сохранением ряда ее достижений. Такой вариант вовсе не являлся какой-либо катастрофой для мира реального социализма, как это трактовали сталинисты, – он был наименее болезненным для «советского пространства», был путем его эволюционного развития.

У В.Крючкова, одного из организаторов ГКЧП в августе 1991 г., и до сих пор сохранившего приверженность старым взглядам, территориальное единство Союза (а фактически – единство под эгидой сталинистской бюрократии) оказывалось главной ценностью – даже большей, чем сам строй постсоветского пространства. Сейчас вполне очевидно, что значительно больше пагубных последствий для «посткоммунистического» пространства имел приход к власти в бывших республиках СССР и странах «реального социализма» национал-радикалов, спровоцированный общей «подрывной» и «деструктивной» (пользуясь их языком) ролью сталинистов в процессе реформ и, в частности, августовским путчем.

Интересно, что в ряде случаев национал-радикальные лидеры вступали в политический союз со сталинистами. Характерные примеры – поддержка ГКЧП лидером грузинских национал-радикалов Звиадом Гамсахурдия, такая же поддержка путча «российским патриотом», «противником коммунизма» и «борцом за капитализм» В.Жириновским.

В результате действий советских консерваторов, имевших явно «деструктивный» характер, все более дискредитировался «лево-демократический» путь восстановления независимости Эстонии, возможности для которого открывали концепция республиканского хозрасчета и нового Союзного договора. Все более привлекательным начинал казаться путь национал-радикальный, навязывающий максимально резкий разрыв с наследием «реального социализма». Соответственно усиливалась и поддержка в эстонской среде национал-радикальных сил.

Поборники административно-командной системы между тем лицемерно обвиняли в появлении и усилении национал-радикализма инициаторов и сторонников реформ. Ими публиковались соответствующие статьи как в республиканской и союзной прессе, так и в специальных «партийных» изданиях типа «Вестника Интердвижения».

Один из авторов «Вестника» Т.Чернавцева в духе теории «масонского заговора» возлагала вину за национал-радикализм (в его наиболее резких проявлениях) на интеллигенцию вообще и в частности на «либеральных» тартуских профессоров – от М.Л. Бронштейна до Ю.М. Лотмана.

В ответ было показано, что национал-радикализм порождала и постоянно усиливала не поддержанная интеллигенцией идеология и политика назревших перемен, а консервативная политика противодействия им.

«Национал-радикалы – прямое отражение тоталитарного сталинизма, только с обратным знаком. Сторонники национальной диктатуры и единомышленники Чернавцевой – сталинские и несталинистские борцы с космополитизмом одинаково тоталитарны, вылеплены из одного и того же тоталитарного теста. Даже с памятниками они борются одинаково... Считающим себя истинными марксистами интерам не мешает помнить, что перестройка, как и прежние революции, создавалась не «заговорами» и не заграничными разведками, а в первую очередь объективными законами и потребностями общества» (И.Розенфельд. Новые подвиги Нины Андреевой Кохтла-ярвесского уезда, или Т.Чернавцева против тартуских профессоров. – Вперед, 17 января 1991, с. 2–3).

Не понимая этого, сталинисты все чаще вынуждены были прибегать не к реальным, а мифологическим объяснениям ситуации. Консервативно-советское (сталинистское) направление как в Эстонии, так и в других республиках СССР, все отчетливее тяготело к «масоноборческой» идеологии, риторике по поводу т.н. «сионизма».

Заметим, что шовинистическая концепция «сионизма» не имела ничего общего с реальным сионизмом, но представляла собой своеобразный идеологический конструкт, в основе которого лежала специфически препарированная сталинистами теория «всемирного еврейского заговора». Эта теория сама по себе красноречиво показывала переход советских консерваторов (сталинистов) к идеологии шовинизма и даже нацизма. Данные мотивы звучали в уже упоминавшемся «Вестнике Интердвижения»; проникали они и в тартускую газету «Вперед» – вначале в виде «анонимных» писем. Для советских сталинистов было ха-

рактенно стремление «списать на “сионистов” репрессивные дела сталинизма и командно-административной системы» (*И.Розенфельд. Национал-патриоты атакуют. – Вперед, 7 августа 1990*).

В Эстонии (в Тарту) появилось и известное общество «Память» – организация, созданная, как показывают многие свидетельства, консервативными элементами советских спецслужб. (Об этом сообщали О.Калугин, В.Чебриков и др. – см. *А.Яковлев. Омут памяти. М., Вагриус, 2000, с. 318.*) Возглавлял тартускую организацию «Памяти» бывший работник мясокомбината Н.Пеганов, приносивший «документы» тартуской «Памяти» в газету «Вперед». Тартуская «Память» и стоявшие за ней силы прибегали и к прямым угрозам. Некто Вадим Губский, явившийся в газету «Вперед» в январе 1991 г., от имени «Памяти» угрожал авторам «Новой речи», требуя прекращения «антирусских публикаций», под которыми имелись в виду критические статьи о национал-сталинизме и эмблема рубрики – двуглавый орел со свастикой и звездой. Разумеется, критики сталинизма и не думали отождествлять Россию с нацизмом в России (как подлинные левые никогда не отождествляли нацизм в Германии с Германией вообще).

Последующие годы, однако, показали, что шовинистическое и даже нацистское течение получило в «посткоммунистической» России весьма широкое развитие. К концу 1990-х гг. российское нацистское движение (в том числе баркашовское РНЕ – Русское национальное единство) усилилось настолько, что планировало в 1998 г. марш по Москве, с большим трудом запрещенный властями столицы. В ряде регионов России – например, в Краснодарском крае, – деятельность РНЕ до сих пор ведется вполне легально и с 1996 г. постоянно пользуется поддержкой руководства края. Речь идет в первую очередь о губернаторе Н.Кондратенко, до сих пор сохраняющем свое влияние во властных структурах России и перед выборами осени 2003 г. ставшим второй главной фигурой в списке КПРФ после Зюганова.

Тем более странно читать, например, у В.Крючкова о том, что в период перестройки «родилась идея, точнее, она была запущена к нам организацией Бнай-Брит, объявить русское национальное движение фашистским как по задачам, так и по идеологии» (*В.Крючков. На краю пропасти. М., Эксмо, 2003, с. 39*).

Если «Память» и РНЕ попросту – «русское национальное движение», то национал-социалистическая партия Германии 1930-40-х гг. – видимо, не более чем «умеренно-патриотическое немецкое национальное движение».

Интересно, что позицию В.Жириновского в национальном вопросе, которую ни один марксист не определил бы иначе, чем шовинизм, такой «поборник ленинизма» как Крючков определяет как «патриотизм» (*там же*, с. 38).

Через короткое время, в середине 1990-х гг., шовинистические российские элементы в Эстонии (поддерживаемые, по-видимому, «нацистской закулисой» в России) отчетливо проявили себя как в прессе, так и в реальных действиях. В 1994 г. в Эстонии появилось 2-е издание перевода 1934 г. «Протоколов сионских мудрецов» на эстонский язык. В эстонской прессе была опубликована серия статей, начиная со статьи Ю.Лина в «Eesti ekspress», с попытками активизировать антисемейские настроения в Эстонии (см. *И.Розенфельд. От Берна до Тарту. К 60-летию процесса по «Протоколам сионских мудрецов»*. – *Русская газета, 16 марта 1996 – Постимезс, 7 февраля 1996*). Проводились в Эстонии также и «активные акции» – акты вандализма на еврейских кладбищах, поджог синагоги в Таллинне. Многие видели в этой деятельности результат активности тех же структур, которые в свое время создавали «Память» в Эстонии.

Между тем политические процессы рубежа 1990-х гг. шли дальше, противоречия углублялись. Кризис и нарастание элементов хаоса были порождены неспособностью правящей советской группировки решать реальные проблемы реформ существующего общества. В некоторых случаях она отваживалась на радикальные (обычно – противоречиво-скачкообразные) шаги, в других и чаще всего – запаздывала, так и не принимая нужных решений. Опоздало предложение Союзного договора – к нему вернулись лишь после Декларации независимости Эстонии, – опоздали новоогаревские соглашения Горбачева, – которые, впрочем, не были приемлемы сталинистам в принципе и послужили непосредственным поводом августовского путча 1991 г.

К концу 1990 г. преобладающими в Прибалтике стали идеи отделения от СССР. Отсутствие продвижения в реальной перестройке Союза заставило Прибалтийские республики отойти от

первоначальной концепции «союзного договора» и поставить вопрос о выходе из СССР.

11 марта 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР принял акт о восстановлении литовской независимости. 2 февраля 1990 г. была принята Декларация независимости Эстонии. Ее поддержали и коммунисты-реформаторы, и русскоязычные политики, стоявшие на позициях реформ. Как показал референдум 3 марта 1991 г., это решение поддержало более трети русскоязычного населения республики.

3. Последний период перестройки (1991 г.) и ее крах. Причины распада СССР

С начала 1991 г. можно говорить о третьем периоде перестроечных процессов, который характеризовался переходом конфликтов в стадию непосредственных силовых столкновений.

К концу 1990 г. завершилось объединение консервативных советских (сталинистских) сил – был создан координационный совет интердвижений, прямо связанный с депутатской группой «Союз». Еще с 1989 г. они призывали к применению силы против сторонников реформ, к прямому президентскому правлению и даже введению военного положения. Наконец, к началу 1991 г. им удалось добиться от горбачевского руководства реальных силовых акций.

В январе 1991 г. центральное советское руководство применило силу в Прибалтике – Вильнюсе и Риге – с целью восстановить в Литве и Латвии власть консервативного центра. Под угрозой находилась и Эстония. Сторонники русскоязычной секции Народного фронта Эстонии резко осудили это применение силы и показали, что результатом подобных действий может стать выход процессов советских реформ из-под контроля.

На «круглом столе» «События в Прибалтике – истоки и уроки» в январе 1991 г. Ю.Таммару отмечал, что «развитие событий в Прибалтике координируется из единого центра... Везде созданы комитеты спасения, которые от имени народа предъявили ультиматумы Верховным Советам и правительствам» (*Советская Эстония, 29 января 1991, с. 3*). «Игра на чувствах сторонников диктатуры, – говорил Р.Григорян, – началась уже с сентября... Сейчас наступление на сторонников суверените-

та республик сопровождается наступлением на гласность в центре» (*там же*).

«Перед нами, – отмечалось в обзоре этих событий в газете «Вперед», – приметы широкомасштабного поворота вправо, который не мог не быть санкционирован М.Горбачевым... Создать «обновленный» союз республик в состоянии не полностью устаревшая политика силы, но только новая политика взаимных компромиссов. Только такая политика, учитывающая как суверенитет наций, так и права их меньшинств и соседей, способна не воссоздать старую конфронтацию, но привести к новому единству связанных между собой наций» (И.Розенфельд. Горби показывает зубы, или Могут ли танки решить прибалтийский вопрос? – Вперед, 22 января 1991).

В рамках «правого» поворота Горбачева конца 1990 - начала 1991 г. все шаги по децентрализации – как экономические, так и политические, – были отброшены. Ряд известных сторонников реформ ушел в отставку. Новым премьер-министром СССР (до этого – министром финансов) В.Павловым была похоронена рыночная реформа.

В момент обострения опасности применения силы советскими консерваторами Эстонию поддержали российские демократы. 12 января в Таллинн прибыл Б.Ельцин. Было подписано историческое соглашение между Российской Федерацией и тремя Прибалтийскими республиками о взаимном суверенитете. Это было первое послевоенное признание высшим российским руководством полного суверенитета Эстонии. Значение такого шага демократических сил России перед лицом усиливающейся и угрожающей насилием реакции трудно переоценить (об этом см. *М.Бронштейн. На службе национальных интересов Эстонии, наст. сб., с. 204*).

Б.Ельцин призвал русскоязычное население, а также служащих в Прибалтике военных, не участвовать в антинародных акциях. Он сообщил также о решении четырех крупнейших республик СССР «не дожидаясь Союзного договора, заключить между собой четырехсторонний договор по всем позициям, а для этого собраться в ближайшее время в Минске» (*Союз можно было сохранить, с. 132*). Это означало, что руководство новой России практически начало «снизу» процесс установле-

ния отношений между бывшими республиками СССР, опережая постоянно отстававший от событий горбачевский центр.

Но силовые акции в Прибалтике еще не были закончены. 20 января группа ОМОНа атаковала здание МВД Латвии в Риге, погибло четверо человек. Горбачев при этом заявил, что «события, которые произошли в Вильнюсе и Риге, ни в коем случае не являются выражением линии президентской власти» (*Правда*, 23 января 1991).

На 17 марта 1991 г. горбачевским руководством был назначен референдум о единстве СССР. В ответ на это в Прибалтике были проведены предварительные референдумы (в Эстонии – 3 марта), на которых был поставлен вопрос о независимости Прибалтийских государств, в том числе и Эстонии. В Эстонии 77,8% жителей, принявших участие в голосовании, высказались за независимость республики, в их числе и 1/3 русскоязычного населения.

Левые демократы поддержали провозглашение независимости Эстонии, считая, что в условиях провала реформ союзного государства и сохраняющейся административно-командной политики отделение от СССР остается для Прибалтики единственным выходом. Поддержав независимость Эстонии, левые демократы исходили из того, что коль скоро сталинистские силы не оставляют реформистам в республиках иных вариантов кроме отделения от СССР, то для развития бывших советских республик и Восточной Европы лучше независимость «слева», чем «справа», грозившая серьезными конфликтами.

Весной 1991 г. горбачевское руководство, наконец, приступило к реализации нового «новоогаревского» варианта Союзного договора. К разработке такого договора Горбачева склонили нарастание национальных конфликтов, неудачи силового решения прибалтийских проблем, результаты мартовских референдумов, а также начатые самими республиками (прежде всего Российской Федерацией) попытки установления договорных отношений между собой «снизу» (1 февраля был опубликован текст договора между РСФСР и Казахстаном).

В целом весной и летом 1991 г. после крена «вправо» и силовых акций осени-зимы 1990-91 гг. Горбачев пытается сделать на этот раз «левый» поворот. Становится очевидным его отход от наиболее консервативного крыла сторонников. В.Бакатин

отмечает его разрыв 21 июня с консервативной группой «Союз». (*В.Бакатин. Избавление от КГБ. М., Новости, 1991, с. 51.*) Наметились контакты Горбачева с демократами, были достигнуты договоренности с Б.Ельциным, самостоятельно начавшим в начале 1991 г. процесс реализации нового Союзного договора. Горбачев фактически идет на «ельцинский», более демократический вариант данного договора.

В русле поворота «влево» планировалась даже отставка В.Крючкова и Д.Язова (*М.Горбачев. Жизнь и реформы. М., Новости, 1995, кн. 2, с. 556*). Последнее, по мнению самого Горбачева, сыграло роль «последней капли» в решении путчистов предпринять попытку переворота.

Подготовка к подписанию нового Союзного договора началась весной-летом 1991 г. Этот договор в общем соответствовал концепции «обновленной федерации», которую предлагали эстонские сторонники реформ еще в 1988-89 гг. Он означал попытку создания федерации в варианте, сходном с предложенным Лениным в 1922 г., а также с тем, который в начале 1991 г. явочным порядком начал реализовывать Б.Ельцин. Однако время было упущено – два года промедления оказались для «эволюционного» пути реформ Союза роковыми.

По свидетельству М.Горбачева, подписание нового Союзного договора планировалось по меньшей мере в два этапа. Первый был назначен на 20 августа 1991 г. (вначале его должны были подписать Россия и Казахстан), второй этап намечался на начало октября 1991 г., после проведения в сентябре референдума на Украине (*М.Горбачев. Жизнь и реформы, кн. 2, с. 552*).

Ряд бывших республик СССР (причем не только Прибалтийских) оставался в это время вне данного договора. С ними договор предполагалось «дорабатывать».

По свидетельству участников разработки документов, которые должны были регулировать отношения Эстонии и нового союза государств, Прибалтика получала в рамках «новоогаревского» процесса «особый статус», фактически признавалась независимость Прибалтийских государств (*М.Бронштейн, см. данный сб., с. 205–206*). Таким образом, новоогаревский путь преобразования СССР был, по-видимому, существенно ближе к лево-демократическому, чем тот, который реализовался после августовского путча. Будучи «многовариантным» и включая

в себя признание независимости Прибалтийских стран, он позволил бы легче перейти к постсоветской рыночной системе, чем тот, который стал реальностью в результате мятежа сталинистских сил в августе 1991 г.

Важную роль в согласовании вопросов, связанных с независимостью Эстонии, весной-летом 1991 г. сыграла комиссия Съезда народных депутатов СССР, в которую входил М.Бронштейн (об этом см. *наст. сб.*, с. 205–206, 208). Готовились договоры о свободной торговле, научно-техническом сотрудничестве, статусе поэтапно выводимых войск и правах национальных меньшинств. В подготовленный вариант были заложены таким образом и гарантии прав русскоязычного населения республики.

Между тем для советских сторонников административно-командной системы были неприемлемы как своевременные шаги по реформе федерации, так и запоздалые «новоогаревские» соглашения. Советские консерваторы, мнение которых отражает, например, В.Крючков, рассматривали в качестве главной ценности «сохранение Союза» в его сталинской административно-командной форме – строй будущих республик их или не интересовал совсем, или рассматривался как нечто второстепенное. В «остатке» оказывалась традиционно-сталинистская, а подчас и чисто имперская концепция. «Социалистическую федерацию» СССР Крючков трактует как «великую державу, насчитывающую тысячелетнюю историю своего становления, развития и укрепления» (*В.Крючков. На краю пропасти*, с. 337).

Как сообщает сборник «Власть и оппозиция», «сторонники союза как сильного федеративного государства (а это так называемое консервативное крыло КПСС, партии и движения патриотического толка) посчитали новоогаревский проект недопустимо большой уступкой республиканским сепаратистам» (*Власть и оппозиция*, с. 325). Понятие движений «патриотического толка» фигурирует у авторов без кавычек. Подразумевается, что «патриотизм» соответствует сохранению административно-командной системы.

Такая позиция советских консерваторов была ошибочной – главной целью реформ было сохранение лево-демократического пространства. Пытаясь «спасти союз» (а практически – устарелую административно-приказную форму этого союза), они в

действительности разрушили саму возможность «положительного» развития сложившегося в СССР общества.

Несмотря на реформистские шаги Горбачева весны-лета 1991 г., консервативные силы в центре продолжали усиливаться, все больше делая ставку на силовые акции. Результатом этого стал путч 19 августа 1991 г. и распад СССР в конце того же года.

Подписав документы намечавшегося на 20 августа первого этапа новоогаревского соглашения, М. Горбачев отправился в отпуск, надеясь после него сделать первые шаги к новому союзу. Между тем противники реформ уже были готовы к выступлению. 17 августа участник путча Д. Язов «посочувствовал» Горбачеву. «Подписал бы договор, – сказал Язов, – а потом в отпуск отправлялся. И все было бы хорошо»... (*В. Степанков, Е. Лисов. Кремлевский заговор. Версия следствия. М., Огонек, 1992, с. 86*). Но «хорошо» не получилось. 19 августа 1991 г. жители СССР узнали о введении в СССР «чрезвычайного положения».

Подготовка основных акций путчистов, в том числе и касающихся Прибалтийских республик, началась за несколько дней до этого. Утром 18 августа 1991 г. В. Крючков сообщил своим заместителям, начальникам управлений КГБ Жардецкому и Воротникову, чтобы они «сформировали и отправили в Эстонию, Латвию и Литву группы сотрудников КГБ» (*Степанков, Лисов, ук. соч., с. 20*).

Русскоязычные демократы в Эстонии осудили путч, интердвиженцы активно поддержали его. Стремясь предотвратить кровопролитие, русскоязычные демократы встречались с военными, участвовали в агитации на предприятиях против путчистов. В результате ряд военных руководителей (в частности, начальник Тартуского гарнизона полковник В. Янин) занял выжидательную позицию (*Коричневый путч красных. Август 91. Хроника, свидетельства прессы, фотодокументы. М., Текст, 1991, с. 103–104*). Забастовку против путча в Эстонии поддержали даже некоторые предприятия союзного подчинения – в том числе Тартуский и Вырусский приборостроительные заводы, «Ильмарине» и др. (*Советская Эстония, 22 августа 1991, а также – Коричневый путч красных, с. 116*).

В дни путча руководство республики (А. Рюйтель, Э. Сависар) выступило с новым подтверждением провозглашенной не-

зависимости Эстонии. Демократическое российское руководство во главе с Б.Ельциным, находясь под прямой угрозой нападения сталинистских сил, также подтвердило свое провозглашенное ранее признание независимости Эстонии. По сообщению тартуской газеты «Вперед», «находящийся в Париже министр иностранных дел РСФСР Козырев обратился к странам Запада и всего мира с предложением о признании Прибалтийских государств независимыми» (*Вперед*, 22 августа 1991).

Военные акции чрезвычайного положения, в том числе и в Эстонии, сорвала стойкость демократов – в первую очередь в Москве. Путч потерпел поражение. Результатом сталинистского выступления стал срыв новоогаревских соглашений и в конечном счете – распад СССР в ноябре 1991 г.

Лево-демократическая критика показывала прямую связь краха СССР с консервативно-советской (сталинистской) политикой московского центра и деструктивной ролью сталинистских структур.

«Результат сталинистского путча, как уже многократно бывало, оказывается прямо противоположным тому, на который рассчитывали его организаторы. Его результатом в центре... может стать окончательное падение партократии и СССР... Противоположным будет и результат в отношениях центра и республик, недавно входивших в СССР. Тоталитаристы решились на свой путч как раз тогда, когда в виде нового Союзного договора должна была быть узаконена многовариантная форма союза, давно предлагавшаяся демократами. Что касается Прибалтики, то ее отдаление от СССР в результате путча будет, видимо, значительно большим, чем это было заложено в новоогаревском союзном варианте. Парадоксальным образом Язов с Пуго оказываются отцами новейшей прибалтийской свободы» (И.Розенфельд. Неосталинистская авантюра и новый виток революции в СССР. – Вперед, 24 августа 1991).

Оценка причин распада СССР давалась в лево-демократической публицистике иначе, чем представителями иных направлений. Согласно теоретикам национал-радикального направления, единственным вариантом перестройки мог быть крах СССР и победа традиционного западного общества. Думается, это неверно. К распаду СССР привела политика сталинистских сил

и горбачевского руководства, которое не смогло вовремя порвать с этими сталинистскими силами. Позитивные сценарии перестройки реального социализма существовали. Это было или создание «обновленной федерации», или содействие такому варианту разделения республик, который привел бы к установлению не национал-радикальных режимов. Если бы горбачевское руководство было в состоянии проводить перестройку, переменны могли бы носить более плавный характер и обеспечить политическую однородность систем постсоветского пространства.

Как мы постоянно пытаемся подчеркнуть, для лево-демократической политики было важно, «с какой стороны» должна была быть провозглашена независимость республик бывшего СССР, в том числе и Эстонии. В случае провозглашения независимости силами «слева» (например, правительством Народного фронта, которое практически поддерживала и республиканская компартия), вполне реальной оставалась возможность сохранения единства постсоветского пространства, сохранения нормальных отношений между Эстонией и Россией. Для этого московский центр (или иные силы) должны были содействовать разделению компартии на консерваторов и реформаторов, поддержать реформистское направление компартии и умеренные элементы Народных фронтов. Это дало бы возможность создания в постсоветских республиках лево-демократических режимов, способных к менее конфронтационному решению всех проблем – как экономических и социальных, так и национальных, – чем режимы консервативно-либеральные (об этом напр., *И. Розенфельд. Вторая республика маневрирует. – Вперед, 11 сентября 1990*).

Получилось иначе: ничего этого сделано не было, и события приняли известный нам исторический вид – к власти на волне полного отрицания советской системы пришли национал-радикалы. Их поддерживали консервативные круги Запада, им в достаточной мере не противостояла и политика России.

«В победе крайних национальных группировок «бытовое» общественное мнение подчас склонно обвинять сами начатые преобразования., а также выступившую за реформы демократическую (в том числе русскоязычную) интеллигенцию, Народный фронт. Такое обвинение совершенно неверно... Шовинистическая политика прежнего руководства СССР (в том числе и в Прибалтике), неспособность дого-

вориться с центристами и привели в конечном счете не только к провалу реформ, но и к падению самого СССР.

С кем в Прибалтике с начала перестройки боролись московские консерваторы, включая организации бывшего КГБ и национал-патриотов в центре? С демократами (университетской интеллигенцией) и Народным фронтом, фракция которого сегодня – наибольшая надежда умеренных в Госсобрании. Кого поддерживала Москва эпохи Лукьяновых, Язовых и Крючковых? Конечно, не центристов, а наиболее одиозных интеров... Располагая еще недавно мощными ресурсами, Москва, однако, совершенно не поддерживала русскоязычные демократические группировки типа русской секции Народного фронта или РДД» (И.Розенфельд. После выборов в Эстонии: пик кризиса еще впереди. – Русская газета, 30 сентября 1992).

Основной вывод, который должен быть сделан (и повторен из анализа прошлого десятилетия): образование Прибалтийских государств и Эстонии в крайнем национал-радикальном варианте стало прямым следствием не «разрушительных» горбачевских реформ (которые давно назрели), но неспособности московского центра проводить эти реформы последовательно, а также – разрушительных акций советских консерваторов-сталинистов, сорвавших «левый» вариант образования национальных государств. Даже при победе «новоогаревского» горбачевского варианта союза, который был для сталинистов жупелом «полного развала», самостоятельное эстонское государство имело бы более «левоцентристский» характер, и влияние в нем национал-радикалов было бы существенно меньшим, чем это произошло после августовского путча.

* * *

Подводя краткие итоги, можно сказать, что Эстония в 1987-91 гг. была в некотором смысле «образцово-перестроечной» республикой, где раньше всего проявлялись как процессы, идеи, так и противоречия, которые затем обнаруживались и в других регионах СССР.

Левые демократы отстаивали ту точку зрения, что перестройка имела шанс «позитивного» преобразования «реального со-

циализма», то есть перехода к открытому обществу с сохранением достижений предшествующего развития. Однако чрезмерное влияние сталинистских сил и неспособность горбачевского руководства к проведению радикальных реформ перечеркнули эту возможность. В результате просчетов руководства СССР, от которого слишком многое зависело в сверхцентрализованной стране в период динамичных перемен, а также подрывных акций сталинистов (в первую очередь августовского путча) Советский Союз распался. К власти в ряде бывших советских республик (в том числе и Эстонии) пришли национал-радикалы.

Л.Троцкий в свое время по поводу сталинского правления писал о «преданной революции». Можно сказать, что перестройка и перестрочные левые силы в Эстонии были так же преданы – сталинистами в московском центре. Реформистские силы в КПЭ, эстонские демократы – противники национал-радикализма и национализма, русскоязычные сторонники реформ – все они были «провалены» консервативным московским центром, до конца поддерживавшим несостоятельных интеллигентов, и «сданы» эстонским национал-радикалам – вместе с бывшей союзной собственностью и самой перспективой «эволюционного» развития имевшегося общества.

В дальнейшем, в результате поддержки определенных сил Запада с одной стороны и ошибочной политики России с другой, национал-радикалы смогли надолго укрепиться у власти и установить контроль над основными республиканскими структурами. Они смогли навязать Эстонии свой сценарий экономического развития, связанный с ослаблением и разрушением национальной промышленности и сельского хозяйства, ведущий к тяжелым социальным последствиям. Ими были навязаны и конфликтные отношения между национальными общинами. Противостояние левых и центристских сил такому развитию стало значительно более трудным.

